

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов
имени Патриса Лумумбы»

На правах рукописи

ТЕПЕ Абдусселама

**ОТНОШЕНИЯ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ
С АРАБСКИМИ ГОСУДАРСТВАМИ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА
(2002–2021 гг.)**

Специальность 5.6.7. История международных отношений
и внешней политики

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
кандидат исторических наук, доцент
Савичева Елена Михайловна

Москва – 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. Факторы отношений Турции с арабскими странами Персидского залива (2002–2010 гг.)	24
1.1. Причины активизации ближневосточной политики Турецкой Республики с приходом к власти Партии справедливости и развития	24
1.2. Экономические предпосылки развития отношений Турции со странами – членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: «зеленые инвестиции»	42
1.3. Стратегическое партнерство между Турцией и Катаром:..... политические и идеологические аспекты	61
Глава 2. Отношения Турции с арабскими государствами Персидского залива в период «арабской весны» (2011–2016 гг.)	73
2.1. Турция и аравийские монархии в сирийском кризисе	73
2.2. Ливийский фактор в отношениях Турции с государствами ССАГПЗ (Катаром, ОАЭ, Саудовской Аравией)	90
2.3. Отношения Турции с федеральным правительством Ирака и властями Курдского автономного района Ирака (КАР)	107
Глава 3. Трансформация отношений Турции с государствами ССАГПЗ в региональном контексте (2017–2021 гг.).....	132
3.1. Отношения с Саудовской Аравией и ОАЭ: от сотрудничества к соперничеству.....	132
3.2. Турецкая политика в регионе Красного моря и Африканского Рога: соперничество и партнерство с государствами ССАГПЗ	157
3.3. Взаимодействие Турции с «малыми» государствами Персидского залива (Бахрейн, Кувейт, Оман).....	170
Заключение	184
Список источников и литературы	193

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. За последние два десятилетия турецкая внешняя политика претерпела существенные изменения. Турецкая Республика, руководствуясь национальными интересами, стала проводить активную внешнюю политику с четко акцентированными геополитическими и идеологическими приоритетами в различных регионах, в том числе на Ближнем Востоке, в Северной Африке и на Африканском Роге. Если до начала XXI в. внешнеполитическая стратегия Турции была практически неотделима от намерений и действий США и НАТО, то после прихода к власти Партии справедливости и развития (ПСР) четко обозначился самостоятельный курс, нацеленный на превращение страны в одну из ведущих региональных держав. Новую внешнеполитическую концепцию Турции, создающую теоретическую основу для проведения такой политики, можно с полным правом назвать «доктриной Эрдогана». Особенно отчетливо ее реализация проявляется на Ближнем Востоке, где за последнее десятилетие произошло серьезное изменение регионального баланса сил и происходит формирование новых политических альянсов.

Многостороннее взаимодействие с арабскими государствами Персидского залива оказывает во многом решающее влияние на положение и роль Турецкой Республики в системе региональных международных отношений на Ближнем Востоке. Тема исследования представляется чрезвычайно актуальной и для России, учитывая глубину и характер нынешнего российско-турецкого сотрудничества в политической и экономической областях, а также в сфере безопасности. Одновременно Российская Федерация поддерживает тесное и расширяющееся партнёрство с арабскими государствами Персидского залива, о чем, в частности, свидетельствуют усилия российской дипломатии по созданию мер доверия в данном регионе. Таким образом, изучение и анализ динамики отношений Турции с арабскими государствами Залива в условиях формирования новой

полицентричной системы международных отношений приобретают чрезвычайно актуальный характер как в научном, так и практико-политическом плане.

Степень научной разработанности темы. Российские ученые-востоковеды уделяют серьезное внимание изучению внешней политики Турции в период после прихода к власти партии ПСР в 2002 г. Особо отметим работы одного из ведущих российских тюркологов В.А. Аваткова, среди которых имеются труды, посвященные внутренней и внешней политике Турецкой Республики¹. В своих исследованиях внешней политики Анкары автор использовал «идейно-ценностный подход», что позволило ему провести анализ внешней политики Турции не только сквозь призму национальных интересов, но идей и ценностей в рамках внешнеполитической идеологии, что особенно важно, по мнению В.А. Аваткова, «в контексте укрепления идейно-ценностного фактора в современной системе международных отношений». ²

Ближневосточному вектору внешней политики Турецкой Республики посвящена монография И.И. Ивановой³. Однако, учитывая большой хронологический период, о котором идет речь в данной работе (от президентства Мустафы Кемаля Ататюрка до наших дней), отношения Турции с государствами Персидского залива в ней рассматриваются лишь фрагментарно.

Исследованию различных аспектов турецкой внешней политики в регионе Ближнего Востока посвящены работы таких авторов, как А.А. Волович⁴, А.Г. Гаджиев⁵, А.А. Кузнецов⁶, В.А. Надеин-Раевский⁷,

---

¹ *Аватков В.А.* Турецкая Республика. Внешняя политика: от 2002 к 2018. Монография. М.: Юрайт. 2019. 136 с.; *Аватков В.А.* Турция: поворот на Восток // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2017. Т. 10. № 2. С. 181–186.

² *Аватков В.А.* Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений. Диссертация на соискание ученой степени д.п.н. М., 2020. С.5.

³ *Иванова И.И.* Эволюция ближневосточной политики Турции в XX-XXI вв. М., 2019. 380 с.

⁴ *Волович А.А.* Турция и арабские революции 2011 года // Сайт Института Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html (дата обращения: 10.02.2023).

⁵ *Гаджиев А.Г.* Обострение турецко-сирийских отношений // Сайт Института Ближнего Востока. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html (дата обращения: 10.02.2023).

А.Ю. Носков⁸, И.А. Свистунова⁹, И.И. Стародубцев¹⁰, П.В. Шлыков¹¹ и др. Так, в статье И.А. Свистуновой и А.С. Богачевой «Арабский вектор внешней политики Ирана и Турции после арабской весны» отмечается, что Анкара восприняла начало «арабской весны» как возможность для расширения своего влияния в регионе, однако дальнейший ход событий не оправдал ее изначальных ожиданий. В результате в политике Турции в арабском мире в последнее десятилетие возросло значение фактора противодействия вызовам национальной безопасности, что выразилось, в частности, в силовых действиях в Сирии, военной помощи ливийскому правительству в Триполи и развитии военного сотрудничества с Катаром. В работе П.В. Шлыкова «Ближневосточная политика Турции в контексте «арабской весны»» автор констатировал, что «непредсказуемая траектория развития событий требует от Анкары постоянной корректировки внешней политики, эффективность которой оказалась весьма низкой». Важным для диссертационного исследования представляется замечание автора о том, что чрезмерная активность Анкары на Ближнем Востоке в рассматриваемый период вызвала обоснованные опасения у региональных игроков и привела к столкновению с интересами Ирана и Саудовской Аравии. В серии статей И.И. Стародубцева «Большая стратегия Турции», размещенных на сайте Института Ближнего

---

⁶ Кузнецов А.А. О новых тенденциях в ирано-турецких отношениях // Сайт Института Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=27851> (дата обращения: 10.02.2023); Кузнецов А.А. О новых дипломатических инициативах эмира Катара // Сайт Института Ближнего Востока URL: www.iimes.ru/?p=29938 (дата обращения: 10.02.2023).

⁷ Надеин-Раевский В.А. Политика Турции на Ближнем Востоке // Пути к миру и безопасности. 2020. № 1 (58). С. 139–156.

⁸ Носков А.Ю. Братский союз Анкары и Дохи. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2017_07_07/6-955-turkey.html (дата обращения: 10.02.2023)

⁹ Свистунова И.А. Турецко-иранские отношения на Ближнем Востоке: в поисках регионального баланса // Вестник МГИМО-Университета. 2019. Т. 12. № 4. С. 130–144; Богачева А.С., Свистунова И.А. Арабский вектор внешней политики Ирана и Турции после арабской весны // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2021. № 3. С. 61–73.

¹⁰ Стародубцев И.И. Большая стратегия Турции. Ч. 3. URL: <http://www.iimes.ru/?p=74191> (дата обращения: 10.02.2023); Стародубцев И.И. Большая стратегия Турции. Ч. 8. URL: <http://www.iimes.ru/?p=74721> (дата обращения: 10.02.2023)

¹¹ Шлыков П.В. Ближневосточная политика Турции в контексте «арабской весны» // Перспективы [официальный сайт]. URL: http://www.perspektivy.info/book/blizhnevostochnaja_politika_turcii_v_kontekste_arabskoj_vesny_2012-12-17.htm (дата обращения: 10.02.2023).

Востока, анализируется роль турецких экспертных центров и институтов близких к правительству в формировании внешней политике, в частности, в создании сферы влияния на Ближнем Востоке.

Большую помощь диссертанту оказали труды признанных специалистов по арабским государствам Персидского залива Е.С. Мелкумян¹² и Г.Г. Косача¹³, а также работы А.В. Гофмана, посвященные нормализации отношений стран ССАГПЗ с Израилем и реакции на это других региональных акторов¹⁴.

В работе также были использованы статьи Д. Дыканя¹⁵, Т.Р. Хайруллина¹⁶, Ю.Б. Щегловина¹⁷, посвященные различным аспектам внешней политики стран – членов ССАГПЗ на сирийском треке, а также их позиции по иракскому кризису.

Среди работ, подготовленных ведущими российскими востоковедами, содержащих исчерпывающую характеристику динамики геополитической ситуации на Ближнем Востоке, можно выделить труды В.Г. Барановского¹⁸, В.В. Наумкина, И.Д. Звягельской¹⁹, Н.Ю. Суркова, Б.В. Долгова²⁰ и др. В

¹² Мелкумян Е.С. Регион Залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество. М.: ИВРАН, 2008; Мелкумян Е.С. Решения совместной кувейтско-турецкой комиссии // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=18518> (дата обращения: 10.02.2023).

¹³ Косач Г.Г., Мелкумян Е.С. Внешняя политика Саудовской Аравии. Приоритеты, направления, процесс принятия решений. М., 2003.

¹⁴ Гофман А.В. Мир Ближнему Востоку: изменят ли «Соглашения Авраама» историю? // РСМД [официальный сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/mir-blizhnemu-vostoku-izmenyat-li-soglasheniya-avraama-istoriyu> (дата обращения: 08.01.2022); Гофман А.В. Турция и арабский мир: проблемы взаимодействия // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 6 (57). С. 11–51.

¹⁵ Дыканя Д. ОАЭ в роли инициатора возвращения Сирии в арабский мир // РСМД [официальный сайт]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/oe-v-rol-i-initsiatora-vozvrashcheniya-sirii-v-arabskiy-mir> (дата обращения: 08.01.2022).

¹⁶ Хайруллин Т.Р. Катарско-турецкий альянс и Саудовская Аравия: борьба ультраконсервативных проектов в Сирии // Ислам в современном мире: внутрисударственный и международно-политический аспекты. 2018. Т. 14. № 4. С. 235–246.

¹⁷ Щегловин Ю.Б. О действиях Саудовской Аравии на сирийском направлении // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт]. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html (дата обращения: 08.01.2022); Щегловин Ю.Б. О стратегическом сотрудничестве Турции и Катара и его влиянии на ситуацию на Ближнем Востоке и в Северной Африке // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=65863> (дата обращения: 08.01.2022).

¹⁸ Барановский В.Г., Наумкин В.В. Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 3. С. 5–19.

¹⁹ Звягельская И.Д., Кожанов Н.А., Свистунова И.А., Сурков Н.Ю. Государства Ближнего Востока в поисках внешнеполитической идентичности // Мировая экономика и международные

частности, ведущий российский востоковед-арабист Б.В. Долгов рассматривает причины и сущность событий так называемой «арабской весны», а также возникшие в ее результате вызовы и угрозы для национальной и региональной безопасности стран Ближнего Востока.²¹

Значительное внимание внешней политике арабских государств Ближнего Востока и, в частности, стран – членов ССАГПЗ, уделяют российские ученые, работающие в Российском университете дружбы народов имени Патриса Лумумбы (РУДН). В этом контексте необходимо упомянуть монографию В.И. Белова и Е.М. Савичевой «Ближний Восток от настоящего к будущему: вызовы меняющейся идентичности»²², в которой изучаются вызовы эпохи глобализации традиционному восточному обществу, вставшему на путь поиска новых алгоритмов развития и сохранения своей национальной идентичности.²³ Отметим также труды О.С. Чикризовой, посвященные отношениям между суннитской и шиитской общинами²⁴.

Интерес также представляли работы российских специалистов – историков и политологов С.В. Алейникова²⁵, А.А. Быстрова²⁶,

отношения. 2019. Т. 63. № 9. С. 93–103; *Звягельская И.Д., Свистунова И.А., Сурков Н.Ю.* Ближний Восток в условиях «негативной определенности» // *Мировая экономика и международные отношения.* 2020. Т. 64. № 6. С. 94–103.

²⁰ *Долгов Б.В.* Арабский мир в начале XXI в.: между демократией и исламизмом // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность.* 2019. № 5. С. 89–100.

²¹ *Долгов Б.В.* Феномен «арабской весны» 2011-2016 гг.: причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир. М., 2016; *Долгов Б.В.* Исламистское движение и арабский кризис в контексте современных тенденций общественного развития. // *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность.* 2019. № 2. С. 115-125.

²² *Белов В.И., Савичева Е.М.* Ближний Восток от настоящего к будущему: вызовы меняющейся идентичности. М.: РУДН, 2021; *Белов В.И., Савичева Е.М.* Мегатренды регионального развития и «кризисные» страны Большого Ближнего Востока // *Вопросы истории.* 2021. № 11 (1). С. 220–229; *Савичева Е.М., Александров С.А.* Ирак сегодня: на пути к стабильности или к новым политическим кризисам? // *Азия и Африка сегодня.* 2020. № 10. С. 22–28.

²³ *Белов В.И., Савичева Е.М.* Мегатренды регионального развития и «кризисные» страны Большого Ближнего Востока. // *Вопросы истории.* 2021. №11 (1). С. 220-229.

²⁴ *Чикризова О.С.* К вопросу о методологии изучения суннито-шиитских взаимоотношений // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения.* 2015. Т. 15. № 3. С. 74–82.

²⁵ *Алейников С.В.* Политическая ситуация и проблемы национального примирения в Сомали. М.: Институт Ближнего Востока, 2012.

²⁶ *Быстров А.А.* О влиянии противостояния Катара и ОАЭ на развитие внутривосточной ситуации в Сомали // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=41490>(дата обращения: 15.02.2023); *Быстров А.А.* Турция укрепляет свои

Ф.И. Ласкариса²⁷, изучающих современный Ближний Восток. Эти работы касаются проблем современной истории Ливии, Сомали и ряда других государств, находящихся в сфере влияния как Турции, так и арабских государств Персидского залива.

Интересный материал был почерпнут из работ зарубежных (западных, турецких, арабских) исследователей. К ним относится, прежде всего, монография С. аль-Атики и Э. Чалышкана, посвященная всему комплексу отношений Турции с государствами ССАГПЗ²⁸. В работе представлен анализ отношений между Анкарой и аравийскими монархиями в 1980-2015 гг., включая политическое и экономическое сотрудничество, взаимодействие в сфере безопасности; также рассматривается их институциональное развитие. Труд увидел свет до появления серьезных противоречий между Турцией, с одной стороны, Саудовской Аравией и ОАЭ – с другой.

Чрезвычайно интересной представляется монография турецкой исследовательницы Синем Дженгиз, посвященная турецко-саудовским отношениям²⁹. При этом автор акцентирует внимание на трех сюжетах - катарском дипломатическом кризисе, «деле Хашогги» и курдском вопросе. В частности, во второй главе работы рассматриваются двусторонние отношения в первое десятилетие нашего века в свете прихода к власти в Турции ПСР и изменений в саудовском внешнеполитическом курсе при короле Абдалле. В третьей главе исследуется турецко-саудовское взаимодействие после 2010 г. в контексте соперничества между двумя государствами, обозначенного в ходе «арабских революций». Автор подчеркивает, что возникшая в регионе турбулентность в немалой степени связана с тем, что и Турция, и Саудовская Аравия стали проводить более

позиции в Сомали на фоне конкуренции с США // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=73567> (дата обращения: 15.02.2023).

²⁷ Ласкарис Ф.И. Ливия: становление ливийского общества, племенная и религиозная составляющие. Ч. 7 // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт]. URL: <http://www.iimes.ru/?p=72388> (дата обращения: 15.02.2023).

²⁸ Al-Atiki S., Çalıřkan E., Long C. Turkey–GCC relations. Trends and outlook. Istanbul: UIP-ICP, 2016.

²⁹ Cengiz S. Turkish-Saudi Relations. Cooperation and Competition in the Middle East. Berlin: Gerlach, 2021.

наступательную и агрессивную политику, что привело к столкновению их интересов³⁰.

В трудах М.Б. Алтунышыка³¹ рассмотрены взаимоотношения Турции и ИРИ и возникающие при этом разногласия с рядом аравийских монархий (Саудовской Аравией и ОАЭ), а также посвященные турецкой политике в регионе Восточного Средиземноморья, в которых, в частности, анализируются противоречия между национальными интересами Турецкой Республики и ряда соседних арабских государств.

Значительную помощь в работе над диссертацией оказали работы американского востоковеда Грэма Фуллера, в прошлом высокопоставленного сотрудника ЦРУ США, касающиеся внешней политики Турецкой Республики в период 2002–2014 гг.³².

Ряд работ западных исследователей оказались полезны для изучения предпосылок складывания сотрудничества между Турцией и арабскими государствами Персидского залива, а также факторов дальнейшего развития этих отношений. К ним относятся монографии и статьи Р. Апдайка³³, Б. Алирезы³⁴, Б. Башкана³⁵, Ч. Брауна³⁶, Дж. Калабрезе³⁷, Р. Крамера³⁸,

---

³⁰ *Cengiz S.* Turkish-Saudi Relations. Cooperation and Competition in the Middle East. Berlin: Gerlach, 2021. P.9-10.

³¹ *Altunışık M.B.* Turkey's Eastern Mediterranean quagmire. URL: <https://www.mei.edu/publications/turkeys-eastern-mediterranean-quagmire> (дата обращения: 20.03.2021); *Altunışık M.* Turkey as an «Emerging Donor» and the Arab Uprisings // *Mediterranean Politics*. 2014. № 19 (3). P. 333–350; *Altunışık M.B.* Turkey's Humanitarian Diplomacy: The AKP Model. 2019. URL: <https://www.cmi.no/publications/6973-turkeys-humanitarian-diplomacy-the-akp-model> (дата обращения: 20.03.2021).

³² *Fuller G.* The new Turkish Republic: Turkey as a pivotal State in the Muslim world. N.Y.: Bozorg Press, 2007; *Fuller G.* Turkey and the Arab Spring. Leadership in the Middle East. N.Y.: Bozorg Press, 2014.

³³ *Апдайк Р.Дж.* Саддам Хусейн. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

³⁴ *Alirıza B., Flanagan S.* Turkey's evolving relations with Russia and Iran // *The Turkey, Russia, Iran nexus. Driving forces and strategies*. N.Y.: Center for Strategic and International Studies, 2014. P. 20–24.

³⁵ *Baskan B.* Turkey and the UAE: A strange crisis. URL: <https://www.mei.edu/publications/turkey-and-uae-strange-crisis> (дата обращения: 20.03.2021).

³⁶ *Brown C.S.* Turkey in the Gulf wars of 1991 and 2003 // *Turkish Studies*. 2007. № 8. P. 85–119.

³⁷ *Calabrese J.* The Bab el-Mandeb Strait: regional and the great power rivalries on the shores of the Red Sea. URL: <https://www.mei.edu/publications/bab-el-mandeb-strait-regional-and-great-power-rivalries-shores-red-sea> (дата обращения: 20.03.2021).

³⁸ *Kraemer R.* Diversify and expand: Turkey's drive toward natural gas security. URL: <https://www.mei.edu/publications/diversify-and-expand-turkeys-drive-towards-natural-gas-security> (дата обращения: 20.03.2021).

Дж. Ландиса³⁹, С. Ласинера⁴⁰, А. Лиеля⁴¹, Дж. Линдгрена⁴², Р. Маммадова⁴³, Ф. Робинса⁴⁴, Д. Фромкина⁴⁵, Р. Хиннебуша⁴⁶ и др. Так, труд Робина Апдайка, посвященный политической биографии иракского лидера С. Хусейна, важен для понимания политических процессов, происходивших в Иракском Курдистане, и, тем самым, для лучшего проникновения в смысл турецко-иракских отношений и взаимодействия Анкары с КАР. В работе прослеживается генезис и деятельность двух основных политических партий Иракского Курдистана – Демократической партии Курдистана (ДПК) и Патриотического союза Курдистана (ПСК) и их отношений с внешними игроками.

Статьи американского исследователя, профессора Университета Оклахомы Джошуа Ландиса (в частности, «Пять главных полевых командиров») посвящены деятельности радикальных исламистских группировок в Сирии в период 2011-2017 гг. При этом Дж. Ландис первым обратил внимание и проанализировал соперничество в Сирии Саудовской Аравии, с одной стороны, и оси Катар - Турция, с другой, через призму борьбы между просаудовскими («Джебхат ан-нусра») и протурецкими («Ахрар аш-Шам») формированиями.

В работе использовались также статьи турецких и западных ученых и экспертов Э. Бувье⁴⁷, М. Гюнтера⁴⁸, А. Каваля⁴⁹, Ж. Мунье⁵⁰, в которых

³⁹ *Landis J.* Syria top five Insurgent leaders. URL: <http://www.joshualandis.com/blog/biggest-powerful-militia-leaders-syria> (дата обращения: 20.03.2021).

⁴⁰ *Laçiner S.* Turgut Özal period in Turkish foreign policy: Özalism // USAK: Yearbook, 2009. P. 153–205.

⁴¹ *Liel A.* Turkey in the Middle East: Oil, Islam and Politics. N.Y.: Boulder and CO, 2001.

⁴² *Lindgren J.E.* Syria's «lost province». The Hatay question returns. URL: <https://carnegie-mec.org/diwan/54340> (дата обращения: 20.03.2021).

⁴³ *Mammadova R., Petersen K.* Turkey – Gulf and Libya impact of growing economic divide. URL: <https://www.mei.edu/publications/turkey-gulf-and-libya-economic-impact-growing-geopolitical-divide> (дата обращения: 20.03.2021).

⁴⁴ *Robins Ph.* Turkey and the Middle East. London: The Royal Institute of International Affairs, 1991.

⁴⁵ *Fromkin D.* A Peace to end all peace. N.Y.: Henry Hold and Company, 1989.

⁴⁶ *Hinnebusch R.* Back to enmity. Turkey-Syria relations since the Syrian Uprising // *Orient*. 2015. № 1. P. 14–23.

⁴⁷ *Bouvier E.* Les enjeux énergétiques en Méditerranée orientale, ou la création d'une nouvelle arène géopolitique au Moyen-Orient. P. I. URL: <https://www.lesclesdumoyenorient.com/Les-enjeux-energetiques-en-Mediterranee-orientale-ou-la-creation-d-une-nouvelle.html> (дата обращения: 04.04.2021).

освещается политика Анкары по курдскому вопросу, особенно в отношении Курдского автономного района Ирака.

Ряд материалов французских ученых и экспертов проливают свет на расстановку сил в Ливии и соперничество Турции с Саудовской Аравией и ОАЭ⁵¹.

Арабская историография представлена работами А. Атвана⁵², Гаргаши⁵³, Р. Мрасси⁵⁴. Авторы исследуют эволюцию концептуальных основ внешней политики Турецкой Республики, а также различные факторы взаимодействия Турции с арабскими государствами Персидского залива, в частности, особые отношения с Катаром, а также позицию Анкары в отношении конфликтных ситуаций в регионе.

В целом можно говорить о достаточной обеспеченности российскими и зарубежными научными исследованиями для написания диссертации. Однако все эти работы освещают частные аспекты политики Турции на Ближнем Востоке, либо отношений Анкары с государствами ССАГПЗ. В то же время налицо отсутствие обобщающего научного исследования с периодизацией и выделением основных трендов взаимодействия Турции с арабскими государствами Персидского залива. Заявленная тема еще не стала

⁴⁸ *Gunter M.* Turkey and Iran face off in Kurdistan // *Middle East Quarterly*. 1998, March. P. 22–33.

⁴⁹ *Kaval A.* Les Barzanis. URL: <http://www.lesclesdumoyenorient.com/Les-Barzani.html> (дата обращения: 04.04.2021); *Kaval A.* Jalal Talabani. Du militant au chef d'Etat. URL: <http://www.lesclesdumoyenorient.com/Jalal-Talabani-du-militant-au-chef.html> (дата обращения: 04.04.2021).

⁵⁰ *Munier G.* Menace du Grand Kurdistan // *Afrique-Asie*. 2006. № 4. P. 38–45; *Munier G.* Le Kurdistan Iraquien... a pas de loup vers independence. URL: <http://www.france-irak-actualite.com/article-le-kurdistan-irakien-a-pas-de-loup-vers-l-independance-121428848.html> (дата обращения: 04.04.2021).

⁵¹ *Carceles R.* L'enlissement du conflit libyen et le role croissant de la Turquie. URL: <https://www.lesclesdumoyenorient.com/L-enlissement-du-conflit-libyen-et-le-role-croissant-de-la-Turquie-1-2.html> (дата обращения: 04.04.2021); *Chueyghi H.* La composition ethnique des tribus libyennes. URL: <http://www.ism-france.org/analyses/La-composition-ethnique-des-tribus-libyennes-article-16702> (дата обращения: 04.04.2021).

⁵² 14.09.2017. عبد الباري عطوان. لماذا قرّر الأمير تميم زيارة أنقرة فجأةً واللقاء بالرئيس أردوغان؟ // رأي اليوم. [Атван А. Почему эмир Катара Тамим совершил неожиданный визит в Турцию для встречи с Президентом Эрдоганом? // Рай аль-йаум. 14.09.2017]. URL: <http://wwraialyoum.com/?p=742838> (дата обращения: 04.04.2021).

⁵³ 27.12.2017. قرقاش: العالم العربي لن تقوده أنقرة أو طهران. صحيفة // رأي اليوم. [Гаргаш: Арабский мир не встанет на колени перед Анкарой или Тегераном // Рай аль-йаум. 27.12.2017]. URL: <http://www.raialyoum.com/?p=802847> (дата обращения: 04.04.2021)

⁵⁴ *Mrassi P.* Эволюция концептуальных основ внешней политики Турецкой Республики (1923–2009). URL: <https://www.dissercat.com/content/evolyutsiya-kontseptualnykh-osnov-vneshnei-politiki-turetskoi-respubliki/read> (дата обращения: 04.04.2021).

предметом специального исследования, и данную лакуну диссертант восполнил в своем исследовании.

Объектом исследования являются отношения между Турецкой Республикой и арабскими государствами Персидского залива в период 2002–2021 гг.

Предметом исследования являются основные приоритеты, формы и тенденции сотрудничества и соперничества между Турцией и арабскими государствами Персидского залива в рассматриваемый период.

Целью исследования является выявление особенностей взаимоотношений Турции со странами – членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) и Ираком в период правления Партии справедливости и развития.

Для достижения поставленной цели необходимо решить **следующие задачи:**

– рассмотреть экономические, политические и концептуальные предпосылки активизации сотрудничества Турции с государствами ССАГПЗ после прихода к власти партии ПСР, определить основные этапы этого взаимодействия;

– выявить причины образования альянса Турции с Катаром и оценить последствия этого партнерства для региона Ближнего Востока;

– раскрыть влияние процессов турбулентности на Ближнем Востоке, получивших название «арабских революций», на развитие отношений Турции с Саудовской Аравией и ОАЭ;

– выявить значение сирийского и ливийского факторов для отношений Турции с арабскими государствами Персидского залива;

– исследовать ход и развитие отношений Турецкой Республики с Ираком, особенно с Курдским автономным районом (КАР);

– рассмотреть отношения с государствами ССАГПЗ в контексте политики Турции в регионе Красного моря и Африканского Рога;

– рассмотреть отношения Турции с «малыми» государствами

Персидского залива (Бахрейном, Кувейтом, Оманом).

Хронологические рамки определяются целями и задачами исследования и охватывают период с 2002 г., когда к власти в Турции пришла Партия справедливости и развития, по 2021 г., когда был урегулирован дипломатический кризис между Катаром, с одной стороны, и «арабской четверкой», с другой, что создало новую расстановку сил в регионе Персидского залива. В отдельных случаях автор затрагивает события, выходящие за заявленные хронологические рамки, что необходимо для целостного раскрытия изучаемой проблемы.

Источниковая база исследования. Автор использовал разнообразные документальные источники на турецком, арабском и английском языках, которые позволили осуществить комплексный и всесторонний анализ диссертационной темы. При этом можно выделить следующие группы источников.

К первой группе относятся *нормативно-законодательные источники*: законодательные акты, международные договоры и соглашения. Среди них необходимо особо выделить Конституцию Турецкой Республики, Закон о деятельности Министерства иностранных дел Турецкой Республики⁵⁵. В данную группу также входят Конституции ряда стран Персидского залива⁵⁶. Сюда же можно отнести Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве между Турецкой Республикой и государствами – членами Совета сотрудничества арабских стран Персидского залива⁵⁷. В эту же группу источников можно отнести «Принципы внешней политики Катара», изложенные на сайте МИД этого государства, Концепцию внешней политики

---

⁵⁵ Türkiye Cumhuriyeti Anayasası // Türkiye Büyük Millet Meclisi Başkanlığı. URL: https://www.tbmm.gov.tr/anayasa/anayasa_2017.pdf (дата обращения: 20.03.2021); Dışişleri Bakanlığının kuruluş ve görevleri hakkında kanun // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. URL: <http://www.mfa.gov.tr/data/BAKANLIK/mevzuat-2013.pdf> (дата обращения: 08.01.2021).

⁵⁶ Основной Низам (Положение) Королевства Саудовская Аравия. 1992. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=86> (дата обращения: 08.01.2022); Конституция Государства Катар. 2004. URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=92> (дата обращения: 08.01.2021).

⁵⁷ Türkiye Cumhuriyeti ve Körfez Arap Ülkeleri İşbirliği Konseyi Üyesi Ülkeler Arasında Ekonomik İşbirliğine İlişkin Çerçeve Anlaşma. Manama, 2005. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2009/04/20090413M1-1.htm> (дата обращения: 08.01.2021).

ОАЭ⁵⁸, Совместный план действий Турции и ССАГПЗ (Türkiye-KİK Ortak Eylem Planı)⁵⁹, а также основополагающие документы правящей в Турции Партии справедливости и развития (ПСР)⁶⁰.

Значительное внимание было уделено программным и доктринальным трудам турецких официальных лиц, например, работе «Стратегическая глубина» бывшего министра иностранных дел Турции Ахмета Давутоглу⁶¹.

Вторую группу составили *делопроизводственные источники*, в частности, официальные документы, размещенные на сайте внешнеполитического ведомства Турецкой Республики⁶².

Следующая группа – *публицистические источники*. Сюда относятся выступления глав государств, министров иностранных дел и других высокопоставленных официальных лиц по вопросам внешней политики, например, выступления Р.Т. Эрдогана, в том числе на саммите министров в Организации исламского сотрудничества (ОИС)⁶³, а также разъяснения по внешней политике Саудовской Аравии, изложенные в выступлениях принца Турки аль-Фейсала⁶⁴. К работе также привлекались материалы периодической печати и СМИ, посвященные вопросам международных отношений и внешней политики отдельных государств, в частности, материалы агентства *Anadolu*, газеты *Daily Sabah*, *Hürriyet*, Интернет-

---

⁵⁸ Principles of Qatar Foreign Policy. URL: <https://www.mofa.gov.qa/en/foreign-policy/principles/principles-of-qatar%27-foreign-policy> (дата обращения: 08.01.2022); Principles of the Foreign Policy of UAE // Foreign Policy. UAE Embassy in Washington, DC. URL: <https://www.uae-embassy.org/discover-uae/foreign-policy> (дата обращения: 08.01.2021).

⁵⁹ Turkey-GCC Joint Action Plan // Türkiye-KİK Ortak Eylem Planı. İstanbul, 2012. - https://www.mfa.gov.tr/joint-statement-turkey-gcc-high-level-strategic-dialogue-4th-joint-ministerial-meeting_-28january-2012_-istanbul_-turkey.en.mfa

⁶⁰ AK Parti Programı. URL: <https://www.akparti.org.tr/parti/parti-programi> (дата обращения: 08.01.2021).

⁶¹ *Davutoğlu A.* Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre, 2009.

⁶² 2020 Yılına Girerken Türkiye'nin Girişimci ve İnsani Dış Politikası // Türkiye Cumhuriyeti Dışişleri Bakanlığı. 2020. URL: http://www.mfa.gov.tr/site_media/html/2020-yilina-girerken-girisimci-ve-insani-dis-politikamiz.pdf (дата обращения: 15.05.2021).

⁶³ İslam İşbirliği Teşkilatı Sosyal İşler Bakanları Zirvesi'nde Yaptıkları Konuşma. URL: <https://tcgb.gov.tr/konusmalar/353/113857/islam-ismirligi-teskilati-sosyal-isler-bakanlari-zirvesi-nde-yaptiklari-konusma> (дата обращения: 20.03.2021); Erdoğan: Turkey's role in the Middle East // Al-Jazeera, 12.02.2014. URL: <http://www.aljazeera.com/programs/talktojazeera/2014/02/erdogan-turkey-role-middle-east-201421282950445312.html> (дата обращения: 20.03.2021).

⁶⁴ *Al-Faisal.* Saudi Foreign Policy today // Middle East Policy Council. URL: <https://mepc.org/speeches/saudi-foreign-policy-today> (дата обращения: 20.03.2021).

порталы *Al-Jazeera, Al-Monitor, Middle East Eye, Asia Times, Independent, Rai al-Youm*.

В четвертую группу входят *статистические источники* – материалы и обзоры Правительства Турецкой Республики, Министерства энергетики США, Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев / United Nations High Commissioner for Refugees (УВКБ / UNHCR), Всемирной туристской организация (ЮНВТО), являющейся специализированным межправительственным учреждением ООН, международных рейтинговых и аудиторских агентств⁶⁵.

К работе также привлекались материалы периодической печати и СМИ, посвященные вопросам международных отношений и внешней политики отдельных государств, в частности, материалы агентства *Anadolu*, газеты *Daily Sabah, Hürriyet*, интернет-порталы *Al-Jazeera, Al-Monitor, Middle East Eye, Asia Times, Independent, Rai al-Youm*.

Методологическая основа исследования определяется спецификой предмета исследования, что дает возможность по мере необходимости обращаться к тем научным методологическим приемам и принципам, которые наиболее эффективны при изучении заявленной темы.

Представленное исследование было проведено в рамках неореалистической парадигмы, которая рассматривает национальные интересы государства в качестве главной предпосылки его внешнеполитических действий. При рассмотрении геополитических аспектов сотрудничества и соперничества Турции с государствами ССАГПЗ методологически ценными представляются работы классиков теории

---

⁶⁵ HSBC Global Connections MENA–Turkey. Dubai: HSBC Middle East, 2018; International Energy Statistics Database and Short-Term Energy Outlook. US Ministry of Energy // McKinsey and ISPAT. 03.2014. URL: <http://www.eia.gov/countries/analysisbrief/Turkey/turkey.pdf> (дата обращения: 20.03.2021); Food and agriculture in Turkey. URL: <http://www.invest.gov.tr> (дата обращения: 20.03.2021); Refugees in Turkey. 2016. URL: <https://reporting.unhcr.org/turkey> (дата обращения: 20.03.2021); The financial services sector in Turkey // ISPAT. URL: www.invest.gov.tr/En-US/infocenter/publications/Documents/Financial.Services.Industry.pdf (дата обращения: 20.03.2021); World Tourist Organization. UNWTO Tourism Highlights. URL: www.e-unwto.org/doi/pdf/10.8111/9789284416899 (дата обращения: 20.03.2021)

международных отношений Х. Макиндера⁶⁶, Н. Спикмена⁶⁷, Р. Штраусс-Хюппе⁶⁸. Эти исследователи международных отношений придерживались доктрины геополитического реализма.

Методологической основой исследования стал междисциплинарный подход, что позволило автору рассмотреть отношения Анкары с арабскими государствами Персидского залива в едином комплексе исторических, политических и экономических обстоятельств. Методология также характеризуется использованием принципов историзма, научной объективности и достоверности. Принцип историзма был использован для анализа становления и эволюции политики Турции в зоне Персидского залива, установления причинно-следственных связей, выявления тенденций и основных этапов взаимодействия Турции со странами Залива. Принцип объективности позволил рассматривать эволюцию взаимоотношений Турции с аравийскими монархиями с точки зрения объективных закономерностей. Руководствуясь принципом достоверности, автор опирался на широкий комплекс документальных источников. Сочетание указанных принципов позволило сформулировать выводы при опоре на совокупность разрозненных фактов и событий, раскрывающих сложный процесс взаимодействия Турции с арабскими странами Персидского залива.

Методы исследования. Для всестороннего изучения отношений Турции с арабскими странами Залива был применен ряд общенаучных и специально-исторических методов исследования.

Общенаучные методы – это совокупность методов анализа и синтеза, индукции и дедукции, единства исторического и логического. В частности, с помощью индуктивного метода были выявлены закономерности отношений Анкары с арабскими странами.

---

⁶⁶ *Mackinder H.J.* The Round World and winning of the peace // *Foreign Affairs*. 1943, July. Vol. 21. The scope and methods of geography and the geographical pivot of history. L., 1951.

⁶⁷ *Spykman N.* America's Strategy in World politics. The United States and the balance of powers. N.Y. Brace and Company, 1942.

⁶⁸ *Strausz-Hupe R.* Geopolitics. The struggle for space and power. N.Y.: G. Putnam's sons, 1942.

В качестве базового специально-исторического метода был выбран историко-хронологический, позволивший привести изучаемый материал в соответствие с историческими фактами, реалиями и причинно-следственными связями событий и процессов в регионе. Применялся историко-сравнительный метод для раскрытия сущности и особенностей эволюции внешней политики Турции. Использование системного подхода в сочетании со сравнительным анализом позволило выявить взаимосвязь между проблемами внутреннего политического и социально-экономического развития, с одной стороны, и внешней политикой изучаемых стран, с другой.

Научная новизна диссертационной работы заключается в следующем:

– в российской научной литературе до сих пор не проводилось исчерпывающее исследование данной темы;

– в работе использованы материалы и оригинальные источники, прежде всего, на турецком языке, некоторые из которых впервые вводятся в научный оборот, что позволило полно и всесторонне исследовать отношения Турции со странами Залива. К ним относятся, в частности, «Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве между Турецкой Республикой и государствами-членами Совета сотрудничества арабских стран Персидского залива», «Совместный план действий Турции и ССАГПЗ», выступление президента Турецкой Республики Р.Т. Эрдогана 10 июня 2017 г., в котором содержатся обвинения внешних акторов в попытке переворота 2016 г.

– выявлена динамика отношений Турции с арабскими государствами Персидского залива в рассматриваемый период в контексте региональной политической ситуации и с учетом геополитической трансформации Ближнего Востока;

– исследованы внутренние и внешние факторы, определяющие внешнеполитическую стратегию Анкары в зоне Персидского залива, которая характеризовалась объективной потребностью в развитии взаимовыгодных и бесконфликтных отношений с аравийскими государствами, в том числе в интересах национальной и региональной безопасности; при этом сложный

комплекс взаимоотношений Турции с государствами ССАГПЗ и Ираком анализируется системно и в аспекте диахронии;

– раскрыты особенности взаимодействия Турции с Саудовской Аравией, Катаром и ОАЭ – государствами, внешнеполитические действия которых оказывают наибольшее влияние на региональные и глобальные процессы;

– представлена эволюция отношений Анкары со странами Персидского залива в общем контексте турецкой внешней политики за последние 20 лет, раскрыто их влияние на ситуацию в других государствах и регионах (Сирия, Ливия, регион Африканского Рога);

– вскрыты закономерности и мотивация принятия внешнеполитических решений нынешним турецким руководством; делается акцент на значимую роль личностного фактора, поскольку решающее значение в выработке и реализации внешнеполитического курса на протяжении последних 20 лет принадлежало Президенту (до 2014 г. – премьер-министру) Реджепу Тайипу Эрдогану и бывшему министру иностранных дел Ахмету Давутоглу.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В начале 2000-х гг. появились предпосылки для развития партнерства Турецкой Республики с арабскими государствами Персидского залива. Во-первых, теоретические основы для такого сотрудничества были отражены в сформулированной А. Давутоглу доктрине «Ноль проблем с соседями», а также во внешнеполитической концепции правящей партии – ПСР. Во-вторых, складывались предпосылки для реализации совместных подходов Турции и государств ССАГПЗ в противостоянии общим вызовам и угрозам. К таким угрозам относились нестабильность в регионе Залива, рост военно-политического потенциала Ирана, международный терроризм. Общность вызовов в немалой степени была подкреплена формировавшимся недоверием к авантюристической политике США (война в Ираке). К исходу 2010-х гг. добавились новые факторы - эрозия американского влияния в регионе и объективный переход к многополярному миру наряду с ростом

международного влияния России и Китая.

2. Экономическое сотрудничество между Турецкой Республикой и государствами ССАГПЗ является важнейшим компонентом их взаимодействия. Трудности в реализации проекта интеграции с Европейским союзом и переориентация на рынок Ближнего Востока стали существенным стимулом для турецкой экономики. Одним из основных направлений экономического сотрудничества между Турцией и членами ССАГПЗ являются инвестиции. В период 2002–2010 гг. приток капиталов из аравийских монархий (так называемых «зеленых денег») дал значительный импульс экономическому развитию Турции. Другой важной сферой экономического сотрудничества стала энергетика. Турция, располагающая незначительными запасами углеводородов, зависит от импорта нефти и газа. Вместе с тем, турецкое руководство после прихода к власти ПСР взяло курс на превращение страны в важный энергетический хаб. Взаимовыгодное деловое сотрудничество между Турцией и аравийскими монархиями осуществляется также в строительном секторе и в сфере недвижимости, а также в торговле продовольствием и в сельскохозяйственном бизнесе.

3. Если в 2002–2010 гг. Турция развивала более или менее равнозначные отношения практически со всеми странами ССАГПЗ, то в период 2011–2021 гг. важнейшим для Анкары стратегическим партнером в регионе Персидского залива стал Катар. В укреплении турецко-катарского сотрудничества и его превращении в стратегическое партнерство ключевую роль сыграли следующие факторы: геополитический, идеологический и экономический. Геополитический фактор заключается в наличии общих вызовов и угроз безопасности Турции и Катара. Соглашения о военном сотрудничестве между двумя государствами и развертывание турецкой военной базы в эмирате доказали свою эффективность в период кризиса между Катаром и Саудовской Аравией в 2017–2021 гг. Идеологический фактор заключается в общей поддержке Анкарой и Дохой движения «Братья-мусульмане» (запрещено в РФ). Экономический фактор сыграл важную роль

для Турции, когда Катар стал важным донором Турецкой Республики в период экономических кризисов 2018 и 2020 гг.

4. События «арабских революций» и, в частности, военно-политический кризис в Сирии, имели существенное влияние на трансформацию отношений Турции с рядом государств ССАГПЗ, прежде всего, с Саудовской Аравией. Активная поддержка вооруженной сирийской оппозиции и ставка на свержение правительства Башара Асада не оправдали себя. Несмотря на достигнутые предварительные договоренности, Турция не получила ожидаемой военно-политической поддержки от США и Саудовской Аравии. В ходе военно-политического конфликта в Сирии Турция (в альянсе с Катаром) и Саудовская Аравия поддерживали различные движения и группировки. При этом Турция склонялась к поддержке групп, связанных с движением «Братья-мусульмане», а Саудовская Аравия – к поддержке салафитских группировок. Все это привело к эрозии доверия между Турцией и КСА.

5. Негативное влияние на развитие отношений Турции с ОАЭ сыграло региональное соперничество за влияние в Ливии и в регионе Африканского Рога. При этом активная вовлеченность Турции в военно-политический конфликт в Ливии мотивировалась рядом факторов: во-первых, это поддержка турецким руководством этнически близкого клана Мисураты; во-вторых, помощь политическим партиям и группировкам, близким к движению «Братьев-мусульман»; в-третьих, геополитические интересы Турецкой Республики при решении спорных вопросов в Восточном Средиземноморье. Подобная ситуация привела к противостоянию с ОАЭ, поддерживавшими в ливийском конфликте иные политические силы, а затем и к прокси-войне. На Африканском Роге Турция отдавала предпочтение сотрудничеству с Сомали, а ОАЭ – с Сомалилендом и Эритреей.

6. Во взаимоотношениях с еще одним арабским государством Персидского залива – Ираком – основным направлением турецкой внешней политики стало налаживание стратегического партнерства с Курдским

автономным районом (КАР). При этом турецкое руководство преследовало две цели: не допустить создания на севере Ирака плацдарма антитурецкой деятельности и способствовать созданию на основе КАР буфера безопасности, отделяющего Турцию от иракской территории, находившейся в состоянии хаоса и анархии. Значительную роль в расширении и углублении сотрудничества с Иракским Курдистаном сыграли также экономический и энергетический факторы. При этом турецкая дипломатия последовательно выступает за сохранение территориальной целостности Ирака, не поддерживая устремления части местной курдской элиты к независимости.

7. Отношения Турции с Саудовской Аравией и ОАЭ в 2014–2021 гг. носили в большей степени характер соперничества, а не сотрудничества. Это объяснялось конкуренцией за региональное лидерство на Ближнем Востоке, применительно к КСА – также и соперничеством за лидерство в исламском мире. Другими драйверами деградации отношений служили расхождения по критическим для Турции вопросам, таким как кризис в отношениях между Катаром и «арабской четверкой», иранская проблема и палестино-израильский конфликт. Между тем с конца 2021 г. наметилась тенденция к улучшению отношений Турции с Саудовской Аравией и ОАЭ.

Теоретическая значимость проведенного исследования определяется вкладом диссертанта в развитие отдельных направлений теории и истории международных отношений. Диссертация дополняет научные знания по современной истории Турции и арабских стран, их внешней политике, международным отношениям на глобальном и региональном уровнях. Теоретическая значимость выражается также в систематизации знаний о внешней политике рассматриваемых государств, что позволяет использовать результаты исследования в научно-исследовательской, практической и образовательной сферах.

Практическая значимость диссертации заключается в том, что содержащиеся в ней положения и выводы могут представлять интерес для государственных органов Российской Федерации, включая

внешнеполитическое ведомство. Работа может быть полезной для востоковедов, специализирующихся на экспертном уровне по указанному профилю, а также для широкого круга историков, международников и политологов. Содержание, основные положения и выводы диссертации могут лечь в основу дальнейшей научно-исследовательской работы по данной тематике, найти применение в учебном процессе при подготовке учебных пособий и лекционных курсов по международным отношениям и зарубежному регионоведению.

Степень достоверности выполненного исследования обеспечивается репрезентативной источниково-информационной базой, системным подходом к анализу поставленных проблем, обращением к оценкам российских, турецких, арабских и западных специалистов, использованием разнообразных научных методов исследования.

Результаты, полученные в ходе проведенного исследования, обуславливаются многообразием методов, используемых автором, анализом и глубоким изучением научных трудов отечественных и зарубежных ученых, а также использованных нормативных документов.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные положения и выводы, содержащиеся в исследовании, были апробированы в 5 научных статьях диссертанта. В их числе – 2 публикации в изданиях, включенных в Перечень ВАК, и 1 статья в издании, которое входит в международные базы цитирования Scopus и Web of Science.

Результаты исследования, положения и выводы диссертации нашли отражение в выступлениях на международных и межвузовских конференциях и форумах, среди которых – «Большая стратегия Турции» (Анкара, Научно-исследовательский центр SETAV, октябрь 2020 г.); «Ситуация в Восточном Средиземноморье и национальные интересы Турции» (Стамбул, Университет Мармара, апрель 2021 г.); Ближневосточный семинар им. Г.И. Мирского «Внешняя политика стран сотрудничества

Персидского залива в условиях сохраняющейся напряженности»; «Конфликтный потенциал Восточного Средиземноморья: между правом и справедливостью» (Центр ближневосточных исследований ИМЭМО РАН, 2021 г.).

Личный вклад автора является определяющим и заключается в непосредственном участии на всех стадиях исследования, начиная с постановки цели и задач исследования и их реализации до отражения результатов в научных публикациях и докладах, а также положениях, выносимых на защиту.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Научные положения диссертации соответствуют содержанию специальности 5.6.7. История международных отношений и внешней политики.

Структура диссертационной работы обусловлена кругом исследуемых проблем и определяется целью и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, 3 глав, включающих в себя 9 параграфов, последовательно раскрывающих сущность и особенности исследуемых проблем, а также заключения, списка источников и литературы.

ГЛАВА 1. ФАКТОРЫ ОТНОШЕНИЙ ТУРЦИИ С АРАБСКИМИ СТРАНАМИ ПЕРСИДСКОГО ЗАЛИВА (2002–2010 ГГ.)

1.1. Причины активизации ближневосточной политики Турецкой Республики с приходом к власти Партии справедливости и развития

С приходом к власти в Турции в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР) обозначились изменения во внешней политике страны, которые можно свести к нескольким аспектам:

– во-первых, переход к многовекторности. До 2002–2003 гг. турецкая политическая элита действовала в согласии с идеологическими и политическими постулатами кемализма, согласно которым Турция является европейским государством, пусть и отстающим в своем развитии. В военном отношении она рассматривалась исключительно как государство – член Североатлантического блока. Исходя из этого, приоритетом внешней политики были отношения стратегического партнерства с США и странами Западной Европы. Новое турецкое руководство приступило к развитию партнерских отношений с Россией, Ираном, государствами Арабского Востока, Африки, Латинской Америки. Нынешняя политическая элита Турции рассматривает ее, скорее, как евразийское государство;

– во-вторых, приоритет национальных интересов над блоковыми и коалиционными соображениями. Турция продолжает оставаться членом НАТО и придерживается своих союзнических обязательств. Однако наряду с этим она развивает свою оборонную доктрину, собственный военно-промышленный комплекс и ведет военно-техническое сотрудничество за пределами Североатлантического блока (как в случае покупки систем ПВО С-400 у Российской Федерации в 2019 г.). Нынешняя турецкая политическая элита не считает нужным согласовывать с США свои внешнеполитические действия, если они реализуются вне зоны ответственности Североатлантического блока;

– в-третьих, руководство ПСР твердо намерено использовать геополитические и геоэкономические преимущества Турции, расположенной на стыке Европы и Азии и имеющей непосредственный выход на регионы Балкан, Южного Кавказа, Ближнего Востока (арабские страны) и Среднего Востока (Иран). При наличии соответствующего экономического, политического и военного потенциала Турция способна влиять на ситуацию в данных регионах. Евразийское положение Турции было использовано руководством ПСР при разработке превращения страны в топливно-энергетический хаб по транзиту нефти и газа России и Ближнего Востока в Европу. С этой целью заключались соглашения о строительстве новых газо- и нефтепроводов с Россией («Турецкий поток») и Ираком. Целью новой внешней политики Турции, которую стала проводить пришедшая к власти ПСР, является обеспечение более значимой роли в мировой системе международных отношений, которая после окончания «холодной войны» и американских военных авантур на Ближнем Востоке пришла в неравновесное состояние.

В начале 2000-х гг. появилась внешнеполитическая доктрина Ахмета Давутоглу (министр иностранных дел Турции в 2009–2014 гг., премьер-министр в 2014–2016 гг.) «Стратегическая глубина» и «Ноль проблем с соседями», изложенная в книге «Стратегическая глубина: международное положение Турции», опубликованной в 2001 г. Согласно ее положениям, Турции для безопасного и гармоничного развития необходимо поддерживать отношения с соседями в регионе Ближнего Востока, на Балканах и на Южном Кавказе. Особенно важно для Турецкой Республики взаимовыгодное партнерство со странами арабо-мусульманского мира и с Ираном. Сам А. Давутоглу так писал о новой внешнеполитической доктрине Турции: «Мы готовы взять на себя роль посредника в различных конфликтах благодаря нашим солидным отношениям со многими этническими и религиозными группами, особенно тюркоязычными. У нас есть концепция безопасности для

всех. Данная концепция включает в себя три плана. В политическом плане – это диалог на высшем уровне; в экономическом – взаимовыгодная взаимозависимость; в цивилизационном – признание культурных различий и плюрализма»⁶⁹.

А. Давутоглу, перешедший после 2016 г. в оппозицию к руководству ПСР во главе с Эрдоганом, считается также автором концепции «неоосманизма», предусматривающей развитие сотрудничества Турции с государствами, входившими некогда в Османскую империю, особенно на Ближнем Востоке, где она базируется на нескольких предпосылках. Во-первых, на желании обеспечить безопасность турецких границ. А. Давутоглу пишет в своей работе «Системное землетрясение и борьба за мировой порядок. Эксклюзивный популизм против инклюзивной демократии»: «За исключением Ирана, ни одна из границ Турции не имеет твердой геополитической основы. Границы (Турции), проходящие с Сирией по небольшим провинциям, с Ираном – по высокогорью, в Эгейском море – по небольшим островам и рифам, способствуют возникновению напряженности в любой момент. Главной причиной отставания принципа “Ноль проблем с соседними странами” с 2002 г. было то, что он должен способствовать наведению порядка в этих геополитических аномалиях»⁷⁰.

Современный российский эксперт, востоковед В.И. Ковалев пишет: «Османская повестка должна быть основана на тезисе о том, что сама Турция является государством, объединяющим множество этносов и религий, в качестве правопреемницы Османской империи. Только тогда можно двигаться вперед по “новоосманскому” пути, пытаясь пусть не установить формальный контроль над территориями, ранее входившими в состав империи, но закрепить на них экономически и идеологически, а также создать разного рода надгосударственные структуры, например, альянсы и

⁶⁹ *Davutoğlu A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu. İstanbul: Küre, 2009. P. 148.*

⁷⁰ *Davutoğlu A. Systemic Earthquake and the Struggle for World Order Exclusive Populism versus Inclusive Democracy. L.: Cambridge University Press, 2020. P. 65.*

союзы»⁷¹.

Интересным материалом для анализа предоставляется доклад ведущего турецкого аналитического центра – «Фонда политических, экономических и социальных исследований Турции» (SETAV), вышедший под названием «В процессе глобальных перемен. Большая стратегия Турции» и опубликованный в ноябре 2020 г. Авторы, группа экспертов во главе с Бурханетдином Дураном, акцентируют геополитическую важность для Турции регионов Ближнего Востока и Северной Африки. При этом Северную Африку, по мнению авторов, в определенном смысле можно считать частью Ближнего Востока. Геополитические интересы Турции в Ливии являются лишь частью интересов страны в Восточном Средиземноморье. Ливия занимает центральное место в региональной конкуренции «Европа – Северная Африка». Аналогичным образом можно рассматривать особую роль Египта для Северной Африки, треугольника «Египет – Саудовская Аравия – ОАЭ» на Ближнем Востоке и роль России для конкуренции в регионах Ближнего Востока и Средиземного моря⁷².

Говоря о формировании региональной среды в сфере безопасности, авторы доклада отмечают, что Турция является одним из базовых элементов в архитектуре безопасности Ближнего Востока. Верно и обратное: Ближний Восток является регионом, который «напрямую влияет на геополитическую ориентацию Турции»⁷³.

Одновременно авторы доклада SETAV формулируют тезис о непрерывности геополитической и внешнеполитической повестки современной Турции как преемницы Османской империи. Данный вывод идет вразрез с официальным дискурсом турецкого руководства до 2002 г. До этого в умы как турок, так и зарубежных читателей внедрялся тезис о том, что в 1923 г. произошел принципиальный разрыв с османским наследием,

---

⁷¹ Ковалев В.И. Глава турецкой Партии будущего Ахмет Давутоглу о будущем после коронавируса. Ч. 2. URL: <http://www.iimes.ru/?p=69033> (дата обращения: 08.01.2022).

⁷² Стародубцев И.И. Большая стратегия Турции. Ч. 8. URL: <http://www.iimes.ru/?p=74721> (дата обращения: 20.02.2021); Turkey Grand Strategy. Istanbul: SETAV, 2021. P. 16–18.

⁷³ Там же.

связанный с провозглашением «новой Турецкой Республики». При этом подразумевалось, что Турецкая Республика строится будто бы на «принципиально новых» ценностных принципах. К ним относились: отказ от имперских амбиций, внешняя политика под лозунгом «Мир в стране, мир во всем мире», примат европейской культуры и вектор развития, направленный в сторону «прогрессивного Запада». Положения доклада SETAV идут вразрез с данной концепцией. В нем подчеркивается: «Речь идет об исторической непрерывности в рефлексах культуры Турции в сфере безопасности и внешней политики»⁷⁴.

Необходимо отметить, что Фонд SETAV является организацией, дающей рекомендации по проведению внешней политики турецкому правительству и руководству правящей партии ПСР. Во многом его можно рассматривать как *think tank*, вырабатывающий внешнеполитическую стратегию этой партии. В январе 2017 г. на сайте Фонда была опубликована статья аналитика Фуата Кеймана «Новая турецкая внешняя политика: на пути к активному моральному реализму». Автор отмечает: «В течение последних двух лет (2015–2017 гг.) стало возможным формирование новой турецкой внешней политики, основанной на концепции “морального реализма”. Эта политика характеризуется ярко выраженной военной наступательностью в сочетании с гуманитарными нормами, а также новыми возможностями и стратегически обоснованными параметрами»⁷⁵. Моральный реализм, по мнению Фуата Кеймана, является «стратегическим выбором, способным одновременно обеспечить достижение трех целей: продолжать активную, а не реактивную, внешнюю политику; активно продвигать приоритет гуманитарных норм и моральную ответственность за спасение человеческих жизней; эффективно отвечать на вызовы и риски для

---

⁷⁴ Turkey Grand Strategy. Istanbul: SETAV, 2021. P. 21.

⁷⁵ *Keyman F.* A new Turkish foreign policy: towards proactive «Moral Realism» // Insight Turkey [официальный сайт] URL: <https://www.insightturkey.com/articles/a-new-turkish-foreign-policy-towards-proactive-moral-realism> (дата обращения: 20.03.2021).

безопасности, используя военную силу (*hard power*)»⁷⁶. Такое использование военной силы было обусловлено ростом угроз национальной безопасности Турции со стороны террористических организаций в Северной Сирии и Ираке – РПК и «Исламского государства» (запрещено в России). Применительно к интересующему нас региону Персидского залива курс морального реализма выразился в военном сотрудничестве с Катаром и размещении турецкой военной базы на территории эмирата. Переход Турции от концепции А. Давутоглу «Ноль проблем с соседями» (мягкая сила) к «моральному реализму» отмечается с 2015–2016 гг.

Необходимо также упомянуть и фактор «ролевой модели», подогревавший стремление турецкой элиты к лидерству на Ближнем Востоке. В рамках суннитской уммы Турция к 2011 г. стала наиболее успешным в экономическом и политическом плане государством, своего рода моделью для подражания для сторонников «исламской демократии». Турецкая Республика после 2002 г. демонстрировала сочетание динамичного экономического развития с верностью исламской традиции. Одновременно, как полагает Ф. Кейман, она оставалась демократической страной, что выгодно отличает турецкую модель как от самодержавных монархий Персидского Залива (Саудовская Аравия), так и от автократий типа Египта времен Мубарака или Сирии Асада⁷⁷.

К более активному сотрудничеству с арабскими государствами Ближнего Востока вообще и монархиями Персидского залива в частности Турцию в начале XXI в. подталкивало переосмысление экономических интересов страны. Республике требовался экономический рывок, который бы обеспечивался имеющимися ресурсами: выгодным геополитическим и геоэкономическим положением, успехами турецкой промышленности, подъемом в строительном

---

⁷⁶ *Keyman F.* A new Turkish foreign policy: towards proactive «Moral Realism» // *Insight Turkey* [официальный сайт] URL: <https://www.insightturkey.com/articles/a-new-turkish-foreign-policy-towards-proactive-moral-realism> (дата обращения: 20.03.2021).

⁷⁷ *Fuller G.E.* Turkey and the Arab Spring. Leadership in the Middle East. N.Y.: Pascale Dubois Publishing, 2014. P. 12.

секторе с большим опытом работы за рубежом, накопленным турецкими строительными компаниями. Турецкие деловые круги пришли к выводу, что экономики Турции и государств Персидского залива являются взаимодополняемыми. Например, Турция бедна энергоресурсами, в то же время аравийские монархии и Ирак являются экспортерами углеводородов. Аравийские страны являются импортерами сельскохозяйственной продукции, а в Турции агропромышленный бизнес достиг впечатляющих успехов.

На развитие таких взглядов оказало влияние и определенное разочарование от развития торгово-экономических отношений с Европой. Приоритетной целью Турции в 1990-е гг. стало вступление в Европейский союз (ЕС). В 1995 г. Турция заключила Таможенный договор с ЕС. Это была единственная страна, заключившая подобное соглашение до формального приема в состав ЕС. Следствием стало то, что Турецкая Республика была обязана подчиняться всем решениям Евросоюза, не влияя на принятие этих решений.

Большая часть турецких мелких и средних фирм в результате не смогли конкурировать с европейской продукцией. В течение последующих 11 лет европейский импорт в Турцию рос и достиг объема 28 млрд евро в 2007 г. В 2014 г. дефицит торгового баланса Турции с Европейским союзом составлял 5,8 млрд евро. Турция является шестым по объему продаж торговым партнером ЕС в мире. Однако руководство Евросоюза так и не дало окончательный ответ о членстве Турции в организации, несмотря на то что с декабря 1999 г., после саммита в Хельсинки, страна является официальным кандидатом на членство в ЕС⁷⁸. Более того, усилиями Германии и Франции на саммите ЕС в Праге в марте 2009 г. прием Турции в ЕС был фактически заблокирован. Особые усилия в этом направлении были предприняты тогдашним французским президентом Николя Саркози. Вместо членства в ЕС туркам был навязан договор о привилегированном

---

⁷⁸ Fuller G.E. Turkey and the Arab Spring. Leadership in the Middle East. N.Y.: Pascale Dubois Publishing, 2014. P. 12.

партнерстве, который немецкий журналист Хайно Рихтер шутливо охарактеризовал как предложение дружбы неверным женихом соблазненной им девушке⁷⁹. В чем же заключалась причина такой нелюбви европейских бюрократов к Турции?

Руководители стран ЕС полагали, что принятие Турции с ее населением численностью в 70 млн человек, а также 5 млн албанцев вкупе с уже проживающими в Европе 12 млн мусульман необратимо изменит этнический и религиозный ландшафт Европы и приведет к размыванию европейской идентичности. Европейские деловые круги также опасались конкуренции со стороны турецкого бизнеса, накопившего значительный финансовый потенциал. Сказывались и политические противоречия Турции с рядом государств ЕС, прежде всего, с Грецией. Поэтому высокопоставленные исламофобы заблокировали принятие Турции в Евросообщество. Вместо этого Президент Франции Н. Саркози пытался навязать Турции проект Средиземноморского Союза, который, правда, не пережил политической карьеры своего автора. Одной из задач создания Союза было недопущение вступления Турции в ЕС путем создания ложной перспективы, а привязка рынка стран Магриба к Европе ставила барьеры на пути формирования общеарабского рынка и примирения арабов с Израилем через объединение их в одной политической структуре⁸⁰. Разумеется, такое эрзац-предложение не могло удовлетворить Анкару. С начала текущего века начинается постепенный разворот Турции в сторону Ближнего Востока.

Кроме того, к диверсификации внешней политики Турции и росту внимания к региону БСВ новую турецкую политическую элиту подвигла эрозия западного, прежде всего американского, лидерства и переход от однополярного к многополярному миру. В уже упомянутом докладе SETAV

---

⁷⁹ *Richter H.* Der Türkisch Vertritt zur EU: das ist möglich? // *Der Spiegel*. 02.03.2009.

⁸⁰ *Naba R.* Turquie: Vers un leadership régional à base d'un Islam moderniste. URL: <http://www.renenaba.com/turquie-vers-un-leadership-regional-a-base-d%E2%80%99un-islam-moderniste> (дата обращения: 20.03.2021).

«В процессе глобальных перемен. Большая стратегия Турции» один из разделов озаглавлен «Кризис американского порядка». Окончание «холодной войны», по мнению турецких аналитиков, не ознаменовалось ни распространением либеральной гегемонии США по всему миру, ни укреплением мирового порядка. Напротив, попытки усилить американскую гегемонию привели к тому, что США постепенно теряют влияние в мире и ясное видение внешнеполитической стратегии⁸¹.

По мнению эксперта Бурханеттина Дурана из центра SETAV, американская политика США после распада СССР и Варшавского договора была построена на трех постулатах⁸²: первый – победа либеральной идеологии и демократических ценностей на глобальном уровне; второй – экономическая взаимозависимость различных государств и распространение либеральной экономической модели по всему миру; третий состоял в том, что с распадом СССР завершилась эпоха конкуренции между глобальными игроками и наступило безальтернативное лидерство США. Ни один из этих прогнозов не сбылся. По убеждению Б. Дурана, обязательство США нести мир, стабильность и справедливость в мире обернулось своей противоположностью. Напротив, мир стал менее безопасным, появились новые конфликты.

После событий 11 сентября 2001 г. правящие круги США начали «войну против международного терроризма», в результате чего был утрачен баланс между безопасностью и политическими свободами. Автор выделяет два этапа эрозии западной гегемонии: во-первых, начало «войны против терроризма», в результате которой в Европе начался всплеск антиисламских настроений и рост популярности праворадикальных и неонацистских партий; во-вторых, несправедливая и незаконная оккупация американцами Ирака. При этом подобная политика военных интервенций с целью

---

⁸¹ Стародубцев И.И. Большая стратегия Турции. Ч. 3. URL: <http://www.iimes.ru/?p=74191> (дата обращения: 20.02.2021).

⁸² Turkey Grand Strategy. Istanbul: SETAV, 2021. P. 16–18.

урегулирования региональных конфликтов не принесла плодов. Напротив, там, где присутствуют военные контингенты США (Афганистан, Ирак, Сомали), наблюдается рост нестабильности и повышение конфликтного потенциала⁸³.

Грубым просчетом американцев, по мнению Б. Дурана, был расчет на то, что альтернативные центры будут следовать принципам либеральной экономики, не в состоянии ничего ей противопоставить. Этот просчет яснее всего проявился на примере Китая. Бурный рост китайской экономики, основанной на нелиберальных принципах, привел к тому, что КНР превратилась из развивающейся страны в центр мировой торговли. По мере подъема Китай приступил к созданию собственной «экономической сети», которая может привести к появлению «китайского порядка» (инициатива «Один пояс, один путь»)⁸⁴. К слову сказать, концепция китайского лидерства также воспринимается турецкой политической элитой с большим опасением.

Кроме того, с окончанием «холодной войны» не прекратилось соперничество между великими державами. Доказательством этому, по мнению экспертов SETAV, является растущий военный и политический подъем России и КНР, которые бросают вызов американской гегемонии в различных регионах. Военное превосходство в свое время не оградило США ни от Перл-Харбора, ни от событий 11 сентября 2001 г. Турецкие аналитики отмечают, что глобальное лидерство США провалилось в Сирии и в Ливии в 2011–2020 гг., где Вашингтон оказался на вторых ролях. США оказались не в состоянии предложить свою стратегию, альтернативную российской, также и на Украине, и в Грузии. В Азиатско-Тихоокеанском регионе США не удалось выйти за рамки стратегии по балансированию Китая. Таким образом, мир переходит от однополярного (американского) политического порядка к «многослойной многополярности». А раз так, то почему бы и Турции не

---

⁸³ Turkey Grand Strategy. Istanbul: SETAV, 2021. P. 16–18.

⁸⁴ Ibid.

попытаются стать одним из полюсов нового многополярного мира⁸⁵?

Для того чтобы лучше понять динамику отношений Турции с арабскими государствами Персидского залива, целесообразно сделать ретроспективу этих отношений в период до 2002 г. Исторически активные отношения между Турцией и государствами Персидского залива начались в середине 1970-х гг. К их развитию турецкое правительство подтолкнули два фактора: во-первых, кипрский кризис 1974 г.; во-вторых, повышение цен на нефть на мировом рынке в результате действий ряда стран – членов ОПЕК в 1973 г.

В 1974 г. после переворота, совершенного на Кипре греческими националистами, поддержанными хунтой «черных полковников» в Афинах, турецкие войска заняли 40% кипрской территории, на которой проживают турки-киприоты. В 1983 г. была провозглашена независимая Турецкая Республика Северного Кипра (ТРСК). Эти действия турецкого правительства вызвали временное ухудшение отношений Анкары с основным стратегическим партнером Турции – США. В 1974 г. Вашингтон наложил эмбарго на экспорт американского оружия в Турцию (снято в 1978 г.) и приостановил действие турецко-американского Договора об обороне 1969 г., что заставило турецкое руководство искать новых партнеров⁸⁶.

Одним из примеров активизации отношений Турецкой Республики с арабскими государствами в данный период является участие Анкары в работе Организации Исламской Конференции (ОИК). Турция вступила в ОИК в 1969 г. (год ее основания), но не проявляла особого интереса к функционированию организации вплоть до кипрских событий. На 6-й конференции ОИК в 1975 г. Турция впервые приняла участие в ее работе на уровне министра иностранных дел, поставившего вопрос о «защите прав мусульманской общины Кипра». В том же году турецкое правительство

---

⁸⁵ Turkey Grand Strategy. Istanbul: SETAV, 2021. P. 16–18.

⁸⁶ Al-Atiki S., Çalışkan E., Long C. Turkey – GCC relations. Trends and outlook. Istanbul: UIP-ICP, 2016. P. 6.

официально признало Организацию Освобождения Палестины (ООП) и сделало крупный взнос в Исламский банк развития. Все это способствовало установлению хороших отношений между Турцией и Саудовской Аравией, игравшей первую скрипку в ОИК⁸⁷.

Еще одной причиной активизации турецких отношений с государствами Персидского залива стало нефтяное эмбарго, объявленное в октябре 1973 г. тремя государствами – членами ОПЕК (Саудовской Аравией, Кувейтом и Ливией) США и ряду стран Западной Европы в знак протеста против их открытой поддержки Израиля в ходе арабо-израильской войны 1973 г. Несмотря на то что в 1974 г. эмбарго было фактически снято, цены на нефть на мировом рынке резко повысились, что заставило Турцию, зависящую от импорта энергоносителей, искать сближения с арабскими государствами – экспортерами нефти⁸⁸.

Факторами, также побудившим Турцию развивать активные отношения с аравийскими монархиями, стали исламская революция 1979 г. в Иране и ирано-иракская война 1980–1988 гг. До 1979 г. Турецкая Республика импортировала из шахского Ирана 55% потребляемой нефти, поэтому иранская революция стала тяжелым ударом по экономике страны. В результате Турция лишилась половины нефтяного импорта, в стране был зафиксирован резкий рост цен на нефтепродукты. Убытки турецкой экономики составили 1 млрд долл.⁸⁹. Дополнительный удар был нанесен ирано-иракским конфликтом. Иран и Ирак в то время были двумя основными экспортерами нефти в Турцию. Начало войны существенно ограничило их возможности по продаже углеводородов. В связи с этим турецкое правительство в ноябре 1980 г. заключило контракт с компанией «Техасо» о форс-мажорной покупке нефти у Саудовской Аравии и Кувейта

---

⁸⁷ *Al-Atiki S., Çalışkan E., Long C.* Turkey – GCC relations. Trends and outlook. Istanbul: UIP-ICP, 2016. P. 6.

⁸⁸ *Ibid.*

⁸⁹ *Liel A.* Turkey in the Middle East: Oil, Islam and Politics. N.Y.: Boulder and CO, 2001. P. 110.

(соответственно в объеме 320 тыс. и 100 тыс. т)⁹⁰.

Экономический кризис заставил турецкое правительство искать новые займы. В частности, Анкара обратилась с просьбой к Королевству Саудовской Аравии о предоставлении кредита в объеме 1 млрд долл. Начало финансовой помощи было использовано руководством КСА и других аравийских монархий для того, чтобы плотнее привязать светское и прозападное турецкое государство тех лет к исламскому миру. 23 августа 1980 г. было заключено соглашение с Саудовской Аравией о предоставлении займа на сумму в 250 млн долл. В обмен на эту экономическую помощь турецкое правительство приняло негласное обязательство пересмотреть свои отношения с Израилем. В связи с тем, что израильское правительство в июле 1980 г. в одностороннем порядке объявило Иерусалим своей единой и неделимой столицей, 2 декабря того же года Турция снизила уровень своих отношений с этим государством, отозвав своего посла, военного атташе и атташе по экономическим вопросам, а также закрыв турецкое генеральное консульство в Иерусалиме⁹¹.

1980-е гг. стали временем подъема и расширения сотрудничества Турции с государствами Совета сотрудничества арабских государств Персидского Залива (ССАГПЗ, образован в 1981 г.). Этот период совпал с экономическими реформами, осуществлявшимися под руководством Тургута Озала (премьер-министр Турции в 1983–1989 гг., Президент – в 1989–1993 гг.). Целью реформ Т. Озала было превращение турецкой экономики в экспортно-ориентированную. В рамках нововведений осуществлялись либерализация экономики, поощрение промышленности и экспорта, мелкого и среднего бизнеса. В 1970-е гг. турецкая промышленность могла мало что предложить экономикам Ближнего Востока. В 1980-е гг. положение изменилось. В 1982–1985 гг. Турция подписала с ОАЭ, Катаром и Кувейтом соглашения об экономическом, промышленном и научно-техническом

---

⁹⁰ *Liel A. Turkey in the Middle East: Oil, Islam and Politics. N.Y.: Boulder and CO, 2001. P. 111.*

⁹¹ *Ibid. P. 114.*

сотрудничестве. Одновременно увеличились турецкая трудовая миграция в страны ССАГПЗ и деятельность там турецких строительных компаний⁹².

В 1972–1979 гг. на Ближнем Востоке работали 20 турецких строительных компаний с общим объемом контрактов в 1650 млн долл. Большинство из них работали в Ливии (72,5% от общего объема работ). Гораздо меньше приходилось на Саудовскую Аравию (15,45%) и Кувейт (4,75%). К 1985 г. количество турецких компаний, работающих на Арабском Востоке, увеличилось до 230, а общий объем контрактов – до 13 млрд долл.⁹³. Турецкие строители в регионе занимались возведением жилых домов, морских портов, дорог и промышленных предприятий. Соответственно, увеличилось и количество турецких трудовых мигрантов, направлявшихся в эти страны. Если в 1970-е гг. их подавляющее большинство выезжало в ФРГ, Францию и страны Бенилюкса, то к 1985 г. около половины турецких граждан, направлявшихся за рубеж, ехало в Саудовскую Аравию, ОАЭ и Кувейт. К 1990 г. количество турок, работающих в странах Персидского залива, увеличилось до 300 тыс. Человек, из них 155 тыс. трудились в Саудовской Аравии. Увеличилось за этот период и количество арабов, посещавших Турцию⁹⁴. С 1981 до 1985 г. количество граждан КСА, ежегодно посещавших Турцию, выросло с 10 до 32 тыс. человек⁹⁵.

Одновременно изменились объем и баланс товарооборота Турции с государствами ССАГПЗ. В 1981 г. турецкий экспорт в Саудовскую Аравию и Кувейт составлял соответственно 187 и 71 млн долл., а импорт – 410 и 106 млн долл. Основной статьей импорта были углеводороды. К 1989 г. Турция экспортировала в КСА и Кувейт товаров соответственно на 477 и 309 млн долл., а импортировала – на 113 и 52 млн долл. Таким образом, Анкаре

---

⁹² *Liel A. Turkey in the Middle East: Oil, Islam and Politics. N.Y.: Boulder and CO, 2001. P. 114.*

⁹³ *European International Contractors // Turkish contractors on the International Market. 01.03.2012. URL: www.eic-federation.eu/media/uploads/newsletter/2012_01_march/tca.ms.pdf (дата обращения: 20.03.2021).*

⁹⁴ *Robins Ph. Turkey and the Middle East. London: The Royal Institute of International Affairs, 1991. P. 106.*

⁹⁵ *Liel A. Turkey in the Middle East: Oil, Islam and Politics. N.Y.: Boulder and CO, 2001. P. 118.*

удалось добиться положительного сальдо в торговле с этими государствами. Этому способствовали две причины: во-первых, снижение мировых цен на нефть (если в 1981 г. цена барреля нефти составляла 34,5 долл., то в 1989 – 17,6 долл.; в результате Турция, вдвое увеличив импорт нефти с Аравийского полуострова, платила за нее на 25% меньше); во-вторых, изменению структуры торговли способствовал курс правительства Т. Озала на создание экспортной экономики. Общий объем турецкого экспорта в 1980-е гг. ежегодно увеличивался с 2,9 до 20 млрд долл.⁹⁶.

В 1980-е гг. турецкое правительство вынашивало амбициозный план строительства так называемого «трубопровода мира», которому, правда, не суждено было реализоваться. Предполагалось снабжение пресной водой в объеме 3,5 млн т ежегодно шести государств в восточной части Аравийского полуострова и 2,5 млн т КСА в западной части⁹⁷.

Несмотря на эти достижения, 1990-е гг. стали периодом замедления, если не кризиса в отношениях Турции с государствами Персидского залива. Этому способствовали следующие обстоятельства. Захват Ираком Кувейта и последующая военная операция «Буря в пустыне», предпринятая против Ирака США и их союзниками. В период ирано-иракской войны 1980–1988 гг. турецкое руководство заняло нейтральную позицию невмешательства в конфликт. В отличие от своих соседей, поддержавших ту или иную сторону (Сирия – Иран, государства ССАГПЗ и Египет – Ирак), Анкара продолжала развивать конструктивные отношения с обоими государствами, наращивая объем товарооборота.

Хорошие деловые отношения сложились у Турции с правительством Саддама Хусейна в Ираке. Когда в 1981 г. Сирия перекрыла нефтепровод Kirkuk-Банияс, большая часть иракского нефтяного экспорта стала проходить через турецкую территорию. В итоге Турецкая Республика

---

⁹⁶ *Robins Ph.* Turkey and the Middle East. London: The Royal Institute of International Affairs, 1991. P. 102.

⁹⁷ *Liel A.* Turkey in the Middle East: Oil, Islam and Politics. N.Y.: Boulder and CO, 2001. P. 122.

получала ежегодно роялти в размере 300 млн долл. за транзит иракской нефти. Товарооборот с Ираком составлял около 1 млрд долл. Создание международной коалиции против Ирака и международные санкции нанесли тяжелый удар по турецкой экономике. Общие потери Турции от антииракских санкций оценивались в 30 млрд долл. Одновременно на турецкой территории оказались 500 тыс. беженцев из Иракского Курдистана, на которые правительство страны тратило до 1,5 млн долл. ежедневно⁹⁸.

Санкции, введенные против Ирака после войны в заливе (1990–1991 гг.), в частности, введение бесполетной зоны на севере Ирака, создали потенциальную угрозу национальной безопасности Турции, так как эти районы перешли под контроль курдских сепаратистов. Турция вынуждена была разместить вдоль границы с Ираком 135 тыс. военнослужащих⁹⁹.

США и их союзники после первой войны в заливе предприняли ряд мер для того, чтобы компенсировать Турецкой Республике ущерб от международной блокады Ирака. Турецкий бюджет получил 8,5 млрд долл. прямых компенсаций за последствия санкций. КСА и Кувейт предоставили в качестве безвозмездной помощи нефть стоимостью в 2 млрд долл. Одновременно они перечислили в Фонд обороны Турции 2,5 млрд долл. Тем не менее у турецкой политической элиты остался неприятный осадок: большая война в регионе была проведена без предварительных консультаций с Анкарой¹⁰⁰.

Дополнительной причиной охлаждения отношений между Турцией и государствами ССАГПЗ в 1990-е гг. стало создание стратегического партнерства между Турцией и Израилем в период нахождения у власти Сулеймана Демиреля (премьер-министр Турции в 1991–1993 гг., Президент в 1993–2000 гг.). 1980-е гг. стали нижней точкой в турецко-израильских

---

⁹⁸ *Brown C.S.* Turkey in the Gulf wars of 1991 and 2003 // *Turkish Studies*. 2007. № 8. P. 85–119.

⁹⁹ *Aykan M.B.* Turkey's policy in Northern Iraq 1991–1995 // *Middle Eastern Studies*. 1996. № 4. P. 343–366.

¹⁰⁰ *Brown C.S.* Turkey in the Gulf wars of 1991 and 2003 // *Turkish Studies*. 2007. № 8. P. 85–119.

отношениях. Правительство Турции поддержало палестинскую интифаду. В 1988 г. Турция стала первой страной, имевшей дипломатические отношения с Израилем и признавшей Палестинское государство. Тем не менее в 1990-е гг. конъюнктура изменилась. Этому во многом способствовало охлаждение отношений с партнерами по НАТО из-за кипрского вопроса. В результате Анкара лишилась возможности покупать современные вооружение и военную технику на Западе.

Кроме того, активизация вооруженной борьбы сепаратистов из РПК в восточных регионах Турции вызвала необходимость в сильном в военном отношении партнере. Воспользовавшись тем, что соглашения 1993 г. в Осло создали предпосылки для урегулирования палестинской проблемы, турецкое правительство в полном объеме восстановило отношения с Израилем. 23 февраля 1996 г. было заключено турецко-израильское Соглашение о военном сотрудничестве. Оно предусматривало обмен разведывательной информацией, проведение маневров ВМС и ВВС, совместное производство вооружений. Израильский ВПК модернизировал военные самолеты F-4E и танки М-60, состоявшие на вооружении турецкой армии, а также поставлял в эту страну беспилотники «Герон». Израильские пилоты тренировались на территории Турции, совершая полеты на большие расстояния по гористой местности, напоминающей условия Ирана. Это сотрудничество вызвало негативный отклик со стороны арабских государств, в том числе аравийских монархий¹⁰¹.

В ноябре 2002 г. на парламентских выборах в Турции победу одержала консервативная Партия справедливости и развития (ПСР). Это событие дало дополнительный толчок развитию отношений Турции с государствами Персидского залива. Необходимость усиления аравийского вектора турецкой внешней политики диктовалась сразу несколькими факторами (безопасность, экономика, идеологическая близость). Еще одним катализатором развития

---

¹⁰¹ *Liel A. Turkey in the Middle East: Oil, Islam and Politics. N.Y.: Boulder and CO, 2001. P. 211–212.*

партнерства между Турцией и государствами ССАГПЗ выступил иракский кризис. В 2003 г. США и их союзники провели военную операцию по свержению Саддама Хусейна и оккупации Ирака. Отношение Турции к данной акции было негативным.

Новое правительство ПСР сообщило о том, что оно отрицательно относится к перспективе войны против Ирака и не позволит использовать турецкое воздушное пространство для нанесения ударов по соседнему государству, а турецкую территорию – для размещения спецназа США и их союзников до тех пор, пока Совет Безопасности ООН не вынесет Резолюцию, легитимирующую военную операцию. 1 марта 2003 г. турецкий парламент большинством голосов проголосовал против участия вооруженных сил страны в интервенции против Ирака. Основным мотивом противодействия интервенции со стороны Турции были опасения за распад иракского государства и появление независимого Иракского Курдистана, что обострило бы курдскую проблему в самой Турции.

Аналогичные опасения высказывали и аравийские монархии, особенно Саудовская Аравия и Катар. Их руководство опасалось, что в случае быстрого падения режима Саддама Хусейна неминуем распад страны или ее попадание в сферу влияния Ирана (последнее стало реальностью). Турция совместно с Саудовской Аравией разработала план с целью убедить С. Хусейна отречься от власти и допустить в страну международные инспекции. При этом необходимо было не допустить уничтожения иракской армии и политической дестабилизации. На встрече министров иностранных дел государств ОИК в Дохе в феврале 2003 г. было принято Коммюнике, отвергавшее «действия, направленные на подрыв безопасности и территориальной целостности Ирака»¹⁰².

Таким образом, к 2002–2003 гг. регион Персидского залива не был чужим для турецкой внешней политики, поскольку сформировались вполне

---

¹⁰² *Al-Atiki S., Çalışkan E., Long C. Turkey-GCC relations. Trends and outlook. Istanbul: UIP-ICP, 2016. P. 17.*

определенные предпосылки для развития партнерства Турецкой Республики с его государствами. Теоретические предпосылки для такого сотрудничества были оформлены в доктрине «Ноль проблем с соседями» Ахмета Давутоглу и концепции неоосманизма. Новое турецкое руководство приступило к проведению многовекторной политики с повышенным вниманием к развитию сотрудничества и партнерства с исламским миром и странами Ближнего Востока. Неоосманизм подразумевает общую цивилизационную и культурную идентичность Турции и арабских государств Ближнего Востока. Этот фактор стал подчеркиваться новым турецким руководством как необходимая предпосылка для расширения сотрудничества с арабским миром. Что касается доктрины «Ноль проблем с соседями», то она сыграла значительную роль в расширении и укреплении связей с Сирией в 2004–2011 гг., о чем будет подробно сказано ниже.

Следует учитывать и тот факт, что в этот период возникли общие для Турции и государств ССАГПЗ вызовы и угрозы, прежде всего, в связи с иракским кризисом и необходимостью стабилизировать ситуацию в регионе Персидского залива. Общие вызовы в немалой степени были подкреплены зарождавшимся недоверием к авантюристической политике США (война в Ираке). К концу 2010-х гг. к ним добавилась эрозия американского влияния в регионе и объективный переход к многополярному миру с ростом международного влияния России и Китая.

Немалым стимулом для партнерства стала необходимость развития экономического сотрудничества между Турцией и арабскими государствами Ближнего Востока на основе взаимодополняемости их экономик.

1.2. Экономические предпосылки развития отношений Турции со странами – членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива: «зеленые инвестиции»

Как уже было сказано выше, экономический фактор сыграл не последнюю роль в расширении сотрудничества между Турцией и

государствами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ). Импульс к сотрудничеству исходил во многом от Анкары, так как турецкая промышленность нуждалась в рынках сбыта, а турецкая экономика – в притоке инвестиций со стороны богатых аравийских монархий. 2000-е гг. были отмечены институционализацией сотрудничества между Турецкой Республикой и арабскими государствами Персидского залива. В 2005–2008 гг. между ними был заключен ряд важных соглашений¹⁰³. К ним, в частности, относятся Соглашение об избегании двойного налогообложения и Соглашение о взаимном поощрении и защите инвестиций. Все это привело к резкому росту товарооборота между Турцией и странами Персидского залива. К 2010 г. объем товарооборота Турции с Саудовской Аравией и ОАЭ (с каждым из этих государств) достиг 4 млрд долл. Одновременно произошло увеличение торговых связей с другими странами ССАГПЗ. Например, товарооборот с Кувейтом увеличился со 183 млн долл. в 2003 г. до 610 млн долл. в 2010 г. Товарооборот с Катаром в тот же период вырос с 34 до 324 млн долл.¹⁰⁴.

В 2008 г. в Джидде был подписан Меморандум о взаимопонимании между Турцией и ССАГПЗ. Революционным достижением этого документа был запуск Стратегического диалога на высшем уровне. Турция стала первым государством мира, проводящим такой диалог с ССАГПЗ. В этом соглашении стороны обязались «основывать сотрудничество на солидной институциональной базе и покрывать все сферы взаимного интереса»¹⁰⁵. В июле 2009 г. в Стамбуле был проведен первый форум Стратегического диалога на высшем уровне. На нем обсуждались иранская ядерная проблема,

---

¹⁰³ Türkiye Cumhuriyeti ve Körfez Arap Ülkeleri İşbirliği Konseyi Üyesi Ülkeler Arasında Ekonomik İşbirliğine İlişkin Çerçeve Anlaşma [Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве между Турецкой Республикой и государствами – членами Совета сотрудничества арабских стран Персидского залива]. Manama, 2005. URL: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2009/04/20090413M1-1.htm> (дата обращения: 04.04.2021).

¹⁰⁴ Al-Atiki S., Çalışkan E., Long C. Turkey-GCC relations. Trends and outlook. Istanbul: UIP-ICP, 2016. P. 19.

¹⁰⁵ Republic of Turkey // Ministry of Foreign Affairs. 08.07.2008.

арабо-израильский конфликт, проблемы безопасности Ирака, а также двустороннее сотрудничество в экономической, научной и культурной областях. На форуме Диалога в 2010 г. в Кувейте был одобрен План совместных действий, включавший в себя дорожную карту сотрудничества в областях инвестиций, сельского хозяйства, энергетики, здравоохранения и туризма. Аравийские монархии выразили поддержку планам Турции вступления в ЕС¹⁰⁶. Если раньше такое намерение Анкары воспринималось как проявление ее прозападной ориентации, то с приходом к власти ПСР и началом проведения панисламистской политики будущее членство Турции в Евросоюзе стало восприниматься руководством многих исламских государств не как ущерб, а как актив.

Одним из основных аспектов экономического сотрудничества между Турцией и ССАГПЗ являются инвестиции. Победе ПСР во многом способствовала сложная экономическая ситуация в стране. С одной стороны, многие турецкие производители и торговые компании выиграли от расширения коммерческих связей со странами СНГ; с другой – галопирующая инфляция грозила привести страну к экономическому провалу. За период 1997–2002 гг. курс турецкой лиры по отношению к доллару упал с 200 тыс. до 1 млн 700 тыс. лир за доллар. Правительству ПСР удалось за 2 года стабилизировать курс на уровне 1,5 млн лир за доллар, а в 2005 г. провести списание пяти нолей с купюр¹⁰⁷. Сделано это было благодаря повышению финансовой дисциплины, стабилизации банковской и биржевой систем, развитию депрессивных ранее восточных и юго-восточных районов страны, а также масштабным инвестициям из стран Персидского залива.

Американский исследователь Майкл Рубин, долго проработавший в Турции, провел исследование о природе экономических успехов турецкого

---

¹⁰⁶ *Al-Atiki S., Çalışkan E., Long C.* Turkey–GCC relations. Trends and outlook. Istanbul: UIP-ICP, 2016. P. 19.

¹⁰⁷ *Rubin M.* Green money, islamist politics in Turkey // *Middle East Quarterly*. 2005, winter. P. 13–23.

правительства. Как уже было сказано, в канун победы ПСР на выборах Турция находилась на грани финансового кризиса. ПСР пришла к власти в 2002 г. в условиях галопирующей инфляции и бюджетного дефицита. Самое время было задуматься об ужесточении финансовой дисциплины и увеличении налогов. Вместо этого было предпринято масштабное снижение налогов и запущен ряд социальных программ, в частности, раздача бесплатных учебников школьникам. Само по себе это крайне позитивно характеризовало новую турецкую элиту, не собиравшуюся перекладывать на народ финансовые издержки. Однако здесь возникает вопрос об источниках финансирования.

Еще более замечательным являлся экономический бум, начавшийся в период нахождения консерваторов у власти в некогда депрессивных районах Анатолии. Ярким примером являлся г. Кайсери, родина бывшего Президента Абдуллы Гюля. Некогда бывший одним из наиболее нищих и тупиковых местечек Турции, г. Кайсери за первые годы правления ПСР обзавелся суперсовременной гостиницей, торговым центром и новым парком. По расчетам Майкла Рубина, при внимательном изучении турецких экономических показателей ежегодно бросаются в глаза неучтенные доходы на сумму более миллиарда долларов¹⁰⁸. По данным М. Рубина, в 2005 г. от 2 до 3 млрд долл. в Турцию поступило от турецких гастарбайтеров, работавших в Германии.

Впрочем, источник поступлений от турецких гастарбайтеров был ограниченным. Гораздо более серьезным каналом «зеленых денег» стали консервативные монархии Персидского залива. По информации М. Рубина, в Турцию в начале 2000-х гг. инвестировали не менее 12 млрд неофициальных инвестиций от богатых исламских государств¹⁰⁹. Основными источниками такого финансирования стали Малайзия и Саудовская Аравия, добивавшиеся взамен этого изменения турецкой позиции в отношениях с Израилем. По

---

¹⁰⁸ *Rubin M. Green money, islamist politics in Turkey // Middle East Quarterly. 2005, winter. P. 13–23.*

¹⁰⁹ *Rubin M. Green money, islamist politics in Turkey // Middle East Quarterly. 2005, winter. P. 13–23.*

мнению ряда американских аналитиков, после событий 11 сентября 2001 г. саудовские инвесторы, напуганные возможным ухудшением двусторонних отношений, вывели из США около 100 млрд долл. Из них 20 млрд долл. были инвестированы во Франции, 10 млрд долл. – в Ливане, 6 млрд долл. – в Швейцарии. Турция также оказалась в списках саудовского инвестирования¹¹⁰.

Необходимо отметить, что в регионе Западной Азии страны ССАГПЗ и Турция являются значительными источниками и реципиентами инвестиций. Турция и ОАЭ являются крупнейшими реципиентами инвестиций (по данным на 2015 г., 10 млрд долл.)¹¹¹. В то же время Кувейт и Катар, по данным на тот же год, являлись крупнейшими источниками инвестиций (5,5 и 9 млрд долл. соответственно)¹¹².

После прихода к власти правительства ПСР Турция стала лидировать в регионе Ближнего Востока по привлечению инвестиций из ССАГПЗ. Официальный объем заливных инвестиций в турецкую экономику увеличился с 43 млн долл. в 2004 г. до 1,78 млрд долл. в 2006 г. К этому времени в турецкую экономику вкладывали финансовые средства 2430 фирм и компаний из стран Персидского залива – вдвое больше, чем в 2003 г.¹¹³. Рост инвестиций из региона Персидского залива в 2011–2013 гг. компенсировал их падение из государств Европы, остававшейся до второй декады XXI в. основным торговым и инвестиционным партнером Турции. Прямые инвестиции в турецкую экономику из стран Персидского залива увеличились со 195 млн долл. в 2011 г. до 940 млн долл. в 2012 г.¹¹⁴. Затем, однако, наблюдалось уменьшение потоков прямых инвестиций (880 млн

---

¹¹⁰ Ibid.

¹¹¹ *Al-Atiki S., Çalışkan E., Long C.* Turkey – GCC relations. Trends and outlook. Istanbul: UIP-ICP, 2016. P. 65.

¹¹² Ibid.

¹¹³ *Tuncay E.* Turkey the winner in Gulf Investment's Hunt // Hurriyet Daily News. 09.01.2009. URL: www.hurriyetdailynews.com/turkey-the-winner-in-gulfs-investment-hunt.aspx?pageID=438&n=turkey-the-winner-in-gulfs-investment-hunt=2008.09.01 (дата обращения: 20.03.2021).

¹¹⁴ *Al-Atiki S., Çalışkan E., Long C.* Turkey – GCC relations. Trends and outlook. Istanbul: UIP-ICP, 2016. P. 31.

долл. в 2013 г. и 425 млн долл. в 2015 г.)¹¹⁵.

Турецкой привлекательности для инвесторов из стран ССАГПЗ способствовали следующие факторы:

– Турция являлась вторым после России наиболее динамично растущим рынком в Евразии¹¹⁶, чему способствовало ее идеальное геостратегическое положение на стыке Европы, Ближнего Востока и Северной Африки;

– большой внутренний рынок усиливался значительным процентом молодого населения и 4-м по величине объемом рабочей силы в Европе¹¹⁷;

– опережающий объем роста ВВП (9,2% в 2010 г.; правда, к 2014 г. сократился до 2,9%¹¹⁸);

– увеличение и расширение транснациональных сетевых связей с государствами Персидского залива;

– принятие в 2012 г. нового инвестиционного законодательства, упрощавшего покупку земли вкуче со снятием для иностранных инвесторов ряда ограничений на приобретение недвижимости¹¹⁹.

Рост инвестиций из основных экономик государств ССАГПЗ (Саудовской Аравии, ОАЭ, Катара) представлен в табл. 1.

Таблица 1

Прямые иностранные инвестиции в Турцию, млн долл. США

Страна	Год								
	2000	2003	2007	2011	2014	2015	2016	2017	2018
Катар	0	2	0	59	778	715	4,941	5,522	6,262
Ежегодное	–	–	–	–	–	–	591	12	13

¹¹⁵ Ibid.

¹¹⁶ Ibid.

¹¹⁷ Liel A. Turkey in the Middle East: Oil, Islam and Politics. N.Y.: Boulder and CO, 2001. P. 48.

¹¹⁸ World Bank, 2015. Annual Growth, %. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (дата обращения: 20.03.2021).

¹¹⁹ Al-Atiki S., Çalışkan E., Long C. Turkey – GCC relations. Trends and outlook. Istanbul: UIP-ICP, 2016. P. 36.

изменение, %									
Саудовская Аравия	193	346	1,248	1,123	1,811	1,239	994	891	625
Ежегодное изменение, %	–	–	–	–	–	-32	-20	-10	-30

Источник: Habibi N. Turkey's economic relations with the Gulf states in the shadow of the 2017 Qatar crisis. URL: <http://brandeis.edu> (meb132.pdf) (дата обращения: 20.03.2022).

Капиталовложения в турецкую экономику проходят как по линии частных инвестиционных компаний (ОАЭ), так и суверенных фондов (Саудовская Аравия). Крупнейшими финансовыми компаниями, действующими в Турции, являются инвестиционная компания Abraaj Capital (Дубай) и инвестиционный банк Investcorp Bank (Бахрейн). Abraaj Capital, оперирующая 7,5 млрд долл. частных капиталов, открыла свое отделение в Турции и приобрела 10 компаний в различных сферах – от энергетики до здравоохранения. Позже она, как и некоторые другие игроки финансового рынка ССАГПЗ, открыла специальный инвестиционный фонд, предназначенный для Турции.

В 2012 г. Инвестиционный Совет Абу-Даби и компания Abu Dhabi Invest AD совместно с японским SBI Holding открыли специальный инвестиционный фонд для Турции. Во время проведения в Стамбуле Второго инвестиционного саммита в апреле 2015 г. несколько компаний проявили интерес к открытию инвестиционных фондов в Турции. К ним относятся, в частности, саудовские Al-Bassam Group и Sumou Holding, вложившие около 1 млрд долл. в турецкую недвижимость¹²⁰.

В Турции также начали активно действовать фонды суверенного богатства из аравийских монархий. Первым в Турцию зашло Кувейтское управление по инвестициям (Kuwait Investment Authority), инвестирующее

---

¹²⁰ World Bank, 2015. Annual Growth, %. URL: <http://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.KD.ZG> (дата обращения: 20.03.2022).

капиталы Фонда будущих поколений и вложившее в Турцию около 1 млрд долл.¹²¹. Большая заслуга в привлечении инвестиций из государств Персидского залива принадлежит Абдулле Гюлю (премьер-министр Турции в 2002–2003 гг., министр иностранных дел Турции в 2004–2007 гг., Президент в 2007–2014 гг.). Многие эксперты считают А. Гюля наряду с бывшим министром финансов Али Бабаджаном творцом «турецкого экономического чуда». В 1983–1991 гг. Абдулла Гюль служил представителем Турции при Исламском банке развития в Джидде. Там он установил хорошие личные отношения с политическими и финансовыми кругами аравийских монархий. Значительная часть капиталовложений из стран ССАГПЗ пошла на развитие предпринимательской деятельности бизнесменов-консерваторов из глубинки, получивших название «анатолийских тигров». Эти предприниматели в период правления ПСР составили новые деловые круги Турции, отеснив старую кемалистскую элиту, состоявшую из буржуазии Стамбула и Измира.

Другой важной сферой экономического сотрудничества между Турцией и ССАГПЗ является взаимодействие в области энергетики. Турция, располагающая незначительными запасами углеводородов, зависит от импорта нефти и газа. Ежегодно страна обеспечивает свои нужды в нефти и газе собственной добычи только на 9% в части, касающейся нефти, и на 1,9% в части, касающейся газа. По данным на 2017 г., 23% от общей суммы внешнего товарооборота Турции приходилось на импорт нефти и природного газа. По данным на этот же год, около 10% потребляемой в Турции нефти приходилось на долю импорта из Саудовской Аравии. При этом КСА находилась на 3-м месте среди экспортеров нефти в Турецкую Республику, уступая Ираку (27%) и Ирану (26%)¹²². При этом нефтяной импорт Турции был подвержен значительным колебаниям. Например, в 2010 г. турки

---

¹²¹ *Al-Atiki S., Çalışkan E., Long C. Turkey – GCC relations. Trends and outlook. Istanbul: UIP-ICP, 2016. P. 36.*

¹²² *Al-Atiki S., Çalışkan E., Long C. Turkey – GCC relations. Trends and outlook. Istanbul: UIP-ICP, 2016. P. 43.*

осуществляли импорт нефти из КСА на сумму в 1 млрд долл., а в 2014 г. – только на 40 млн долл. В 2012 г. турецкое правительство обещало Саудовской Аравии увеличить импорт нефти из королевства, заменив иранскую нефть саудовской (в 2011 г. против Ирана были введены международные санкции, связанные с иранской ядерной программой). Однако это обещание так и не было выполнено. Турция продолжала покупать иранскую нефть, несмотря на санкции США и Евросоюза¹²³.

Что касается природного газа, то за последние 2 года наблюдается значительный рост импорта сжиженного природного газа (СПГ) из Катара. В течение 2018–2021 гг. произошли значительные изменения как во внутреннем балансе энергопотребления и импорта природного газа, так и в отношении планов транзита природного газа из третьих стран через турецкую территорию. В предыдущее 5-летие большую часть природного газа Турция импортировала из Российской Федерации. Это прослеживается на основе данных о турецком импорте природного газа в 2015 г., когда Турция импортировала не менее 39,7 млрд м³ газа по трубопроводам, а также 7,5 млрд м³ сжиженного природного газа. Наибольший объем поставок пришелся на российский сетевой газ (26,6 млрд м³), при этом Иран поставил на турецкий рынок 7,8 млрд м³ газа, а Азербайджан – лишь 5,3 млрд кубометров газа¹²⁴. Что касается СПГ, то первое место по экспорту этого вида топлива в 2015 г. занимал Алжир. При этом доля различных экспортеров в турецких закупках сжиженного природного газа распределялась следующим образом: Алжир – 3,8 млрд м³; Катар – 1,7 млрд м³; Нигерия – 1,5 млрд м³; страны Европы – 0,3 млрд м³; Тринидад и Тобаго – 0,2 млрд м³. Россия занимала уверенное лидерство среди экспортеров газа в

---

¹²³ *Al-Atiki S., Çalışkan E., Long C.* Turkey – GCC relations. Trends and outlook. Istanbul: UIP-ICP, 2016. P. 44; *Pamuk H.* Exclusive: Turkey sticks with Iran oil after Saudi talks 14.02.2012. URL: <http://uk.reuters.com/article/2012/10/21/turkey-turpas-loan-idUKL5E8LL05P20121021> (дата обращения: 20.03.2022).

¹²⁴ Russian share of gas imports falls as Turkey turns to cheaper LNG. URL: <https://www.dailysabah.com/business/energy/russian-share-of-gas-imports-falls-as-turkey-turns-to-cheaper-lng> (дата обращения: 04.04.2021).

Турцию (57%). В 2017 г. доля России была несколько меньше (52%), но все равно Российская Федерация опережала других экспортеров¹²⁵.

По итогам 2019 и 2020 гг., это лидерство Россией было утрачено. По данным газеты Daily Sabah, Турция постепенно отказывается от импорта трубопроводного газа в пользу СПГ. Так, журналисты газеты со ссылкой на Управление по регулированию энергетического рынка Турецкой Республики (Turkish Energy Market Regulatory Authority (EMRA)) отмечают, что доля России в турецком импорте природного газа сократилась с 52% в 2017 г. до 33% в 2019 г. В 2018 г. Россия экспортировала в Турцию 23,64 млрд м³ газа, или 47% ее импорта. В то же время в 2019 г. общий импорт газа турками составил 45,21 млрд м³, из которых на долю России пришлось 15,19 млрд м³, или 33%¹²⁶.

Основной причиной утраты Россией лидерства на турецком рынке является увеличение доли СПГ в турецком энергопотреблении. Если в 2017 г. из 52,5 млрд м³ газа, закупленных Турцией, доля СПГ составляла 19%, то в 2019 г. доля сжиженного природного газа составляла уже 29% при общем импорте 45,21 млрд м³. В связи с тем, что спотовые цены на СПГ существенно уменьшились в связи с избытком предложения, Турция стала наращивать импорт этого вида топлива, сводя к минимуму трубопроводные поставки. В 2020 г. импорт СПГ в Турции превысил импорт трубопроводного газа, составив 52,5% в общем балансе (2,06 млрд м³ газа). При этом все более растет внимание турецких импортеров к поставкам СПГ из США. Например, в марте 2020 г. турки закупили 786 млн м³ СПГ из Катара и 370 млн м³ СПГ из Соединенных Штатов Америки. В марте 2020 г. импорт природного газа из США увеличился на 300%. Оставшаяся доля импорта СПГ приходится на

---

¹²⁵ Ibid.

¹²⁶ Kraemer R. Diversify and expand: Turkey's drive toward natural gas security. URL: <https://www.mei.edu/publications/diversify-and-expand-turkeys-drive-towards-natural-gas-security> (дата обращения: 20.03.2021).

Алжир, Нигерию, Камерун и Египет¹²⁷.

В целом торговля Турции с государствами ССАГПЗ в рассматриваемый период серьезно увеличилась. Арабские страны Персидского залива стали значительным рынком сбыта для турецких товаров и экспортерами в Турцию.

Рост товарооборота Турции с крупнейшими экономиками Персидского залива (Саудовская Аравия, ОАЭ, Катар) представлен в табл. 2 и 3.

Таблица 2

**Турецкий экспорт в Саудовскую Аравию, ОАЭ и Катар в 2002–2018 гг.,
млн долл. США**

Страна	Год					
	2002	2010	2015	2016	2017	2018
Катар	15	163	423	439	649	1,097
Саудовская Аравия	547	2,218	3,473	3,172	2,735	2,636
ОАЭ	452	3,333	4,681	5,407	9,184	3,138

Источник: Habibi N. Turkey's economic relations with the Gulf states in the shadow of the 2017 Qatar crisis. URL: <http://brandeis.edu> (meb132.pdf) (дата обращения: 20.03.2022).

Таблица 3

**Турецкий импорт из Саудовской Аравии, ОАЭ и Катара в 2002–2018 гг.,
млн долл. США**

Страна	Год					
	2002	2010	2015	2016	2017	2018
Катар	11	177	361	271	264	335
Саудовская Аравия	788	1,381	2,117	1,835	2,110	2,718
ОАЭ	100	698	2,009	3,701	5,547	3,341

¹²⁷ *Kraemer R. Diversify and expand: Turkey's drive toward natural gas security. URL: <https://www.mei.edu/publications/diversify-and-expand-turkeys-drive-towards-natural-gas-security> (дата обращения: 20.03.2021).*

Источник: Habibi N. Turkey's economic relations with the Gulf states in the shadow of the 2017 Qatar crisis. URL: <http://brandeis.edu/meb132.pdf> (дата обращения: 20.03.2022).

Третьим важным направлением делового сотрудничества между Турцией и странами ССАГПЗ является взаимодействие в строительном секторе и в сфере недвижимости. Турецкие строительные компании издавна хорошо зарекомендовали себя в мире как опытные и умелые подрядчики. Первым крупным турецким контрактом в регионе Персидского залива стало строительство турецкой компанией Tekfen Construction автомобильного шоссе Фахахиль в ОАЭ в 1978–1981 гг. на сумму 63 млн долл. Темпы строительства в странах ССАГПЗ неуклонно росли вплоть до мирового экономического кризиса, связанного с эпидемией коронавируса в 2020 г. Аравийские монархии довольно быстро оправались от финансового кризиса 2008 г., и уже в 2012 г. были зафиксированы темпы роста в 5% в строительном секторе. По данным на 2015 г., стоимость контрактов в строительном секторе региона определялась в 172 млрд долл.¹²⁸. В 2020 г. рост составил 420 млрд долл.¹²⁹, однако мировой экономический кризис уменьшил эту цифру.

Одним из драйверов бума в строительном секторе аравийских монархий стало проведение масштабных международных мероприятий: Международной выставки-ярмарки в Абу-Даби (состоялась в связи с эпидемией коронавируса в 2022 г.) и чемпионата мира по футболу, состоявшегося в Катаре в 2022 г. Перспектива проведения Ярмарки в Абу-Даби потребовала капиталовложений в размере 8 млрд долл. и строительства дополнительных дорог, железной дороги, аэропорта и выставочных помещений.

---

¹²⁸ Deloitte GCC Powers of Construction 2015. Construction – the economic Barometer of the Region. URL: <http://www.deloitte.com/dam/Deloitte/uk/Documents/real-estate/deloitte-uk-gcc-powers-of-construction-2015.pdf> (дата обращения: 20.03.2022).

¹²⁹ Rosenbaum J. Turkey and GCC. A «win-win dynamic» economists say. 13.08.2015. URL: <http://www.aa.com.tr/economic/en/turkey-and-the-gcc-a-win-win-dynamic-economists-say/16766> (дата обращения: 20.03.2022).

Вторым драйвером строительных работ в странах региона является попытка диверсификации их экономик, преодоление зависимости от импорта энергоносителей и превращение в центры международной логистики и торговли. Ярким примером являются ОАЭ. Эмират Абу-Даби в 2011 г. провел строительство железнодорожной сети Иттихад, а в 2012 г. инициировал сооружение международного аэропорта, который обещает стать крупнейшим в мире и обойдется предположительно в 32 млрд долл.¹³⁰.

Турецкие компании активно взялись за освоение местного строительного рынка. По данным на 2013 г., общий объем их контрактов в странах Залива составлял более 34 млрд долл. Из них на КСА приходилось 12,4 млрд долл., на Катар – 12,2 млрд долл., на ОАЭ – 8,4 млрд долл. Далее шли Оман (5,5 млрд долл.), Кувейт (1,2 млрд долл.) и Бахрейн (300 млн долл.)¹³¹. При этом турецкие строители сталкиваются с жесткой конкуренцией со стороны китайских компаний (портфолио контрактов в ССАГПЗ составляет 30 млрд долл.), а также с компаниями Atkins (Великобритания), Bechtel (США) и Vinci (Франция). Турецкие строители выигрывают благодаря более высокому качеству работ сравнительно с китайскими коллегами и большей дешевизной сравнительно с западными компаниями.

В последнее время заманчивым объектом для деятельности турецких строительных компаний стал султанат Оман. Правительство этой страны приняло решение о выделении в 2013–2022 гг. 56 млрд долл. на модернизацию ее инфраструктуры. Одним из крупнейших объектов деятельности турецких строителей в регионе Персидского залива является контракт на сумму в 3 млрд долл. на сооружение терминала Мидфилд в новом международном аэропорту Абу-Даби. Его осуществляет турецкая компания TAV İnşaat совместно с арабскими подрядчиками – Arabtec Holding

---

¹³⁰ *Al-Atiki S., Çalıřkan E., Long C.* Turkey – GCC relations. Trends and outlook. Istanbul: UIP-ICP, 2016. P. 45.

¹³¹ *Ibid.*

и Consolidated Contractors. TAV İnşaat задействована также в строительстве нового международного аэропорта в Дохе (Катар). Другая турецкая компания (Yapı Merkezi) задействована в строительстве скоростной железной дороги Аль-Харамейн в Саудовской Аравии на сумму в 2,1 млрд долл.¹³².

В то же время строительные компании из стран Персидского залива также ведут работы в Турции. Ярким примером является приход в Турцию саудовской частной компании ACWA Power, которая была основана в 2004 г. во время приватизации саудовских предприятий по очистке воды. В настоящее время ACWA Power осуществляет в турецком Кырыккале строительство теплоэлектростанции мощностью в 985 мегаватт, снабженной газовыми турбинами. Этот проект стоимостью в 1 млрд долл. финансируется Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР). Другим примером является начатое в 2015 г. строительство электростанции в Афшин-Эльбистане (Турция), осуществляемое катарскими компаниями Nebras и Qatar Holding совместно с тремя японскими фирмами¹³³.

Важным аспектом турецкого строительного бизнеса является поставка сопутствующих материалов, в частности, цемента и металлоконструкций. Стройматериалы составляют 60% от цены строительных работ. В течение последних 5 лет 9% инвестиций стран Персидского залива в промышленность приходится на производство стройматериалов. Несмотря на это, их производство в странах ССАГПЗ отстает от потребностей. Например, ОАЭ производят всего 60% нужного им цемента. Турция в настоящее время является четвертым в мире и первым в Европе производителем цемента, что позволяет ей осуществлять экспорт этого товара в аравийские монархии. Это же касается и стали. В настоящее время цемент и сталь составляют большую часть турецкого экспорта в ССАГПЗ. В 2012–2016 гг. 10% турецкого

---

¹³² Deloitte GCC Powers of Construction 2015. Construction – the economic Barometer of the Region. URL: <http://www.deloitte.com/dam/Deloitte/uk/Documents/real-estate/deloitte-uk-gcc-powers-of-construction-2015.pdf> (дата обращения: 20.03.2022).

¹³³ Kirikkale Natural Gas Combined Cycle Plant // Power Technology. URL: <http://www.power-technology.com/projects/kirikkale-natural-gas-combined-cycle-plant> (дата обращения: 20.03.2022).

экспорта приходилось на Объединенные Арабские Эмираты. В настоящее время Турция является ведущим экспортером стали в страны Залива (34%), обойдя по этому показателю Китай¹³⁴.

Со строительным рынком тесно связан рынок недвижимости, привлекающий с 2012 г. значительные инвестиции из государств ССАГПЗ. В этом году был принят новый, более либеральный Закон о земле, упростивший ее покупку иностранными инвесторами. Одновременно количество земель в Турции, введенных в рыночный оборот, увеличилось в 10 раз. Основным объектом внимания инвесторов из стран Персидского залива в Турции является жилищный сектор. Например, в 2014 г. в Турции был построен 1 млн 165 тыс. 381 единица жилья (домов и квартир). Наиболее серьезным инвестором в турецкую недвижимость до недавнего времени являлась компания из ОАЭ Emaar Properties с общей сумой вложений в 4,3 млрд долл.¹³⁵. Другими заметными инвесторами из Эмиратов являются компании PJSC (сумма вложений – 400 млн долл.) и Green Valley, инвестировавшая 60 млн долл. в строительство жилых домов в Трабзоне¹³⁶.

Важным направлением экономического взаимодействия является также банковско-финансовая сфера. Банковский сектор Турции очень развит и отличается высокопрофессиональными специалистами. В 1990-е гг. банки государств ССАГПЗ охотно брали на работу турецких специалистов по финансовому сектору. В период экономического подъема в Турции (2004–2014 гг.) финансовые институты стран ССАГПЗ охотно покупали турецкие коммерческие банки. Burgan Bank Group из ОАЭ стал основным акционером (99,3%) турецкого Burgan Bank; Commercial Bank of Qatar приобрел 77,8% акций Alternatif Bank; Kuwait Finance House – 62% акций Kuveyt Türk

---

¹³⁴ Gulf region, Middle East, biggest importers of the Turkish steel. URL: Hurriyet daily news, 17.05.2011//<http://hurriyetdailynews/gulf-region-middle-east-biggest-importers-of-turkish-steel> (дата обращения: 20.03.2022).

¹³⁵ Real Estate // ISPAT. 2015. URL: www.invest.gov.tr/En-US/Sectors/Pages/RealEstate.aspx (дата обращения: 22.03.2021).

¹³⁶ Turkish Real Estate Market. Istanbul: Deloitte Turkey, 2014.

Participation Bank; National Bank of Kuwait – 42% акций Turkish Bank Group¹³⁷. Наиболее крупное приобретение было сделано в 2015 г., когда Катарский национальный банк в конечном счете преуспел в покупке Finansbank, пятого по величине частного банка Турции по активам. Эта покупка была очень своевременной, так как иностранные инвесторы вывели около 1,5 млрд долл. в рамках продажи турецких акций и облигаций в период после досрочных выборов в ноябре 2015 г.¹³⁸.

Положительную роль в расширении банковско-финансового сотрудничества между Турцией и ССАГПЗ сыграло развитие исламского банкинга в Турции после 2002 г. В 2012 г. Турецкое казначейство впервые выпустило исламские ценные бумаги (сукук) на сумму 1,5 млрд долл. Большинство этих бондов были куплены инвесторами из Персидского залива¹³⁹. Из четырех турецких коммерческих банков, предоставляющих исламские банковские услуги, три являются филиалами финансовых институтов из стран Персидского залива – это Albaraka Türk, Türkiye Finans и Kuveyt Türk. В 2010 и 2011 гг. Kuveyt Türk Participation Bank стал первым турецким коммерческим банком, выпустившим финансовые обязательства сукук на сумму 450 млн долл.¹⁴⁰.

Турецкие банки также проявляют активность на финансовых рынках стран ССАГПЗ. Например, Ziraat Bank стал 11-м иностранным банком, осуществляющим свои операции из отделения в Джидде, начиная с 2011 г.

В финансовом сотрудничестве Турции со странами региона особое место занимает Бахрейн, откуда представительства 10 турецких банков оказывают свои услуги и осуществляют финансовую деятельность.

---

¹³⁷ *Al-Atiki S., Çalışkan E., Long C.* Turkey – GCC relations. Trends and outlook. Istanbul: UIP-ICP, 2016. P. 40.

¹³⁸ Another 7 billion \$ of Qatari investments to flow into Turkey. URL: <https://www.dailysabah.com/business/2019/12/03/another-7-billion-of-qatari-investments-to-flow-into-turkey> (дата обращения: 22.03.2021).

¹³⁹ The financial services sector in Turkey // ISPAT. URL: www.invest.gov.tr/En-US/infocenter/publications/Documents/Financial.Services.IndustrY.pdf (дата обращения: 22.03.2021).

¹⁴⁰ Sovereign Wealth Funds Keen on Turkish Markets // Reuters. 26.04.2013. URL: www.arabnews.com/news/449433 (дата обращения: 22.03.2021).

Еще одним важным направлением экономического сотрудничества между Турцией и ССАГПЗ является торговля продовольствием и сельскохозяйственный бизнес. Проблемой аравийских государств является то, что вследствие климатических условий они не могут обеспечить себя продовольствием. Некоторые из этих государств обеспечивают себя продуктами питания только на 25%. Таким образом, одним из основных направлений экономической политики государств ССАГПЗ является стремление гарантировать устойчивую продовольственную безопасность при растущем населении и не допустить резкого повышения цен на рынках продуктов питания. Это стало одним из основных факторов развития экономических отношений между аравийскими монархиями и Турцией, ставшей в последнее 20-летие наряду с Китаем и Индией одним из наиболее успешных экспортеров продовольствия.

Турецкий сельскохозяйственный экспорт с 2000 г. значительно диверсифицировался и стал включать в себя такие привлекательные для стран ССАГПЗ товары, как муку, макаронные изделия, орехи, сухофрукты (изюм, курагу, сушеные финики), подсолнечное масло. Региональный глава ближневосточного бюро по торговле и финансам британского банка HSBC Тим Эванс пишет по этому поводу: «Турция нуждается в импорте энергоносителей и имеет значительное положительное сальдо сельскохозяйственного производства. Многие государства Ближнего Востока и Северной Африки являются экспортерами углеводов и нуждаются в импорте продуктов питания. Это создает предпосылки для синергии, не зависящей от колебания рыночных цен»¹⁴¹.

Основными направлениями турецкого сельскохозяйственного экспорта являются Саудовская Аравия, ОАЭ и Катар. В 2012 г. в КСА и ОАЭ экспортировалось продовольствие на сумму 282 и 130 млн долл. соответственно. Эмираты заинтересованы в импорте широкого круга

---

¹⁴¹ Food and agriculture in Turkey // McKinsey and ISPAT. 03.2014. URL: <http://www.invest.gov.tr> (дата обращения: 22.03.2021).

турецких сельскохозяйственных товаров – от овощей до живого скота. В дополнение к импорту из Турции страны ССАГПЗ проявляют интерес к обеспечению своей продовольственной безопасности с помощью инвестиций в аграрный сектор страны. Это предусматривает приобретение в Турции земель сельскохозяйственного назначения для выращивания там агропродукции. Пионером в таком инвестировании в 2014 г. выступила катарская фирма Nassan Food Co, являющаяся сельскохозяйственным подразделением Катарского управления по инвестициям (КУИ). Тем не менее планы заливных инвесторов по приобретению таких земель в Турции часто наталкиваются на сопротивление со стороны местных жителей и оппозиционных политиков, усматривающих в них ущемление прав турецких граждан в доступе к земельным и водным ресурсам¹⁴².

Еще одним заметным направлением притока доходов в турецкую экономику из стран Залива является туризм. Согласно данным Всемирной туристской организации ООН ЮНВТО (United Nations World Tourism Organization – UNWTO) за 2019 г., Турция являлась 6-м по популярности туристическим направлением в мире. Страну в этом году посетили 42,8 млн гостей. Привлекательность Турции для иностранных гостей объясняется развитой туристической инфраструктурой, гостеприимством, регулярным авиационным сообщением (компания Turkish Airlines является четвертой в мире и первой в Европе по качеству и объему перевозок), наличием береговой полосы в 7,5 тыс. км, сравнительной дешевизной, умеренным средиземноморским климатом¹⁴³. До эпидемии коронавируса росло и количество туристов из стран Персидского залива, посещавших Турецкую Республику. Только в 2014 г. Турцию посетили 582 тыс. туристов из ССАГПЗ. Большинство из них составили гости из Саудовской Аравии (341 тыс. человек), что продемонстрировало рост туризма из этой страны в

---

¹⁴² HSBC Global Connections MENA-Turkey. Dubai: HSBC Middle East 2016. P. 34.

¹⁴³ World Tourist Organization // UNWTO Tourism URL: [Highlights./www.e-unwto.org/doi/pdf/10.8111/9789284416899](https://www.e-unwto.org/doi/pdf/10.8111/9789284416899) (дата обращения: 22.03.2021).

Турцию на 42%. Что касается Бахрейна, то количество визитеров из этого государства за последнее десятилетие выросло на 700%¹⁴⁴. Привлекательным для граждан арабских стран является «халяльный туризм» с посещением исламских достопримечательностей. Туризм является важным элементом не только экономического, но и культурного и гуманитарного сотрудничества, содействует сближению народов.

Однако наряду с объективными достижениями существуют и препятствия на пути расширения экономических отношений между Турцией и странами Персидского залива. Во-первых, это нестабильность в регионе Ближнего Востока, угрозы безопасности и конъюнктура турецкой внешней политики. С 2013–2014 гг. наблюдается ухудшение политических отношений между Турцией, с одной стороны, Саудовской Аравией и ОАЭ, с другой (об этом будет исчерпывающим образом написано ниже). Правительства аравийских монархий недовольны турецким сотрудничеством с Ираном. Турецко-саудовское и турецко-эмиратское геополитическое соперничество затрудняет интенсификацию экономических связей и ставит под вопрос уже разработанные проекты. Например, деловые круги ОАЭ отозвали свое намерение сделать инвестиции в энергетический комплекс в Афшин-Эльбистане через 7 месяцев после подписания соглашения в январе 2013 г. Abu Dhabi National Energy Company отменила свое решение о капиталовложениях в этот проект на сумму 12 млрд долл. Причиной было давление правительства ОАЭ в связи с поддержкой Турцией «Братьев-мусульман» в Египте¹⁴⁵.

Вторым препятствием является отсутствие хорошей логистики. До 2012 г. турецкий товаропоток в страны Персидского залива проходил через Сирию. С начала военно-политического конфликта в этой стране это

---

¹⁴⁴ Ibid.

¹⁴⁵ Al Makhaleh Shehab. Taqa pulls out 12 b investments from Turkish energy project // Gulf News. 26.08.2013. URL: <http://gulfnews.com/business/sectors/general/taqa-pulls-out-12b-investment-from-turkey-power-projects-1.1224336> (дата обращения: 04.04.2021).

направление оказалось закрыто.

Третьим препятствием являются проблемы турецкой экономики, к которым относятся высокий платежный дефицит, низкий уровень накоплений, высокий уровень инфляции, обесценивающаяся лира. Одновременно, начиная с 2014 г. (падение мировых цен на нефть), усугубляются и проблемы заливных экономик: высокий бюджетный дефицит, уменьшение свободных капиталов для инвестиций и растущий уровень задолженности.

Таким образом, сотрудничество в экономической сфере стало важной предпосылкой для расширения и укрепления отношений Турции с арабскими государствами Персидского залива.

1.3. Стратегическое партнерство между Турцией и Катаром: политические и идеологические аспекты

После победы на выборах 2002 г. Партии справедливости и развития правительство Турции приступило к развитию партнерских отношений со всеми государствами региона Персидского залива. Позже, однако, наметился фаворит в отношениях со странами ССАГПЗ. Им стал Катар, с которым Турцию связали отношения стратегического партнерства.

Представляется, что в укреплении турецко-катарского сотрудничества и его превращении в стратегическое партнерство ключевую роль сыграли три фактора: геополитический, идеологический и экономический. Что касается геополитического, то превращение Ближнего Востока в сферу жизненно важных интересов Турции требует политического и военного присутствия в регионах Персидского залива, Северной Африки и Африканского Рога. Этому, в частности, посвящена статья Мехмеда Канджы «Новая турецкая геостратегия от Дохи до Триполи: охранять территорию», опубликованная на сайте агентства Anadolu. В ней автор пишет о важнейшей, по его мнению, для Турции геополитической линии «Катар – Северный Кипр – Ливия –

Сомали». В этой связи он вспоминает завет Кемалья Ататюрка перед битвой при Сакарье в 1921 г.: «Здесь нет оборонительной линии, но есть целая территория, которую надо оборонять». Этой территорией, то есть зоной ответственности турецких военных, по мнению автора, является треугольник, верхний угол которого начинается южнее острова Крит, нижний входит в Индийский океан (турецкая военная база в Могадишо, Сомали), правый контролирует Ормузский пролив (турецкая военная база в Катаре). По словам эксперта, в середине декабря 2019 г. произошли два значительных события в сфере военного сотрудничества между государствами: во-первых, открытие казарм Халида ибн аль-Валида в Катаре для размещения турецких военнослужащих; во-вторых, приземление в аэропорту Гечиткале, расположенном на территории Турецкой Республики Северный Кипр (ТРСК), самолета-беспилотника «Байрактар ТВ2», вылетевшего из базы ВМС Турции в Даламане¹⁴⁶.

Что касается идеологического фактора, то здесь нельзя не упомянуть о совместной поддержке Анкарой и Дохой прав палестинского народа на самоопределение, движения «Братья-мусульмане» и протестных движений в арабском мире. При этом налицо было желание Турции и Катара возглавить эти движения на Ближнем Востоке в период политической турбулентности, начавшиеся в 2011 г. и получившие название «арабской весны». Турецкий журналист Таха Озхан отмечал по этому поводу в 2012 г. противоборство в Ближневосточном регионе двух систем: Кэмп-Дэвидского порядка и «Нового Ближнего Востока». Кэмп-Дэвидский порядок, архитектором которого были США, по мнению публициста, характеризовался тем, что США стремились быть посредником между арабскими странами и Израилем с явным предпочтением в пользу последнего, а арабские автократы и элиты находились как бы между Вашингтоном и собственными народами.

---

¹⁴⁶ *Kancı M.* Turkey's new geostrategy. From Doha to Tripoli defending an area. URL: <https://www.aa.com.tr/en/analysis/analysis-turkey-s-new-geostrategy-from-tripoli-to-doha-defending-an-area-/1682719> (дата обращения: 04.04.2021).

Турецкая политика, по мнению автора, помогает народам региона изменить этот порядок в пользу более справедливого мироустройства¹⁴⁷. Большую роль здесь играет и турецкая поддержка палестинского народа, вылившаяся в 2010 г. в конфликт с Израилем. Одновременно Турция, сочетающая приверженность исламским ценностям с демократическим устройством и свободными выборами, может являться моделью для государств Ближнего Востока. Об этом писал и американский ученый Грэхэм Фуллер. Он отмечал, что в начале XXI в. в Турции появилось вызывающее доверие лидерство. Речь идет не только о формальной легитимности, но и о способности выражать интересы, чаяния и характер Ближнего Востока. Все это до 2013–2014 гг. делало Турцию политической моделью для арабских народов Ближнего Востока¹⁴⁸.

Интересны причины, по которым Катар стал покровителем движения «Братья-мусульмане» на Ближнем Востоке. Дело в том, что активисты этого движения в свое время фактически создали систему управления и образования в эмирате. В 1930-е гг. в Катаре проживало 16–18 тыс. человек. К 1950 г. население эмирата увеличилось до 25 тыс. К началу 1950-х гг. в эмирате не было централизованного образования. Местные школы носили неформальный и локальный характер. Большинство катарцев занималось рыболовством и добычей жемчуга, жили эти люди довольно бедно. Медленный рост доходов населения начался только с 1953 г. после освоения нефтяных месторождений¹⁴⁹.

Ввиду нехватки собственных кадров правительство эмирата стало привлекать иностранцев, в основном египтян, сирийцев и палестинцев. При этом большинство из них были сторонниками идеологии «Братьев-

---

¹⁴⁷ *Özhan T.* The Arab Spring and Turkey. URL: <http://setav.org/public/HaberDetay.aspx?Dil=tr&hid=91030&q=the-arab-spring-and-turkey> (дата обращения: 04.04.2021).

¹⁴⁸ *Graham E.F.* Turkey and the Arab Spring. Leadership in the Middle East. N.Y.: Bozorg Press, 2014. P. 196.

¹⁴⁹ *Roberts D.* Qatar and the Muslim Brotherhood: Pragmatism or Preference? URL: <http://www.merc.org/qatar-and-muslim-brotherhood-pragmatism-or-preference> (дата обращения: 04.04.2021).

мусульман». В 1952 г. эмир Али бен Абдалла аль-Тани (1949–1960 гг.) поручил Джасему аль-Дарвишу создать систему школьного образования в стране. Дарвиш в 1954 г. назначил первым руководителем Департамента образования Катара Абдель Бади Сакра, египетского эмигранта, видного представителя «Братьев-мусульман» и соратника основателя этого движения Хасана аль-Банни¹⁵⁰. Сакр привлек к работе в Департаменте других «братьев», включая шейха Зухейра аль-Шавиша. Он наладил работу аппарата Департамента и добился введения в Катаре образования для девочек. К 1956 г. в начальных и средних школах Катара обучалось уже 1455 учеников¹⁵¹.

В 1957 г. Сакр был уволен наследником катарского престола шейхом Халифой бен Хамадом ат-Тани (эмир в 1972–1995 гг.). Шейх Халифа был сторонником светского мировоззрения и арабского национализма и поставил на это пост сирийца Абдаллу Абдель Даима, сторонника идеологии насеризма, будущего министра образования САР в 1960-е гг. Впрочем, Абдель Даим недолго пробыл на своем посту. Он был уволен по настоянию британского резидента (Катар в это время был колонией Великобритании). В органах образования Катара вновь стали доминировать «Братья-мусульмане». Они же создали в Катаре современную систему религиозного образования.

Директор отделения исламских наук Департамента образования Абдалла бен Турки аль-Субаи в 1960 г. посетил университет Аль-Азхар и пригласил в эмират известного исламского ученого Юсуфа аль-Кардауи, активиста «Братьев-мусульман», отбывавшего в свое время тюремное наказание вместе с Хасаном аль-Банной. Прибыв в Катар в 1961 г., аль-Кардауи возглавил шариатский факультет в Катарском университете, став автором всех исламских учебников в эмирате. Позже, в 1980–1990-е гг., Юсуф аль-Кардауи стал ведущим идеологом «Братьев-мусульман» в

---

¹⁵⁰ Ibid.

¹⁵¹ Ibid.

мировом масштабе и прославился своими фетвами¹⁵².

Турция и Катар совместно оказали значительное влияние на события так называемой «арабской весны», поддержав движение «Братьев-мусульман» в ходе протестных выступлений в регионе в надежде, что его представители завоюют власть в странах арабского мира. В 2012 г. в Египте в ходе парламентских выборов к власти пришла Партия справедливости и созидания (ПСС) во главе с Мухаммедом Мурси, фактически бывшая политическим крылом движения «Братья-мусульмане». В Египте их правительство было свергнуто в июле 2013 г. в ходе военного переворота, возглавляемого фельдмаршалом Абдель Фаттахом аль-Сисси. В Ливии в 2014 г. против сторонников «Братьев-мусульман», укрепившихся в Триполи, выступили представители племен и кланов Киренаики во главе с Халифой Хафтаром, поддержанные Египтом, Россией и ОАЭ. В Сирии правительство Башара Асада было поддержано частью сирийского народа и при содействии России и Ирана партии Баас удалось остаться у власти.

Основные направления турецко-катарского стратегического партнерства. Стратегическое партнерство между Турцией и Катаром развивается в нескольких аспектах: безопасность, экономика, средства массовой информации и коммуникации, координация действий в Сирии, Ливии и регионе Африканского Рога. Взаимодействие в сфере безопасности развивается в аспектах военного и военно-технического сотрудничества. Поддерживая добрососедские отношения с Ираном и не порывая стратегического партнерства с США, Катар с целью обезопасить свой суверенитет от возможных посягательств со стороны Эр-Рияда укрепляет военно-политический альянс с Турцией. Начиная с 2014 г., между двумя государствами растет военное сотрудничество. Оно обусловлено тем, что правящая семья Катара аль-Тани рассматривает Турцию в качестве гаранта своей безопасности в связи с нарастающим саудовско-катарским

---

¹⁵² Roberts D. Qatar and the Muslim Brotherhood: Pragmatism or Preference? URL: <http://www.merc.org/qatar-and-muslim-brotherhood-pragmatism-or-preference> (дата обращения: 04.04.2021).

противостоянием.

Важной вехой в развитии стратегического партнерства двух государств стало заключение в марте 2015 г. Соглашения о военном сотрудничестве между Турцией и Катаром. Согласно этому документу, стороны получили доступ к аэропортам, портам, военным базам друг друга и право разворачивать свои вооруженные силы на территории союзника. Они также договорились о проведении совместных военных учений, обмене разведывательной информацией, сотрудничестве в области военно-промышленного комплекса и проведении военных тренировок¹⁵³.

В декабре 2014 г. во время визита эмира Тамима бен Хамада в Турцию стороны договорились о создании Высшего стратегического комитета и заключили соглашения в области военно-технического сотрудничества, подготовки военного персонала и создании на территории Катара турецкой военной базы¹⁵⁴. Даная база стала первым опытом разворачивания турецкого военного контингента за рубежом на постоянной основе после образования Турецкой Республики. 11 июня 2017 г., через считанные дни после разворачивания саудовско-катарского кризиса, турецкий парламент ратифицировал закон о военной базе в Катаре и увеличил численность военного контингента со 150 до 3 тыс. человек¹⁵⁵. Некоторые эксперты полагают, что размещение турецкого военного контингента на территории Катара предотвратило в 2017 г. саудовское вторжение в эмират¹⁵⁶. Одновременно Турция на первом этапе блокады Катара, объявленного «аравийской четверкой», сыграла решающую роль в обеспечении

---

¹⁵³ *Al-Atiki S., Çalışkan E., Long C.* Turkey – GCC relations. Trends and outlook. Istanbul: UIP-ICP, 2016. P. 34.

¹⁵⁴ *Gurcan M.* Why Turkey and Qatar are becoming an item? URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2017/03/turkey-qatar-diversifying-its-interests-risks.html#ixzz4bTuLyEAU> (дата обращения: 08.01.2022).

¹⁵⁵ *Bora B.* Analysis: Why is Turkey deploying troops in Qatar? URL: <https://www.aljazeera.com/indepth/features/2017/06/analysis-turkey-deploying-troops-qatar-170607174911372.html> (дата обращения: 08.01.2022).

¹⁵⁶ *Atwan A.* لماذا قرّر الأمير تميم زيارة أنقرة فجأة واللقاء بالرئيس أردوغان؟ وما هي الرسائل التي يُريد إيصالها لخصومه الأربعة؟ من خلالها بمغادرة الدوحة لأول مرة منذ بدء الأزمة؟ [Atwan A. Почему эмир Катара Тамим совершил неожиданный визит в Турцию для встречи с Президентом Эрдоганом? (на араб. яз.) // Рай аль-йаум. 14.09.2017. URL: <http://www.raialyoum.com/?p=742838>, 14.09.2017 (дата обращения: 08.01.2022).

изолированного Катара продовольствием, укрепив его экономическую безопасность¹⁵⁷.

Военное сотрудничество Турции с Катаром, кульминацией которого стало учреждение в эмирате турецкой военной базы, с одной стороны, укрепило союзнические отношения между двумя государствами, однако, с другой стороны, подорвало доверие к Анкаре со стороны Эр-Рияда и Абу-Даби. Турецкое военное присутствие в зоне Персидского залива было воспринято руководством КСА и ОАЭ как проявление турецкого экспансионизма и угроза аравийским монархиям. Неслучайно одним из требований «арабской четверки» (Саудовская Аравия, ОАЭ, Бахрейн и Египет) при начале блокады Катара в 2017 г. стали вывод турецкой военной базы из эмирата и прекращение катарско-турецкого военного сотрудничества.

Другим важным направлением двустороннего взаимодействия является экономическое сотрудничество между Турцией и Катаром. Одним из важнейших аспектов катарско-турецкой оси является экономика. Прямые иностранные инвестиции Катара в Турцию, например, в период с 2005 по 2018 г., составили 16 млрд долл., что делает его 18-м по величине инвестором в стране¹⁵⁸. В то время как приток катарского капитала составляет менее 1% от общего объема совокупных прямых иностранных инвестиций Турции, стратегическое таргетирование финансов, сектор средств массовой информации и обороны делают Доху незаменимым партнером для турецкого правительства. Эти инвестиции также создали страховочную сеть для турецкого государства после появления неблагоприятной для Турции экономической конъюнктуры и потери экономических союзников.

Кроме того, поскольку Турция имеет высокий дефицит текущего счета, катарские транши в виде твердой иностранной валюты оказывают

---

¹⁵⁷ Turkey's Erdoğan arrives in Qatar on first post-coronavirus trip. URL: <https://www.aljazeera.com/news/2020/07/02/turkeys-erdogan-arrives-in-qatar-on-first-post-coronavirus-trip> (дата обращения: 08.01.2022).

¹⁵⁸ Habibi N. Turkey's economic relations with the Gulf states in the shadow of the 2017 Qatar crisis. URL: <https://brandeis.edu/meb132.pdf> (дата обращения: 08.01.2022).

значительную помощь для платежного баланса ее населения¹⁵⁹. Так, в августе 2018 г., когда Турция сильно пострадала от сильнейшего валютного кризиса за последние десятилетия, Катар обеспечил Анкаре экономический спасательный круг в размере 15 млрд долл. для поддержки курса турецкой лиры и помощи турецкой экономике. Этот пакет помощи включал в себя комплекс экономических проектов, валютные депозиты и инвестиции, а также 3-миллиардный валютный своп для укрепления лиры. В 2019 г. заместитель министра финансов Турции Осман Динчбаш сообщил, что часть из обещанных 15 млрд долл. уже была получена. В мае 2020 г. состоялась новая своп-сделка по размещению Катаром 10 млрд долл. в турецких банках¹⁶⁰.

Доха впервые проявила интерес к инвестированию в финансовый сектор Турции в 2012 г., когда Национальный банк Катара – крупнейший кредитор эмирата – сделал неудачную заявку на приобретение Denizbank. В 2013 г. Коммерческий банк Катара стал первым катарским банком, который вошел в турецкий банковский сектор после того, как он стал основным акционером Alternatifbank. В следующем году Исламский банк Катара стремился приобрести пакет акций турецкого исламского банка-кредитора Asya. Катарский национальный банк, в конечном счете, преуспел в покупке Finansbank, пятого по величине частного банка Турции по активам. Эта покупка была очень своевременной на тот период времени, так как иностранные инвесторы вывели около 1,5 млрд долл. в рамках продажи турецких акций и облигаций в период после досрочных выборов в ноябре 2013 г.¹⁶¹.

---

¹⁵⁹ Щегловин Ю.Б. О стратегическом сотрудничестве Турции и Катара и его влиянии на ситуацию на Ближнем Востоке и в Северной Африке // Сайт Института Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=65863> (дата обращения: 08.01.2022).

¹⁶⁰ Soylu R. Qatar pours 10 bln \$ Into ailing Turkish economy in currency swap deal. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/qatar-turkey-swap-deal-tripled-exemption-clearstream-banking-and-euroclear-bank> (дата обращения: 08.01.2022).

¹⁶¹ Another 7 billion \$ of Qatari investments to flow into Turkey. URL: <https://www.dailysabah.com/business/2019/12/03/another-7-billion-of-qatari-investments-to-flow-into-turkey> (дата обращения: 08.01.2022).

Что касается общего объема катарских инвестиций в Турцию, то в мае 2019 г. портфели катарских инвесторов составили 10,2 млрд лир (1,8 млрд долл. США). Этот показатель демонстрировал существенное сокращение по сравнению с 2018 г. (14,7 млрд лир, или 2,5 млрд долл., в декабре 2018 г.). Что касается прямых иностранных инвестиций, то за первое полугодие 2019 г. они составили всего 38 млн долл. из общего объема в 3,2 млрд долл. Из них 1,9 млн долл. приходилось на сектор недвижимости. Известные масштабные катарские инвестиции в турецкую экономику составляют 6 млрд долл., все они были осуществлены до 2018 г. Распределяются они примерно следующим образом: 2,9 млрд долл. вложены в турецкий Finansbank, 1,2 млрд долл. – в спутниковую сеть Digiturk, 405 млн долл. – в Boyner Holding (Beumen), 654 млн долл. – в коммерческий банк ABank, 470 млн долл. – в компанию птицеводческих комплексов Vanvit, 125 млн долл. – в компанию ВМС, занимающуюся производством бронетранспортеров¹⁶².

Значительное место в экономических отношениях двух государств занимает энергетическое сотрудничество. Турция полностью зависима от иностранных энергоносителей, и Доха в данном случае играет важную роль. В 2014 г. на фоне опасений насчет якобы излишней зависимости от поставок российского газа Анкара подписала сделку по импорту 1,2 млн т сжиженного природного газа (СПГ) из Катара¹⁶³. Ограниченные возможности Турции по хранению и регазификации СПГ в принципе такой вариант диверсификации поставок углеводородов в значительной степени лимитирует. Несмотря на это обстоятельство, энергетические связи продолжают расширяться. В течение 2016 г. в рамках поездки в Доху Президента Р.Т. Эрдогана были достигнуты договоренности о возможных инвестициях в проекты по строительству хранилищ СПГ в Турции совместно с Катаром. В феврале

---

¹⁶² Taştekin F. Turkey sees greater partnership with Qatar than is apparent. URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/12/turkey-gulf-qatar-gains-modest-despite-partnership-deals.html> (дата обращения: 08.01.2022).

¹⁶³ Dünya ve Türkiye Enerji ve Tabii Kaynaklar Görünümü Strateji Geliştirme Başkanlığı. URL: www.enerji.gov.tr/File/?path=ROOT%2f1%2fDocument%2fEnerji+Tabii+Kaynaklar+Gorunumu%2fSayi_12pdf (дата обращения: 08.01.2022).

2017 г. министр энергетики Катара Мухаммед Салех ас-Саада заявил, что Катар готов отправить турецкие корабли с запрашиваемым количеством СПГ по требованию Анкары без ограничений по количеству¹⁶⁴. В сентябре 2017 г. государственная компания Qatargas достигла соглашения с турецкой государственной компанией Botas о поставках 1,5 млн т СПГ в год в течение 3 лет. В сентябре следующего года Министерство торговли Турции объявило о сделке по всесторонней либерализации торговли товарами и услугами между Катаром и Турцией, тем самым стремясь обеспечить более дешевые поставки природного газа и продуктов переработки нефти¹⁶⁵.

Турция также стремится развивать свои возобновляемые источники энергии через партнерские отношения с Катаром. В марте 2016 г. компания Qatar Solar Technologies подписала соглашение о сотрудничестве с Турцией по развитию солнечной энергетики. Договор был подписан между турецкой энергетической компанией Bendis Enerji и группой «Фернас». Катарские фирмы также финансируют развитие альтернативной энергетики в Турции. В 2016 г. катарская группа QInvest объявила, что частично профинансирует приобретение турецкой частной акционерной компанией операционного управления 81-мегаВаттной гидроэлектростанции в Турции. QInvest выделила 30 млн долл. на ее приобретение¹⁶⁶.

Таким образом, к 2017 г. отношения между Турцией и Катаром достигли уровня стратегического партнерства. Этому способствовали, прежде всего, политический, геостратегический и идеологический факторы. Являясь богатым, но очень небольшим государством с незначительными вооруженными силами, Катар нуждался во внешнем защитнике, учитывая напряженную ситуацию в регионе Персидского залива. Одновременно Турция с помощью военного сотрудничества с Катаром получала военную базу в стратегически важном регионе. Идеологический фактор состоял в

---

¹⁶⁴ Ibid.

¹⁶⁵ Ibid.

¹⁶⁶ Щегловин Ю.Б. О стратегическом сотрудничестве Турции и Катара и его влиянии на ситуацию на Ближнем Востоке и в Северной Африке. URL: <http://www.iimes.ru/?p=65863> (дата обращения: 08.01.2022).

определенной близости политического самосознания элит обеих стран к доктрине «Братьев-мусульман».

Подводя итоги рассмотрению предпосылок для партнерства между Турцией и государствами региона Персидского залива, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, сближение Турции с государствами Персидского залива после прихода к власти ПСР в 2002 г. было обусловлено необходимостью диверсификации отношений турецкого государства, проведением многовекторной политики. Чем больше препятствий появлялось на пути европейской интеграции Турции, тем более привлекательным для турецкой политической элиты становилось ближневосточное направление. Одновременно актуальность сотрудничества с государствами арабского мира вообще и Персидского залива в частности повышалась в связи с дестабилизацией региона Ближнего Востока и наличием общих угроз безопасности для Турции и государств ССАГПЗ. Свою роль сыграла и более независимая политика турецкого государства, демонстрировавшего тенденцию отхода от односторонней прозападной ориентации.

Во-вторых, важным фактором в становлении партнерских отношений с ССАГПЗ явились увеличившиеся экономические потребности Турции. После проведения экономических реформ Тургута Озала в 1980-е гг. Турция нуждалась в новых рынках сбыта для своих товаров и услуг, в источниках инвестиций. Не всегда условия, предлагаемые Западом, могли ее удовлетворить.

В-третьих, со временем появилась неравномерность в отношениях Турции с аравийскими монархиями и предпочтения, отдаваемые Анкарой Катару. Как будет показано далее, со временем эти предпочтения приведут к кризису в отношениях Турции с некоторыми государствами ССАГПЗ.

В целом период 2002–2011 гг. можно охарактеризовать как начальный этап отношений Турции с арабскими государствами Персидского залива в период правления ПСР. Он характеризовался дружественными отношениями

Анкары со всеми государствами ССАГПЗ без четких предпочтений. На этом этапе главными драйверами турецкой политики в регионе были прагматизм и экономические интересы. Свои цели турецкая дипломатия предпочитала достигать с помощью «мягкой силы».

Глава 2. Отношения Турции с арабскими государствами Персидского залива в период «арабской весны» (2011–2016 гг.)

2.1. Турция и арабские монархии в сирийском кризисе

Одним из факторов, изменивших отношения Турции с рядом арабских монархий, стал сирийский кризис. Взаимодействие Анкары с южным соседом – Сирией – несколько раз драматически менялось на протяжении последнего 30-летия. В 1998 г. наблюдалось резкое ухудшение отношений между Турцией и САР. Соседние государства находились на пороге войны в связи с поддержкой Дамаском Рабочей партии Курдистана (РПК) во главе с Абдуллой Оджаланом. Президент Турции Сулейман Демирель угрожал военной интервенцией на территорию Сирии, если правительство САР не выдаст туркам Оджалана и других руководителей РПК¹⁶⁷.

К противоречиям по курдскому вопросу добавлялись территориальные споры за провинцию Хатай. Согласно договоренностям Сайкс-Пико 1916 г., эта территория вошла в состав подмандатной территории Франции, на которой была создана современная Сирия. В 1939 г. после проведения референдума и по договоренности с Парижем эта спорная территория стала принадлежать Турции в обмен на нейтралитет в ходе Второй мировой войны. Тем не менее до 1998 г. ни одно сирийское правительство не признавало принадлежность Искендеруна Турции¹⁶⁸.

Кризис удалось погасить после официального отказа Дамаска от поддержки РПК. Большую роль в нормализации отношений между Турцией и САР сыграл лидер Левой Демократической партии Исмаил Джем,

---

¹⁶⁷ *Philips C.* Into quagmire. Turkey's frustrated Syrian policy. London: Chatam House, 2012. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Middle%20East/1212bp_phillips.pdf (дата обращения: 25.05.2022).

¹⁶⁸ *Lindgren J.E.* Syria's «lost province». The Hatay question returns. URL: <https://carnegie-mec.org/diwan/54340> (дата обращения: 25.05.2022).

занимавший в 1998–2002 гг. пост министра иностранных дел Турецкой Республики. В результате в 1998 г. было подписано Соглашение в Адане, в котором стороны обязались поддерживать безопасность и территориальную целостность друг друга¹⁶⁹. Соглашение сняло территориальные претензии Дамаска на Искендерун.

Принятие турецким правительством в 2003 г. доктрины Давутоглу о «нулевых проблемах с соседями» привело к радикальному переосмыслению сирийского вектора внешней политики Анкары. Новое турецкое руководство взяло курс на сближение с САР и урегулирование имеющихся противоречий. Этому способствовали два фактора: во-первых, американская оккупация Ирака и рост курдского национализма в северных регионах этой страны вынуждали турецкое правительство взаимодействовать с Дамаском по стабилизации иракского кризиса; во-вторых, некоторые аналитические круги рассматривали Сирию в тот период как «южные ворота» Турции в арабский мир. С сирийской стороны стремление к сближению с Турцией было обусловлено, помимо прочего, международной изоляцией САР после убийства в 2005 г. в Бейруте ливанского премьер-министра Рафика Харири.

В 2004 г. Башар Асад стал первым Президентом Сирии, посетившим Турцию с официальным визитом. В том же году было подписано соглашение о свободной торговле между двумя государствами. В 2005 г. правительство Сирии частично отказалось от территориальных претензий на провинцию Хатай, «предоставив решение этого вопроса будущим поколениям»¹⁷⁰. В 2008 г. были подписаны соглашения о безвизовых поездках граждан двух государств и о разделе водных ресурсов р. Евфрат.

Кроме того, турецкое руководство во главе с Реджепом Тайипом Эрдоганом взяло на себя роль медиатора в международных конфликтах Сирии. В 2005–2008 гг. оно посредничало в сирийско-израильских

---

¹⁶⁹ The Adana Security Agreement signed by Syria and Turkey on 20.10.1998. A full English version with its secret indexes. URL: <https://www.syriatruth.info> (дата обращения: 25.05.2022).

¹⁷⁰ Lindgren J.E. Syria's «lost province». The Hatay question returns. URL: <https://carnegie-mec.org/diwan/54340> (дата обращения: 25.05.2022).

переговорах по проблеме Голанских высот. В 2009–2010 гг. отношения между Турцией и Израилем существенно ухудшились после словесной пикировки Р.Т. Эрдогана и Шимона Переса на Форуме в Давосе в январе 2009 г. и израильского нападения на турецкое гуманитарное судно «Мави мармара» в июле 2010 г. у берегов Газы. Турция стала поддерживать движение ХАМАС, что придало дополнительный импульс сотрудничеству с САР (тогдашний лидер ХАМАС Халед Мешааль проживал в Дамаске). Турецкое руководство склоняло своих союзников по НАТО прекратить антисирийские санкции. Президент Франции Николя Саркози в 2007 г. посетил Дамаск, где провел переговоры с Башаром Асадом¹⁷¹.

В то время интенсивно развивались турецко-сирийские экономические отношения. С 2004 по 2010 г. Анкарой и Дамаском было подписано около 50 соглашений по различным аспектам экономического сотрудничества. Товарооборот между Турцией и Сирией вырос с 730 млн долл. в 2000 г. до 2,5 млрд долл. в 2010 г. Стороны были намерены увеличить двусторонний товарооборот до 5 млрд долл. в 2012 г. Но этот результат не был достигнут по причине внезапно развившегося военно-политического кризиса в САР и охлаждения двусторонних турецко-сирийских отношений. В 2011 г. в Сирии начался внутривластный кризис, приведший к разрыву и сворачиванию торгово-экономических связей. В 2010 г. турецкие инвестиции в Сирии достигли миллиарда долларов¹⁷². В 2009 г. Турция и Сирия подписали меморандум об объединении газотранспортных систем обеих стран, что позволило бы Сирии в будущем получать природный газ из Ирана или Ирака через Турцию в размере 0,5–1 млрд м³ в течение 5 лет¹⁷³.

Последующие события в отношениях двух государств, характеризовавшиеся трендом – от стратегического партнерства к

---

¹⁷¹ *Philips C.* Into quagmire. Turkey's frustrated Syrian policy. London: Chatham House, 2012. P. 6. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Middle%20East/1212_bp_phillips.pdf (дата обращения: 25.05.2022).

¹⁷² *Волович А.А.* Турция и арабские революции 2011 года. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html (дата обращения: 25.05.2022).

¹⁷³ Там же.

враждебности, произошли в 2011–2012 гг. и были вызваны массовыми протестными выступлениями в САР и кристаллизацией антиасадовской оппозиции. На начальном этапе сирийского политического кризиса турецкое правительство пыталось воздействовать на руководство САР с целью побудить его начать реформы и включить умеренных исламистов в кабинет министров. Министр иностранных дел Турции Ахмет Давутоглу в апреле–августе 2011 г. несколько раз посетил Дамаск, где вел переговоры с Башаром Асадом с целью объявления им многопартийности и включения в состав временного правительства представителей движения «Братья-мусульмане»¹⁷⁴. В конце апреля 2011 г. Совет национальной безопасности Турции на совещании под председательством Президента страны А. Гюля в специальном заявлении призвал Сирию «немедленно осуществить реформы, направленные на обеспечение законных политических, социальных и экономических требований сирийского народа»¹⁷⁵. В заявлении также подтверждалась поддержка руководства Сирии в осуществлении реформ.

Однако в начале мая 2011 г. риторика Р. Т. Эрдогана относительно ситуации в Сирии существенно изменилась. Так, 2 мая 2011 г. он заявил, что «в Сирии не должны повториться инциденты, подобные массовым убийствам в Хаме. В этом плане необходимо быть внимательными. Мы передали властям Сирии наши взгляды в этом отношении. Считаю, что в случае повторения подобных ситуаций Сирии будет очень трудно справиться с последствиями, поскольку мировое сообщество выразит свое мнение по поводу этого вопроса»¹⁷⁶.

25 мая того же года в турецкой Анталье при участии А. Давутоглу была проведена конференция сирийской оппозиции «За изменения в Сирии»¹⁷⁷.

---

¹⁷⁴ *Philips C.* Into quagmire. Turkey's frustrated Syrian policy. London: Chatam House, 2012. P. 10. URL: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Middle%20East/1212bp_phillips.pdf (дата обращения: 25.05.2022).

¹⁷⁵ *Волович А.А.* Турция и арабские революции 2011 года. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html (дата обращения: 25.05.2022).

¹⁷⁶ Там же.

¹⁷⁷ *Philips C.* Into quagmire. Turkey's frustrated Syrian policy. London: Chatam House, 2012. P. 10.

Институционализация сирийской оппозиции в форме Сирийского Национального Совета состоялась 15 сентября 2011 г. в Стамбуле. Фактически турецкое руководство перешло на позицию поддержки антиасадовских сил. В чем же причина такого поворота курса? Дело в том, что уход Сирии с позиций ведущего политического игрока поражал сразу несколько целей: во-первых, снижал иранское влияние в арабском мире, так как именно Сирия является ведущим иранским союзником в регионе; во-вторых, предоставлял Турции статус основного партнера и гаранта палестинцев, которым прежде была Сирия; в-третьих, убирал сирийскую конкуренцию в Ираке, где турецкие правящие круги давно расширяли базу влияния; в-четвертых, придавал стимул сотрудничеству Анкары с Саудовской Аравией, которое могло принести ощутимую финансовую прибыль.

С начала октября 2011 г. отношения между двумя странами перешли в стадию «холодной войны». В середине октября турецкие вооруженные силы провели показательные военные маневры на сирийской границе – впервые после кризиса 1998 г. С осени 2011 г. турецкое руководство стало координировать свою деятельность против Сирии с аравийскими монархиями. Здесь большую роль сыграл общий интерес стран в смене политического режима в САР. В случае Саудовской Аравии это объяснялось ирано-саудовским геополитическим соперничеством и стремлением Эр-Рияда ослабить «ось сопротивления», вырвав из нее ключевого союзника ИРИ – Сирию. С конца 2011 г. турецко-сирийские отношения перешли в стадию конфронтации.

Что касается Катара, то его поддержка «сирийской революции» была обусловлена несколькими факторами: во-первых, обсуждением с США планов по приходу к власти в Дамаске своих ставленников из числа «Братьев-мусульман»; во-вторых, желанием защитить свои

геоэкономические интересы с помощью нового газопровода, который предполагалось провести из Катара к берегам Средиземного моря. Наиболее масштабным проектом по транспортировке энергоносителей должен был стать «суннитский газопровод», предназначенный для транзита природного газа из Катара к средиземноморскому побережью Сирии, откуда он должен был доставляться далее либо с подключением к проектируемому газопроводу «Набукко», либо танкерами после сжижения и превращения в СПГ. Данная ситуация привела к кратковременному сирийско-катарскому сближению в 2008–2010 гг., установлению хороших личных отношений между Президентом САР Башаром Асадом и эмиром Катара Хамадом аль-Тани и даже подписанию двустороннего договора о сотрудничестве в сфере обороны в 2010 г.¹⁷⁸.

Имеет смысл ввести периодизацию турецкой политики в отношении Сирии с начала военно-политического конфликта в этой стране.

Первый период (2011–2014 гг.) можно охарактеризовать как полную координацию действий Турции на сирийском направлении с государствами ССАГПЗ, прежде всего, с Катаром и Саудовской Аравией по смене режима в Сирии.

Второй период (2014–2016 гг.) отмечен проведением тандемом «Турция–Катар» собственного курса в Сирии, идущего вразрез с саудовской политикой. Такая стратегия Турции и Катара была обусловлена соперничеством с КСА за доминирование в Сирии. Турецкое правительство считало падение Президента Башара Асада вопросом времени и старалось привести к власти в Дамаске своих ставленников.

Третий период, начавшийся в 2016 г., характеризуется изменением турецких внешнеполитических задач. Целью турецкой внешней политики стало уже не свержение правительства Асада, а обеспечение безопасности южных рубежей страны и противодействие так называемым «Сирийским

---

¹⁷⁸ Escobar P. Syria's Pipelineistan war. URL: <http://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2012/08/201285133440424621.html> (дата обращения: 20.03.2021).

демократическим силам», являющимся филиалом Рабочей партии Курдистана (РПК). На пути обеспечения национальной безопасности турецким руководством был взят курс на взаимодействие с Россией и Ираном в решении сирийского кризиса. Этот курс выразился в трехстороннем механизме взаимодействия в рамках международного миротворческого процесса в Астане.

Расхождения с Саудовской Аравией выявились, прежде всего, в соперничестве за руководство сирийской антиасадовской оппозицией. На начальном этапе ее основными покровителями были Катар и Турция. В марте 2012 г. в Дохе при поддержке эмира Катара Хамада аль-Тани была создана Национальная коалиция оппозиционных и революционных сил (НКОРС), призванная стать объединяющим органом сирийской эмигрантской оппозиции. Ее официальным председателем стал представитель умеренного крыла движения «Братья-мусульмане» Ахмед Моазз аль-Хатыб. В мае 2012 г., уже после официального закрытия катарского посольства в САР, незадолго до парламентских выборов в Дамаске побывала с неофициальным визитом высокопоставленная катарская делегация. В ходе переговоров представители эмира аль-Тани предложили Башару Асаду сформировать коалиционное правительство с участием представителей движения «Братья-мусульмане», что позволило бы Дохе эффективно влиять на сирийскую политику. В обмен на это они предлагали прекращение поддержки эмигрантской оппозиции и восстановление отношений в полном объеме. После отказа сирийской стороны от подобных предложений значительно возросла поддержка Дохой оппозиционных вооруженных формирований, что привело к эскалации гражданской войны в Сирии¹⁷⁹.

После отречения эмира Катара Хамада бен Халифы 25 июня 2013 г. Саудовская Аравия перехватила контроль над мирной сирийской оппозицией. В июле 2013 г. председателем НКОРС стал просаудовский

---

¹⁷⁹ Escobar P. Why Qatar wants to invade Syria? URL: http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/NI28Ak03.html (дата обращения: 22.04.2022).

сирийский политик-оппозиционер Ахмед Джарба, представитель племени шаммар, родственного тогдашнему королю Саудовской Аравии Абдалле бин Абдель Азизу. В своем интервью общеарабской газете «Аль-Хаят» 13 августа 2013 г. А. Джарба недвусмысленно заявил о том, что сирийские революционеры сражаются с Ираном и его союзниками. Он, в частности, отметил: «Сейчас мы противостояим “Хизбалле”, а в прошлом противостояли армии режима, части которой часто переходили на нашу сторону. Ныне же мы сражаемся с армией, которой руководит Иран, с иранской Революционной гвардией, с “Хизбаллой”, с хуситами, и все они располагают современным оружием. Попирающему сирийскую землю иранскому воинству нужно противопоставить сильную, обученную и организованную армию, опирающуюся на четкое боевое планирование»¹⁸⁰.

Что касается поддержки вооруженной оппозиции, то здесь Саудовская Аравия, с одной стороны, турецко-катарский союз, с другой, также поддерживали различные группировки. Эти вооруженные группы входили в ситуационные альянсы друг с другом, но в то же время соперничали за контроль над определенными территориями и финансовыми потоками, а иногда и вступали в вооруженные столкновения. Как уже говорилось ранее, Турция сыграла большую роль в создании Сирийской Свободной Армии (ССА), ядро которой составили офицеры и рядовые, дезертировавшие из Сирийской Арабской Армии. ССА оказалась зонтичной структурой, объединявшей в своих рядах разобщенные вооруженные отряды с низкой дисциплиной и боевой подготовкой. В феврале 2014 г. в руководстве ССА произошли масштабные изменения, которые, однако, не повлияли на общую ситуацию. Собрание командиров ССА объявило 16 февраля 2014 г. о том, что руководитель этой группировки генерал Салим Идрис отстранен от командования. Согласно официальному заявлению, Идрис был отправлен в отставку за «паралич в

---

¹⁸⁰ Косач Г.Г. Сирийская оппозиция: Ахмед Джарба отвечает на вопросы «Аль-Хайят». URL: <http://www.iimes.ru/?p=18105> (дата обращения: 22.04.2022).

военном руководстве, наблюдавшийся в течение последних месяцев»¹⁸¹.

Дезинтеграция ССА получила особенно интенсивный характер в 2013 г. Из состава этой «светской» вооруженной группировки в первой половине 2013 г. выделились относительно самостоятельные формирования, которые стали брать под контроль отдельные участки сирийской территории. К ним относились, в частности, «Суккур аш-Шам» («Соколы Сирии») и «Ахрар аш-Шам» («Свободные люди Сирии»), действовавшие в провинции Идлиб¹⁸². Что касается группировки «Ахрар аш-Шам», то она характеризовалась идеологической близостью с «Братьями-мусульманами».

Спецслужбы Саудовской Аравии создали для борьбы с правительством Башара Асада другое военное объединение – «Джейш аль-ислам» («Армия ислама»)¹⁸³. Лидером группировки «Джейш аль-ислам» до декабря 2015 г. был Захран Аллюш (погиб в результате налета российских ВКС). Этот видный оппозиционный деятель родился в 1971 г. в Думе (пригород Дамаска). Он являлся сыном Абдаллы Аллюша, известного салафитского проповедника, с 2000 г. постоянно проживающего в Саудовской Аравии. З. Аллюш закончил богословский факультет Дамасского государственного университета (ДГУ), специализировался по шариатскому праву. С 1990-х гг. принимал активное участие в организации салафитских кружков. Одновременно занимался бизнесом (коммерческие грузоперевозки). В 2009 г. был арестован за антиправительственную деятельность, содержался в военной тюрьме Сейдня (под Дамаском). В июне 2011 г. был освобожден по амнистии и сразу же примкнул к вооруженной оппозиции¹⁸⁴.

Вскоре он создал вооруженную группировку «Лива аль-Ислам»

---

¹⁸¹ *Hanna E.* Syria: FSA appoints new leader as it moves south. URL: <http://english.al-akhbar.com/content/syria-fsa-appoints-new-leader-it-moves-south> (дата обращения: 22.04.2022).

¹⁸² *Rigoulet-Roze D.* La situation en Syrie. Deuxième partie: Qui constitue l'opposition syrienne, caractérisée par sa fragmentation? 23.04.2013. URL: <http://www.lesclesdumoyenorient.com/La-situation-en-Syrie-Deuxieme.html> (дата обращения: 22.04.2022).

¹⁸³ *Landis J.* Zahran Alloush. His Ideology and Beliefs. URL: <http://www.joshualandis.com/blog/zahran-alloush> (дата обращения: 22.04.2022).

¹⁸⁴ *Landis J.* Syria top five Insurgent leaders. URL: <http://www.joshualandis.com/blog/biggest-powerful-militia-leaders-syria> (дата обращения: 08.01.2022).

(«Бригада ислама»), взявшую на себя ответственность за резонансный теракт в Дамаске в июле 2012 г. В ходе взрыва в помещении Совета безопасности Сирии погибли несколько высших военных руководителей САР: министр обороны генерал Дауд Раджа; бывший министр обороны, советник Президента Асада по военным вопросам генерал Хасан Туркмани; руководитель военной разведки САР и шурин Б. Асада Асеф Шаукат; секретарь Совета безопасности Хишам Ихтияр¹⁸⁵.

В сентябре 2013 г. было объявлено о создании коалиции «Джейш аль-ислам» («Армия Ислама»), в которую вошли «Лива аль-Ислам», «Лива ат-Тавхид», «Суккур аш-Шам», Курдский Исламский Фронт и еще 40 более мелких группировок. Численный состав «Джейш аль-Ислам» на тот момент оценивался аналитиками в 50 тыс. штыков¹⁸⁶. Если «Ахрар аш-Шам» находилась под влиянием идеологии «Братьев-мусульман», то «Джейш аль-ислам» вдохновлялась идеологией ваххабизма и салафизма, бывшей в тот период государственной доктриной Саудовской Аравии. На первом этапе деятельности группировки ее флаг напоминал знамя «Аль-Каиды» (запрещена в РФ). В Интернете был распространен ролик с его проповедью, в которой он называл алавитов и шиитов не просто «рафидитами» (отступниками), а «магами» (маджус), т.е. огнепоклонниками, отказывая им тем самым в принадлежности к исламской вере. Он также призывал к их изгнанию из Сирии и возрождению халифата Омейядов¹⁸⁷.

Еще более мощной группировкой была «Джебхат ан-Нусра» (запрещена в РФ), включенная правительствами многих государств, в том числе США и Саудовской Аравии, в список террористических организаций. До 2018 г. ее лидер Абу Мухаммед аль-Джулани провозглашал верность «Аль-Каиде». «Джебхат ан-Нусра» имела сильные позиции в восточном

---

¹⁸⁵ Кузнецов А.А. О вооруженных группировках «Джейш аль-ислам» и «Ахрар аш-Шам» в Сирии. URL: <http://www.iimes.ru/?p=26304&print=1> (дата обращения: 08.01.2022).

¹⁸⁶ Landis J. Zahran Alloush. His Ideology and Beliefs. URL: <http://www.joshualandis.com/blog/zahran-alloush> (дата обращения: 08.01.2022).

¹⁸⁷ Ibid.

Алеппо и в провинции Идлиб. Официально правительство КСА открещивалось от нее, но российский исследователь Ю.Б. Щегловин убежден в том, что большую помощь этому экстремистскому движению оказывали саудовские спецслужбы¹⁸⁸.

Экспансия террористической организации «Исламское государство» (запрещена в РФ) и усиление в ответ на северо-востоке курдских вооруженных формирований создали качественно новую ситуацию в этой стране. С конца 2014 г. Соединенные Штаты начали оказывать интенсивную помощь вооруженным формированиям так называемых Сирийских Демократических Сил (СДС). Эта группировка сирийских курдов фактически является филиалом Рабочей партии Курдистана (РПК), которая ведет с 1984 г. вооруженную борьбу в восточных и юго-восточных вилайетах Турции и признана во многих странах мира террористической организацией.

Достаточно сказать, что руководителем Отрядов народной самообороны (ОНС) СДС является приемный сын лидера РПК Абдуллы Оджалана Мазлум Кобане. Американская помощь осуществлялась под предлогом борьбы СДС против террористов из «Исламского государства». Только в 2019 г. Пентагон затратил на поставки оружия и тренировки боевиков СДС 1,5 млрд долл.¹⁸⁹. Турецкое руководство особенно обеспокоено наличием у вооруженных формирований СДС американского тяжелого вооружения, часть которого попадает на территорию Турции к сепаратистам из РПК. На вооружении у курдских формирований YPG благодаря американским поставкам оказались системы залпового огня, 80- и 120-миллиметровые минометы, гранатометы МК-19, разведывательно-дозорные машины, противотанковые ракеты BGM-71 TOW¹⁹⁰. На слушаниях

---

¹⁸⁸ Щегловин Ю.Б. Что стоит за наступлением ИГИЛ в Ираке // Официальный сайт Института Ближнего Востока. 12.06.2014. URL: <http://www.iimes.ru/?p=21269> (дата обращения: 08.01.2022).

¹⁸⁹ Nafi B. How the US betrayed Turkey in Syria. URL: <http://www.middleeasteye.net/columns/turkey-us-alliance-not-what-it-used-be-1770769465> (дата обращения: 08.01.2022); Bhadrakumar M. US to raise Kurdish force in Syria ignoring Turkey's warnings. URL: www.indianpunchline.com//us-to-raise-kurdish-force-ignoring-turkey-warnings (дата обращения: 08.01.2022).

¹⁹⁰ Bhadrakumar M.K. US to rise Kurdish force in Syria ignoring Turkish warnings. URL:

в Конгрессе в феврале 2018 г. Пентагон запросил 1,4 млрд долл. на помощь сирийским курдам¹⁹¹.

Еще одним важным моментом изменения геополитической ситуации Сирии явилось вооруженное вмешательство России в сирийский конфликт в сентябре 2015 г. В ноябре 2015 г. боевики протурецкой оппозиции сбили в провинции Идлиб российский военный самолет, что чуть было не вызвало военно-политический конфликт между Турцией и Российской Федерацией. После зрелого размышления турецкое руководство решило, что лучше сотрудничать с Россией в решении международных кризисов, чем соперничать с ней.

В связи с этим изменились и стратегические приоритеты Анкары на сирийском направлении. Задача свержения Башара Асада и установления в Дамаске клиентского режима ушла в прошлое. Новыми целями в Сирии стали обеспечение безопасности южных турецких границ, нейтрализация СДС, недопущение прибытия на турецкую территорию новых беженцев (количество сирийских беженцев в Турции в 2019 г. достигло 2,7 млн человек)¹⁹².

Дополнительной проблемой для Анкары явилось то, что она не получила гарантий НАТО о вмешательстве на турецкой стороне в случае крупномасштабного конфликта с Россией. Пытаясь выбраться из сирийского тупика, турецкое руководство, отличающееся прагматизмом, предприняло некоторые шаги по расширению отношений с Ираном и Россией. 5 марта 2016 г. состоялся официальный визит в Иран премьер-министра Турции Ахмета Давутоглу. По возвращении в Анкару Давутоглу сделал заявление о том, что Турция и Иран достигли соглашения по решению сирийского кризиса. Он, в частности, отметил: «Мы не хотим, чтобы Сирия была разделена на маленькие государства, и достигли соглашения с иранским

<http://blogs.rediff.com/mkbhadrakumar> (дата обращения: 08.01.2022).

¹⁹¹ Ibid.

¹⁹² Refugees in Turkey. 2016. URL: <https://reporting.unhcr.org/turkey> (дата обращения: 20.03.2021).

руководством о том, что такая дезинтеграция не случится и Сирия будет продолжать свою жизнь как мощное государство»¹⁹³.

Главный редактор газеты «Рай аль-йаум» Абдельбари Атван так определил цели визита А. Давутоглу: «На двустороннем уровне повесткой дня обоих государств является усиление взаимного сотрудничества, а на региональном – урегулирование кризиса в Сирии»¹⁹⁴. Другой целью визита являлось урегулирование напряженности внутри указанной группы государств, у которых имелись свои интересы в Сирии.

Российский эксперт А.А. Кузнецов приводит реакцию иранской стороны на данный визит: «Газета “Tehran Times”, комментируя визит Давутоглу, в частности, писала: «Несмотря на то что главной темой визита должно было стать укрепление двусторонних экономических отношений, существуют по меньшей мере четыре сферы, которые требуют укрепления сотрудничества между двумя странами: сирийский кризис, российско-турецкие противоречия, отношения между Ираном и Саудовской Аравией и борьба против терроризма и экстремизма»¹⁹⁵. По мнению журналистов газеты, Турция продолжала иметь целью отстранение Б. Асада от руководства Сирией. В то же время различие подходов не исключало вероятностей третьего пути. По убеждению иранцев, «принимая во внимание наличие стратегического партнерства в отношениях между Ираном и Россией, Исламская Республика может стать эффективным посредником между Москвой и Анкарой. В то же время Турция может выполнить ту же роль для урегулирования напряженности в ирано-саудовских отношениях»¹⁹⁶.

Одним из мотивов турецкой дипломатии для сближения с Ираном в

---

¹⁹³ *Idiz S.* Davutoğlu attempts to get back to zero problems with Iran. URL: www.al-monitor.com/originals/2016/03/turkey-iran-davutoglu-attempt-at-fence-mending.html (дата обращения: 20.03.2021).

¹⁹⁴ *Atwan A.* Pragmatic Erdoğan in the mood for compromise. URL: <http://www.raialyoum.com/?p=466483> (дата обращения: 20.03.2021).

¹⁹⁵ *Кузнецов А.А.* О новых тенденциях в ирано-турецких отношениях. URL: <http://www.iimes.ru/?p=27851> (дата обращения: 20.03.2021).

¹⁹⁶ *Кузнецов А.А.* О новых тенденциях в ирано-турецких отношениях. URL: <http://www.iimes.ru/?p=27851> (дата обращения: 20.03.2021).

марте 2016 г. была неуверенность Анкары в поддержке аравийских монархий в случае, если турецкая сторона в одностороннем порядке осуществит интервенцию в Сирии. Это мнение было высказано Ахметом Давутоглу в интервью телекомпании «Аль-Джазира»¹⁹⁷.

12 июня 2016 г. турецкое правительство принесло официальные извинения Российской Федерации за сбитый самолет Су-24 и заявило о намерении нормализовать отношения с Россией. За 3 недели до этого, 22 мая, был отправлен в отставку с поста главы правительства Ахмет Давутоглу¹⁹⁸.

Вместе с тем настоящим моментом истины для турецкой ближневосточной политики стал неудавшийся путч в июле 2016 г. 15–16 июля 2016 г. часть турецких вооруженных сил предприняла попытку свержения Президента Эрдогана. При этом у турецкой правящей элиты остались сильные подозрения, что Запад и особенно Соединенные Штаты поддерживали заговорщиков. Официальная турецкая пропаганда связала путчистов с опальным проповедником Фетхуллахом Гюленом, проживающим в США. Турецкие ВВС, участвовавшие в путче, получали указания с базы ВВС «Инджирлик», являющейся одновременно базой НАТО. Иран и Россия уже в первые часы переворота заявили о поддержке законного правительства Турции. В то же время США, другие союзники по НАТО и Саудовская Аравия поздравили Эрдогана с победой над путчистами только 20 июля. В руководстве ПСР высказали предположение о том, что СВР Российской Федерации предупредила Президента Турции о готовящемся перевороте¹⁹⁹.

Нежелание Вашингтона прислушиваться к турецкой озабоченности привело к трехстороннему сотрудничеству России, Турции и Ирана по

---

¹⁹⁷ Davutoğlu on ISIL, Syrian refugees and Ankara bombing. URL: www.aljazeera.com/program/talk-to-al-jazeera/2016/2/23/Davutoglu-on-isisl-syrian-refugees-and-ankara-bombing (дата обращения: 20.03.2021).

¹⁹⁸ Эрдоган извинился перед Путиным за сбитый Су-24. URL: <https://tass.ru/politika/3407975?ysclid=ldyg5j2b5c21977508> (дата обращения: 20.03.2021).

¹⁹⁹ Taştekin F. Will failed coup push Erdoğan toward Iran, Russia? URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/07/turkey-coup-attempt-may-push-erdogan-iran-russia.html#ixzz4F2RIF0gE> (дата обращения: 20.03.2021).

разрешению сирийского кризиса. В августе–октябре 2016 г. турецкие вооруженные силы начали операцию на севере Сирии, заняв треугольник Аззас–Джараблус–аль-Баб для того, чтобы разъединить курдские вооруженные формирования к западу и к востоку от Евфрата. Данная операция проводилась при молчаливом согласии России. В обмен на создание турецкой зоны безопасности в данном районе Анкара в декабре 2016 г. содействовала выводу джихадистов из Восточного Алеппо в Идлиб и восстановлению контроля сирийским правительством над этим важным городом²⁰⁰. С января 2017 г. Россия, Турция и Иран являются гарантами мирных переговоров в Астане между правительством САР и оппозицией. При этом турецкая сторона немало содействовала в установлении зон деэскалации в Сирии.

Необходимо отметить, что в ходе сирийского кризиса выявилось нежелание Турции вовлекаться в антииранскую коалицию, создаваемую тогда Эр-Риядом. Одной из причин сближения аравийских монархий с Турецкой Республикой было стремление Саудовской Аравии использовать ее в качестве регионального противовеса Ирану. Эр-Рияд в 2015 г. сделал попытку создания антииранской коалиции из числа суннитских государств Ближнего Востока, которую политологи условно окрестили «ближневосточным НАТО». В связи с этим планировалось организовать совместные силы быстрого реагирования под эгидой Лиги Арабских Государств (ЛАГ) для противодействия как международному терроризму (ИГ, «Аль-Каида»), так и Ирану. Российский политолог Ю.Б. Щегловин писал по этому поводу следующее: «Заметим, что проекты по созданию некоего аналога “ближневосточного НАТО”, который по своим размерам должен, по исходному замыслу, значительно превосходить силы быстрого развертывания Североатлантического альянса, натолкнулось на массу

---

²⁰⁰ عبد البارى عطوان. تركيا وإيران تقتربان من حل سياسي للزمّة السورية برعاية روسية // صحيفة // رأي اليوم. 21.08.2016. [Атван А. Турция и Иран сближаются на почве решения сирийского кризиса под эгидой России (на араб. яз.) // Рай аль-йаум. 21.08.2016]. URL: <https://www.raiayoum.com> [-تركيا-وايران-تقتربان-من-حل-] [سياسي-للزام (дата обращения: 20.03.2021)].

проблем. Это несколько сбило первоначальный победный настрой в Эр-Рияде, что, собственно, было, по большому счету, предсказуемо. В конце апреля 2015 г. члены ЛАГ должны были на встрече в Каире окончательно определить все контуры и технические аспекты будущего альянса, но этого не произошло»²⁰¹.

Некоторые заявления турецкого руководства в 2014–2015 гг. можно было интерпретировать как политическую поддержку КСА в противостоянии с Ираном. 14 октября 2014 г. Р.Т. Эрдоган заявил, имея в виду верховного лидера ИРИ великого аятоллу Али Хаменеи: «Что это за религиозный лидер, который заявляет, что Башар Асад является единственным политиком, бросающим вызов Израилю? Асад не выпустил ни одной пули по Израилю. В то же время он убил 250 тыс. своих соотечественников, а вы продолжаете снабжать его оружием»²⁰². В декабре 2015 г. в ходе официального визита в КСА он поддержал военную операцию «Буря решимости», развернутую КСА и ОАЭ в Йемене. Он призвал Иран «убрать террористов-хуситов и свою агентуру из Йемена, равно как из Сирии и Ирака». По его мнению, «Иран действительно борется с “Исламским государством” на Ближнем Востоке, но только чтобы занять его место»²⁰³. Однако дальше риторики дело не пошло. Турецкое руководство не пошло на противостояние с ИРИ по сирийскому вопросу, а, наоборот, стало сотрудничать с Москвой и Тегераном в разрешении сирийского кризиса.

Изменения турецкого внешнеполитического курса на сирийском направлении отрицательно сказались на отношениях Турецкой Республики с монархиями Персидского залива, прежде всего, с Саудовской Аравией. В Эр-Рияде болезненно отнеслись к тому, что КСА не было приглашено к участию

---

²⁰¹ Щегловин Ю.Б. План Саудовской Аравии создать ближневосточный аналог НАТО терпит неудачу. URL: <http://www.iimes.ru/?p=24418> (дата обращения: 20.03.2021).

²⁰² *Hinnebusch R.* Back to enmity. Turkey-Syria relations since the Syrian Uprising // *Orient*. 2015. № 1. P. 14–23.

²⁰³ Rouhani meets Erdoğan as regional conflicts strain Iranian Turkish ties. URL: <https://www.theguardian.com/world/2015/apr/07/rouhani-meets-erdogan-as-regional-conflicts-strain-iranian-turkish-ties> (дата обращения: 20.03.2021).

в Астанинском форуме, а турецкое правительство начало широкое сотрудничество с главным геополитическим соперником королевства – Ираном, а также с Россией. Несмотря на то что сама Саудовская Аравия, занятая конфликтом в Йемене, стала уделять гораздо меньше внимания сирийскому направлению, а с осени 2016 г. в разы сократила поддержку антиасадовской оппозиции, активная роль Анкары в разрешении сирийского кризиса, идущая вразрез с саудовскими планами, стала причиной охлаждения в турецко-саудовских отношениях. Напротив, стратегическое партнерство Турции с Катаром укреплялось, так как Доха все больше рассматривала Турецкую Республику в качестве гаранта своей безопасности.

Подводя итоги внешнеполитической деятельности турецкого руководства в сирийском конфликте, можно отметить ряд моментов.

Во-первых, активная поддержка вооруженной сирийской оппозиции и стремление свергнуть правительство Башара Асада не оправдали себя. Несмотря на достигнутые предварительные договоренности, Турция не получила ожидаемой военно-политической поддержки от США и Саудовской Аравии.

Во-вторых, в ходе гражданской войны в Сирии Турция (в альянсе с Катаром) и Саудовская Аравия поддерживали различные движения и группировки. При этом Турция склонялась к поддержке групп, связанных с «братьями-мусульманами», а Саудовская Аравия – к поддержке салафитских группировок.

В-третьих, когда на северо-востоке Сирии стало набирать силу курдское сепаратистское движение, Анкара проявила свой прагматизм: защита национальных интересов была поставлена тогда выше исламской солидарности, и турецкое руководство приступило к конструктивному сотрудничеству с Россией и Ираном в деле разрешения сирийского кризиса.

Все это привело к эрозии доверия в отношениях между Турцией и КСА. Авторы доклада РИСИ «Турция и арабский мир: проблемы

взаимодействия» во главе с П.В. Фитиным отмечают: «Лакмусовой бумажкой принципиальных разногласий Анкары и Эр-Рияда в регионе стал сирийский конфликт. Лишь на начальном этапе войны Турция и КСА проявили взаимопонимание. Однако затем позиции сторон в сирийской войне стали все сильнее расходиться из-за поддержки каждой из них разных вовлеченных в конфликт группировок. Саудовцы стремились установить в Дамаске подконтрольный им суннитский режим, который мог бы стать форпостом противодействия не только шиизму в иранском исполнении, но и амбициям Анкары»²⁰⁴.

Начиная с 2016 г., Анкара сосредоточилась на задаче по обеспечению своей национальной безопасности на южном направлении и борьбе с курдскими националистами из СДС. При этом турецкое правительство не рассчитывало на помощь со стороны аравийских монархий в сирийском кризисе и начало сотрудничать на сирийском направлении с Россией и Ираном.

Учитывая то обстоятельство, что Иран считался главным антагонистом Саудовской Аравии на Ближнем Востоке, такой поворот турецкой политики стал одним из факторов охлаждения отношений между Анкарой и Эр-Риядом.

2.2. Ливийский фактор в отношениях Турции с государствами ССАГПЗ (Катаром, ОАЭ, Саудовской Аравией)

Период региональной политической турбулентности, получивший название «арабской весны», в полной мере затронул и Северную Африку. Результатом этих событий стало политическое соперничество между Турцией, с одной стороны, и Саудовской Аравией вместе с ОАЭ, с другой.

---

²⁰⁴ Турция и арабский мир: проблемы взаимодействия // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 6 (57). С. 20.

Как и в случае с Сирией, Турция до событий 2011 г. активно развивала торгово-экономические отношения с Ливией и Египтом. Российский исследователь А.А. Волович пишет: «Турецкие строительные компании по состоянию на 2011 г. были задействованы в реализации нескольких тысяч проектов общей стоимостью 190 млрд долл. в 80 странах мира, в число которых входят почти все арабские страны. Например, в Египте в 2010 г. функционировали 295 турецких компаний, в которых работало около 50 тыс. египетских граждан. За период с 2007 по 2010 г. турецкие инвестиции в Египте увеличились в 20 раз, составив около 1,5 млрд долл. Турция имела масштабное экономическое сотрудничество с Ливией. До кризиса в стране работали десятки тысяч турецких строителей, турецкие компании имели миллиардные инвестиции в Ливии. Турецкие строители принимали участие в реализации 214 проектов стоимостью 15 млрд долл. Объем торгового оборота между Турцией и Ливией в 2010 г. составил 2,4 млрд долл.»²⁰⁵. Особенно привлекательным для турецкого бизнеса было сотрудничество с Ливией, богатой нефтедобывающей страной, отличавшейся в последние годы правления Муаммара Каддафи политической стабильностью и вышедшей из-под международных санкций.

Помимо экономического фактора в турецко-ливийских отношениях присутствовал и фактор этнической солидарности, так как несколько племен Ливии имеют османское происхождение. Ливийское общество имеет племенной характер. В Ливии проживают 140 племен, 30 из которых играют важную роль в политической жизни страны. Племена этого государства ливийский эксперт Мухаммед бен Ламма условно подразделяет на несколько больших групп. Это, во-первых, племенной союз Эль-Мурабита, потомки Джунд аль-Фатах, первых арабов, совершивших завоевание и исламизацию Ливии в VII–VIII вв. н.э. Во-вторых, это племенной союз Эль-Ашраф,

---

²⁰⁵ *Волович А.А.* Турция и арабские революции 2011 года. URL: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html (дата обращения: 20.03.2021).

представленный на востоке Ливии. Его члены считают себя потомками основателя государства Идрисидов в Марокко Идриса аль-Акбара. В-третьих, это племена федерации Бану Хилаль, потомки бедуинов, вторгшихся на ливийскую территорию в XI в. с территории халифата Фатимидов (так называемое второе арабское завоевание Северной Африки). Они представлены на западе и на востоке Ливии. В-четвертых, это племена Карагла (или Кульюглу), потомки османских завоевателей (к ним относится, в частности, клан Мисурата). В-пятых, это Либу, потомки автохтонного берберского населения. В-шестых, это Бану Феццан, представители неарабских этносов юга Ливии, туарегов и тубу²⁰⁶.

Правительство Муаммара Каддафи долгое время уделяло большое внимание взаимоотношениям с племенами и поддержке межплеменного баланса во власти. Однако ядро поддержки Джамахирии составляли племена Варфалла, Мегариха и Каддафа. Племя Варфалла долгое время доминировало в ливийской армии. Однако после чисток в вооруженных силах, проведенных Каддафи в 1990-е гг., это племя оказалось оттесненным от власти. Результатом стал его переход на сторону повстанцев в 2011 г.

Значительную роль в начале антикаддафистского восстания в 2011 г. сыграло недовольство племен Киренаики, основного нефтедобывающего района страны, несправедливым, по их мнению, распределением доходов от продажи добываемых энергоресурсов. В результате восточные племена Авакир, Убейдат и Зувайя составили ядро ополчения повстанцев на начальном этапе. На этапе свержения Каддафи племена востока сотрудничали с кланом Мисурата, но позже их пути разошлись²⁰⁷.

По мнению российского востоковеда Ф.И. Ласкариса, племена Карагла

---

²⁰⁶ *Ben Lamma M.* La structure tribale dans Libye: facteur de fragmentation ou de cohesion? Paris: Observatoire du monde arabo-musulman et de Sahel, 2017. URL: www.frstrategie.org/web/documents/programmes/observatoire-du-monde-arabo-musulman-et-du-sahel/publications/14.pdf (дата обращения: 20.03.2021).

²⁰⁷ *Ben Lamma M.* La structure tribale dans Libye: facteur de fragmentation ou de cohesion? Paris: Observatoire du monde arabo-musulman et de Sahel, 2017. URL: www.frstrategie.org/web/documents/programmes/observatoire-du-monde-arabo-musulman-et-du-sahel/publications/14.pdf (дата обращения: 20.03.2021).

османского происхождения сыграли большую роль в становлении ливийского общества. Исследователь пишет: «Карагла возникли в результате смешения османских солдат с местными ливийцами, в основном берберами и арабами, с тем, чтобы впоследствии доминировать в делах государства и его подданных. Когда османы высадились на берегах Ливии в 1551 г., среди них были осужденные и различного рода правонарушители, которые искали жизни, отличной от прежней, полной вины и стыда, и ливийская кампания представляла для многих из них возможность начать все заново. К османам присоединилось много ливийцев из различных племен во главе с выходцами из Бану Сулейм и Аль-Джавари из Триполитании. Командиром той армии был Синан-паша, янычар и блестящий полководец албанского происхождения»²⁰⁸. Далее ученый отмечает: «После успешного захвата Триполи османы стали в нем новыми хозяевами. Триполииты тепло их приняли, присягнули на верность и признали огромную услугу, которую пришельцы оказали их стране. Этот прием, который ливийцы оказали османам, был искренним, из чувства благодарности. Кроме того, на ливийцев произвел большое впечатление энтузиазм новообращенных мусульман и неарабов в защите ислама»²⁰⁹. В состав новоприбывших османов входили не только этнические турки, но и принявшие ислам греки, славяне, албанцы, грузины, черкесы, итальянцы.

Целесообразно в этой связи указать на нескольких выдающихся деятелей Ливии времен позднего Средневековья и Нового времени.

Мурад Ага был первым «вали», правителем в Триполи с тех пор, как Ливия попала в лоно Османской империи. Его правление длилось с 1551 по 1556 г. Он был итальянцем по происхождению, уроженцем Рагузы, на юге Италии. Даргут-паша (1556–1565 гг.) происходил из Ментеши на западном побережье Турции, который, в подавляющем большинстве, был населен

---

²⁰⁸ Ласкарис Ф.И. Ливия: становление ливийского общества, племенная и религиозная составляющие. Ч. 7. URL: <http://www.iimes.ru/?p=72388> (дата обращения: 20.03.2021).

²⁰⁹ Там же.

греками. Улудж Али-паша (1565–1568 гг.) был родом из Калабрии на юге Италии. Считалось, что Якфар-паша (1581–1582 гг.) был уроженцем Кавказа, но доподлинно не известно, был он русским, черкесом или кем-то другим по национальности. Мухаммед ас-Сагизли (Джованни Софиети) (1633–1649 гг.) – моряк итальянского происхождения из Сагиса на острове Хиос, прибыл в Триполи на корабле, затем отправился в Алжир, где принял ислам и взял имя Мухаммед. Он был первым османским триполитанским правителем, чеканившим провинциальную валюту из серебра, называвшуюся «кармил». Во время его правления власть османов достигла Киренаики, когда силы М. ас-Сагизли расширили свой контроль до города-порта Бенгази в 1638 г. Кутман ас-Сагизли (1647–1672 гг.) был греческим рабом, затем принял ислам и был освобожден незадолго до кампании на Киренаике; стал первым командиром, вербовавшим в свое войско местных арабов из племен Сулейм, Джавари и Махмальд наряду с янычарами. Пали Шаос Дей (1672–1675 гг.) – выходец с Балкан, его имя указывает на возможное албанское происхождение. Аль-Хаджабдаллах Дей (1684–1687 гг.) был, скорее всего, греком из Измира. Мухаммед-паша аль-Имам (1687–1701 гг.) был имамом одной из мечети в Триполи; существует версия его происхождения из Черногории. Али Бургил аль-Джизаири (Aljaza'iri, что буквально означает алжирец; 1793–1795 гг.) был грузинским наемником с Кавказа, обманом захватившим Триполи²¹⁰.

Результатом господства турок и тюркизированных европейцев стало появление на территории современной Ливии вассального османского государства Караманлы (1711–1835 гг.). По данным 1969 г., 5% населения Ливии продолжали считать себя Карагла, потомками османов, смешавшихся с местными арабами и берберами. Идентичность этой общины оказалась под угрозой после революции Муаммара Каддафи 1969 г. Новое руководство Ливии вдохновлялось идеологией арабского национализма и панарабизма и

---

²¹⁰ Ласкарис Ф.И. Ливия: становление ливийского общества, племенная и религиозная составляющие. Ч. 7. URL: <http://www.iimes.ru/?p=72388> (дата обращения: 20.03.2021).

подавляло культурную автономию неарабских этносов – карагла, берберов, туарегов, тубу²¹¹.

Тем не менее в 2011 г. Турция, имевшая хорошие политические отношения с Каддафи и значительные экономические интересы в Ливии, вначале не поддержала военно-воздушные удары и интервенцию НАТО в этой стране. Анкара официально отказалась участвовать в «гуманитарной интервенции», хотя и не выступила против нее при голосовании в ООН²¹². Однако после свержения режима Каддафи в сентябре 2011 г. турецкое руководство стало выстраивать отношения с новыми политическими силами, пришедшими к власти в этой североафриканской стране. При этом турецко-катарский тандем отдал предпочтение движению «Братья-мусульмане» и клану Мисурата, сыгравшим значительную роль в свержении Джамахирии. Одновременно турецкое правительство приветствовало приход к власти в Египте в результате парламентских выборов (май–июнь 2012 г.) Партии свободы и справедливости (ПСС), сформированной на основе движения «Братья-мусульмане». Здесь Турция действовала заодно со своим главным стратегическим партнером – Катаром. Победа ПСС на парламентских выборах в АРЕ в июне 2012 г. и избрание Президентом страны одного из лидеров этой партии – Мухаммеда Мурси – стала большим политическим выигрышем Катара. За год нахождения у власти «Братьев-мусульман» Доха потратила на помощь Египту около 16 млрд долл.²¹³.

Турецкое руководство восприняло победу «Братьев-мусульман» в Египте, Ливии и Тунисе как свое достижение. В Анкаре надеялись на то, что североафриканские государства считают Турцию образцом для своего политического развития. Это, в свою очередь, порождало стремление

---

²¹¹ *Carceles R.* L'enlissement du conflit libyen et le role croissant de la Turquie. URL: <https://www.lesclesdumoyenorient.com/L-enlissement-du-conflit-libyen-et-le-role-croissant-de-la-Turquie-1-2.html> (дата обращения: 04.04.2021).

²¹² *Al-Atiki S., Çalışkan E., Long C.* Turkey – GCC relations. Trends and outlook. Istanbul: UIP-ICP, 2016. P. 26.

²¹³ *Roberts D.* Qatar and Muslim Brotherhood: Pragmatism or Preference? URL: <http://www.merc.org/qatar-and-muslim-brotherhood-pragmatism-or-preference> (дата обращения: 04.04.2021).

распространить в регионе Северной Африки свое политическое и экономическое влияние. Авторитет, нарабатанный Анкарой у исламистов Северной Африки после поддержки ПСС, был закреплен в ходе визита Реджепа Тайипа Эрдогана в страны этого региона в сентябре 2011 г. Эрдоган посетил Каир, Тунис и Триполи, пообещав политическую и финансовую поддержку новым исламистским элитам, приходящим к власти в этих странах. Поддержка «арабской весны» в выступлениях Эрдогана сочеталась с жесткими антиизраильскими выпадами. В частности, было отмечено, что дальнейшие нападения на корабли, поставляющие гуманитарную помощь Газе, будут расценены как объявление войны. В то же время турецкий министр иностранных дел Ахмет Давутоглу по-арабски обращался на митингах к арабам, приветствовавшим турецкую делегацию. В это время у турецкого руководства, по-видимому, возникло желание не только воспользоваться революционными процессами на Ближнем Востоке, но и возглавить их²¹⁴.

По мнению автора, политическое пробуждение Арабского Востока открывало новые возможности для Турции. Народные протесты, приведшие к свержению авторитарных режимов в Тунисе, Ливии и Египте в 2011 г., были возглавлены умеренными исламистами, связанными с движением «Братьев-мусульман». В качестве ролевой модели лидеры этих движений избрали Турцию, достигшую в период правления исламистской партии ПСР определенных экономических и политических успехов. Российский независимый эксперт А.Ю. Носков отмечает: «В качестве одной из немногих альтернатив свергнутым диктатурам воспринималась турецкая модель. В-первых, за десятилетие нахождения у власти Партия справедливости, зачастую воспринимаемая как родственная движению “Братья-мусульмане” по своей идеологии, сумела доказать, что политический ислам может вполне мирно существовать с принципами демократии, что признавалось даже в

---

²¹⁴ *Carceles R.* L'enlèvement du conflit libyen et le rôle croissant de la Turquie. URL: <https://www.lesclesdumoyenorient.com/L-enlèvement-du-conflit-libyen-et-le-rôle-croissant-de-la-Turquie-1-2.html> (дата обращения: 04.04.2021).

Европе. Во-вторых, был очевиден и экономический успех Турецкой Республики в виде уверенного роста ряда показателей»²¹⁵.

В задачи данной работы не входит изучение причин провала исламистской модернизации в странах Арабского Востока по турецкому образцу. Однако сами попытки Турции повлиять на политические процессы в государствах Северной Африки и поддержать движение «Братья-мусульмане» вызвали негативную реакцию со стороны Саудовской Аравии и ОАЭ. Эти аравийские монархии восприняли данное движение как угрозу своим внутривнутриполитическим (возможные антимонархические выступления) и геополитическим интересам.

Ливия стала новым театром геополитического соперничества между Турцией и ОАЭ. В 2014 г. произошел фактический раскол этой североафриканской страны. Исламисты, укрепившиеся в старом парламенте страны (Народном Конгрессе), не захотели сдавать свои позиции после выборов 2014 г. и взяли под контроль Триполитанию. Между тем в Киренаике укрепился вновь избранный парламент (Палата представителей). Его позиции усилились после возвращения в Ливию Халифы Хафтара, создавшего боеспособные вооруженные формирования – Ливийскую национальную Армию (ЛНА). Халифа Хафтар был одним из соратников Муаммара Каддафи по революции 1969 г., занимал высшие военные посты в Ливийской Джамахирии. В 1981–1987 гг. он командовал ливийским военным контингентом в Чаде. Однако в 1987 г. сдался французским военным. После этого Х. Хафтар поселился в США, где начал сотрудничество с Центральным разведывательным управлением (ЦРУ)²¹⁶.

В ноябре 2015 г. в марокканском г. Схират были подписаны соглашения о прекращении огня между враждующими сторонами и создании

---

²¹⁵ Носков А.Ю. Братский союз Анкары и Дохи. URL: https://nvo.ng.ru/realty/2017_07_07/6-955-turkey.html (дата обращения: 04.04.2021).

²¹⁶ Семенов К. Можно ли доверять Хафтару? Предательства «профессионального мятежника». URL: <https://www.trrussian.com/mnenie/mozhno-li-doveryat-haftaru-predatelstva-professionalnogo-myatezhnika-2849828> (дата обращения: 04.04.2021).

Правительства национального согласия (ПНС) во главе с Фаизом Сараджем, которое должно было к концу 2017 г. обеспечить проведение парламентских и президентских выборов. Однако на практике эти договоренности не были соблюдены. Представители Киренаики вскоре покинули заседания ПНС, и вражда между регионами Ливии только усугубилась.

Палата представителей в Тобруке и ее военное крыло (ЛНА) сразу же получили поддержку со стороны Египта, ОАЭ и Франции²¹⁷. С 2017 г. Россия также начала оказывать помощь Халифе Хафтару. Причиной помощи ему также и со стороны ОАЭ стало враждебное отношение этой богатейшей аравийской монархии к движению «Братья-мусульмане». В Абу-Даби сильно опасались, что после победы в Ливии и Египте это международное движение постарается свергнуть монархические режимы в государствах Аравийского полуострова, поставив под сомнение их легитимность. Египет поддержал фельдмаршала Хафтара из соображений национальной безопасности. Для египетского руководства было бы крайне нежелательно, чтобы исламисты пришли к власти в Ливии и превратили эту страну в площадку для враждебных действий против АРЕ.

В то же время противники Хафтара на западе Ливии стали пользоваться содействием со стороны Турции и Катара. При этом фаворитами Анкары стали такие политические деятели, как премьер-министр Правительства национального согласия (ПНС) Фаиз Сарадж, министр внутренних дел ПНС, авторитетный представитель клана Мисурата Фатхи Бачага и один из руководителей движения «Братья-мусульмане», бывший спикер ливийского парламента Халед аль-Мишри²¹⁸.

Помимо идеологической близости и поддержки тюркского клана Карагла в Ливии помочь властям в Триполи Анкару заставляли и

---

²¹⁷ *Cockburn P.* Libya in crisis: Rival militias position themselves for civil war as country disintegrates. URL: <http://www.independent.co.uk/news/world/africa/libya-in-crisis-rival-militias-position-themselves-for-civil-war-as-country-teeters-on-brink-9399311.html> (дата обращения: 04.04.2021).

²¹⁸ *Быстров А.А.* О развитии военной и политической ситуации в Ливии. URL: <http://www.imes.ru/?p=52380> (дата обращения: 04.04.2021).

экономические причины. Турецкое руководство рассчитывало на то, что ПНС поддержит Анкару в вопросах добычи природного газа в Восточном Средиземноморье.

Политический кризис в этом регионе связан с обнаружением месторождений природного газа у побережья Кипра. Позиция Турции состоит в том, что природные богатства Кипра принадлежат в равной степени греческой и турецкой общинам. В связи с этим Анкара готова помочь туркам-киприотам в разработке шельфовых месторождений природного газа и нефти, пока их не опередило правительство греческой части острова. Правительство Кипра уже заключило контракт с консорциумом в составе англо-голландской компании Royal Dutch Shell, американской компании Noble Energy и израильской компании Delek о разработке месторождения «Афродита» с общими запасами газа в 4,1 трн куб. футов газа. Что касается месторождения «Глафкос», то заявку на его разработку дал консорциум в составе Exxon Mobil, итальянской компании Eni и Qatar Petroleum²¹⁹. Руководство греческого Кипра в лице Президента Никоса Анастасиадиса не отрицает права турок-киприотов в получении своей доли от эксплуатации энергоносителей, но при этом заявляет, что решение данного вопроса будет заморожено до объединения острова. В то же время Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган настаивает на том, чтобы турки-киприоты получили свою долю от газовых доходов немедленно. 28 июня 2019 г. он заявил: «Наши турецкие соотечественники в северной части Кипра, согласно международному праву, также имеют права на природные ресурсы региона, будь то нефть или что-либо другое... Мы не позволим, чтобы эти права были узурпированы теми, кто не имеет к ним никакого отношения»²²⁰.

---

²¹⁹ *Bouvier E.* Les enjeux énergétiques en Méditerranée orientale, ou la création d'une nouvelle arène géopolitique au Moyen-Orient. Partie I. URL: <https://www.lesclesdumoyenorient.com/Les-enjeux-energetiques-en-Mediterranee-orientale-ou-la-creation-d-une-nouvelle.html> (дата обращения: 04.04.2021).

²²⁰ *Bouvier E.* Les enjeux énergétiques en Méditerranée orientale, ou la création d'une nouvelle arène

В связи с этим турки активно начали проводить бурильные работы около берегов Кипра. 20 июня 2019 г. бурильное геологоразведочное судно «Явуз», купленное в октябре 2018 г. турецкой государственной нефтяной компанией за 262 млн долл., было спущено на воду. Глубина бурения судна достигает 3 тыс. м²²¹.

В то же время другое бурильное судно («Фатих», названное в честь завоевателя Константинополя султана Мехмеда Фатиха), уже давно проявляет активность в западной части острова около блоков 1 и 6, которое правительство Кипра в Никосии, естественно, считает своими. «Явуз» был намерен изучать шельф южной части острова, близкую к блокам 2, 3 и 9. Как заявили в Министерстве обороны Турции, для обеспечения безопасности работы судна оно будет эскортировано фрегатом ВМС²²².

В феврале 2018 г. бурильное судно итальянской компании Eni было остановлено турецкими военными судами. Оно проводило работы на блоке 3, лицензию на эксплуатацию которого турки-киприоты уже дали турецкой государственной нефтяной компании ТРАО. В свою очередь, правительство Кипра выписало ордера на арест иностранных членов команды геологоразведочного судна «Фатих» – инженеров и техников из России, Украины, Сербии, Хорватии²²³.

Беспокоящим для Турции фактором стало образование на конференции, прошедшей в январе 2019 г. в Каире, Газового форума стран Восточного Средиземноморья, куда вошли Египет, Израиль, Греция,

---

géopolitique au Moyen-Orient. Partie I. URL: <https://www.lesclesdumoyenorient.com/Les-enjeux-energetiques-en-Mediterranee-orientale-ou-la-creation-d-une-nouvelle.html> (дата обращения: 04.04.2021).

²²¹ Ibid. Partie II. URL: <https://www.lesclesdumoyenorient.com/Les-enjeux-energetiques-en-Mediterranee-orientale-ou-la-creation-d-une-nouvelle.html> (дата обращения: 25.03.2021).

²²² *Bouvier E.* Les enjeux énergétiques en Méditerranée orientale, ou la création d'une nouvelle arène géopolitique au Moyen-Orient. Partie II. URL: <https://www.lesclesdumoyenorient.com/Les-enjeux-energetiques-en-Mediterranee-orientale-ou-la-creation-d-une-nouvelle.html> (дата обращения: 25.03.2021).

²²³ *Bouvier E.* Les enjeux énergétiques en Méditerranée orientale, ou la création d'une nouvelle arène géopolitique au Moyen-Orient. Partie II. URL: <https://www.lesclesdumoyenorient.com/Les-enjeux-energetiques-en-Mediterranee-orientale-ou-la-creation-d-une-nouvelle.html> (дата обращения: 25.03.2021).

Республика Кипр, Иордания и Палестинская Национальная Администрация (ПНА). Таким образом, Турецкая Республика и ТРСК оказались в международной изоляции в своих требованиях на долю в распределении природных богатств средиземноморского шельфа. Это обстоятельство заставило турецкое правительство наладить еще более тесное сотрудничество с ПНС в Триполи. 27 ноября 2019 г. в ходе визита в ливийскую столицу министра иностранных дел Турции Мевлюта Чавушоглу и министра обороны Хулуси Акара было подписано межгосударственное соглашение о разграничении морских границ. Оно существенно увеличивало размеры шельфа Турции и Ливии. Прямая морская граница между двумя государствами препятствовала планам строительства Восточно-средиземноморского газопровода (East Med) и сокращала права Греции на разработку природного газа около ряда островов.

30 ноября того же года в ходе визита в Анкару председателя ПНС Фаиза Сараджа было подписано турецко-ливийское соглашение о военном сотрудничестве, согласно которому Турция брала на себя обязательства поставок в Ливию вооружения, направления военных советников, обучения и подготовки ливийских вооруженных сил²²⁴. Это соглашение сыграло на руку ПНС, так как с 4 апреля 2019 г. ЛНА под командованием Халифы Хафтара проводило военную операцию по захвату столицы страны Триполи, мотивируя это необходимостью борьбы с террористическими группировками, окопавшимися в ливийской столице. При этом основным финансовым спонсором кампании выступали ОАЭ. По информации российского исследователя-востоковеда А.А. Быстрова, именно Объединенные Арабские Эмираты оказали главную финансовую поддержку военной кампании Хафтара. А.А. Быстров писал по этому поводу: «В этой связи вопрос очень очевиден: кто дает деньги, тот и определяет линию поведения. В случае с ЛНА – это АРЕ и ОАЭ, в случае с Триполи – это Катар

---

²²⁴ *Altunışık M.B.* Turkey's Eastern Mediterranean quagmire. URL: <https://www.mei.edu/publications/turkeys-eastern-mediterranean-quagmire> (дата обращения: 25.03.2021).

и Турция. И роль этих спонсоров будет возрастать в геометрической прогрессии по мере минимизации нефтяного экспорта страны. Государственный министр иностранных дел ОАЭ Анвар Гаргаш заявил 15 мая, что командующий Ливийской национальной армией (ЛНА) фельдмаршал Халифа Хафтар не проводил переговоры с эмиратскими властями перед началом наступления на ливийскую столицу Триполи. Уточним: не только не проводил, а сразу получил на это полное благословение и финансирование с точки зрения необходимости подкупа местных племенных групп (это и обеспечило на первом этапе победный блицкриг, который сейчас захлебнулся), и именно с подачи Абу-Даби Хафтар еще и ездил на встречу с наследным принцем КСА Мухамедом бен Сальманом в рамках попыток получения от него финансовой поддержки непосредственно перед началом своего наступления. Другой вопрос, что КСА ограничились пока чисто вербальной поддержкой, а денег не дали. Но ОАЭ участвуют активно и с большими финансовыми издержками. Участие эмиратских беспилотников и авиации патронируемой Абу-Даби ЧВК «Академия» Э. Принса в ударах по Триполи все очень ясно в этом вопросе проясняет»²²⁵.

Таким образом, в ливийском вопросе четко выявилось геополитическое противостояние между Турцией и ОАЭ. Это противостояние, наряду с другими факторами, со временем проявилось во всестороннем кризисе в двусторонних отношениях. Одновременно, учитывая стратегическое партнерство между ОАЭ и Саудовской Аравией, ливийский кризис осложнил и турецко-саудовские отношения.

В феврале 2020 г. после провала мирной конференции в Берлине еще более усилилась помощь Ливийской Национальной Армии Хафтара со стороны ОАЭ. По данным А.А. Быстрова, наследный принц Абу-Даби Мухаммед бен Заид аль-Нахайян (в настоящее время Президент ОАЭ),

---

²²⁵ Быстров А.А. О политике Франции, Италии и ОАЭ по ливийскому конфликту. URL: <http://www.iimes.ru/?p=56216> (дата обращения: 25.03.2021).

который является главным иностранным покровителем Халифы Хафтара, резко увеличил в тот период свою военную поддержку силам ЛНА. Согласно французским источникам, ОАЭ доставили почти 3000 т оборудования по воздуху в течение последних двух недель февраля 2020 г. Это практически столько же, сколько было поставлено за весь 2019 г. Поставки осуществлялись, прежде всего, казахстанскими авиакомпаниями, такими как Jениs Air. Принц также направил в регион грузовой самолет Ан-124 «Антонов», которым владеет лично и непосредственно через компанию Maximus Air Cargo. Предполагается, что этот борт перевозил военное оборудование армии ОАЭ, которое до этого было развернуто в Йемене. Все эти вооружения разгружались на бывшей базе ВВС «Бенин» под Бенгази. Это увеличение участия ОАЭ в Ливии произошло после того, как наследный принц Абу-Даби Мухаммед бен Заид аль-Нахайян создал новую консультативную группу по Ливии. Он реорганизовал свою команду советников по ливийскому вопросу. Старший советник Мухаммед Рашид Мукбали был уволен. Его функции были полностью переданы в ведение человека «номер два» в Совете национальной безопасности ОАЭ Али бен Хамада аль-Шамси²²⁶.

Такая политика вызвала резкую критику со стороны Президента Турции Реджепа Тайипа Эрдогана, обвинившего ОАЭ во вмешательстве в ливийские внутренние дела. «В ходе визита канцлера ФРГ Ангелы Меркель в Турцию мы подробно обсудили с ней эту тему (ситуацию в Ливии). [Мы им сказали, что] Хафтар является лжецом, и вы предоставляете возможность потакать этому лжецу. Египет является самым главным сторонником [Хафтара], как и администрация Абу-Даби»²²⁷, – утверждал Эрдоган. По его версии, ОАЭ не только оказывают финансовую поддержку, но и поставляют оружие и боеприпасы.

---

²²⁶ Быстров А.А. В Ливии ОАЭ усиливают поддержку ЛНА Х. Хафтара, а Турция – ПНС Ф. Сараджа. URL: <http://www.iimes.ru/?p=66685> (дата обращения: 25.03.2021).

²²⁷ Быстров А.А. В Ливии ОАЭ усиливают поддержку ЛНА Х. Хафтара, а Турция – ПНС Ф. Сараджа. URL: <http://www.iimes.ru/?p=66685> (дата обращения: 25.03.2021).

При этом само турецкое правительство оказало интенсивную и действенную военную помощь ПНС Ф. Сараджа во время наступления ЛНА на Триполи в апреле–мае 2020 г. В конце марта 2020 г. Турция начала военные учения у берегов Ливии с участием 10 истребителей F-16, транспортного самолета Atlas 400 M, самолета АВАКС и транспортного самолета C-130. Турция также развернула у берегов Ливии фрегаты G-класса: F496 TCG Gökova, F497 TCG Göksu, F490 TCG Gaziantep, F495 TCG Gediz, а также заправочное судно Akar-class A595 TCG Yarbay Kudret Güngör. Турецкие военные корабли – это, в частности, модернизированные фрегаты FFG-7, оснащенные цифровым управлением и лучшим вооружением²²⁸.

Еще более значительный вклад в поражение ЛНА Хафтара внесли турецкие беспилотники. Наиболее успешным инструментом в руках турецких военных британский военный эксперт Стивен Брайен считает беспилотники «Байрактар», которые сумели вывести из строя 3 системы ПВО «Панцирь» российского производства, поставленные силам Хафтара правительством ОАЭ. В настоящее время ОАЭ находятся в процессе покупки 50 таких систем. В отличие от установок, состоящих на вооружении российской армии, системы «Панцирь», покупаемые Эмиратами, базируются не на российских грузовиках Урал-5323, а на германских MAN SX 45 8' x 8'. До этого в ходе военной кампании в Сирии турецкие дроны уничтожили 2 «Панциря» сирийской армии. По мнению Стивена Брайена, эти успехи «Байрактаров» могут поставить под вопрос продвижение данных российских систем ПВО на мировом рынке вооружений²²⁹.

Поражение ЛНА Халифы Хафтара и успехи вооруженных сил ПНС в ходе весенней кампании 2020 г. стали для Турции серьезной тактической победой. Силам ПНС удалось отодвинуть военную угрозу от ливийской столицы, занять 200 км на средиземноморском побережье вплоть до важного

---

²²⁸ Galay D. Turkey's Libya gambit is paying off – for now. URL: <https://www.middleeasteye.net/opinion/turkeys-libya-gambit-paying-now> (дата обращения: 25.03.2021).

²²⁹ Bryen S. Russian Pantsyr systems neutralized in Libya. URL: <https://asiatimes.com/2020/05/russian-pantsyr-systems-neutralized-in-libya> (дата обращения: 25.03.2021).

в стратегическом отношении г. Сирт. Вместе с тем «весенняя война» 2020 г. показала, что ливийский кризис не имеет военного решения. В стране установилась «патовая ситуация», при которой ни ЛНА не смогла овладеть Триполитанией, ни ПНС распространить свое влияние на Киренаику и Феццан. Силы фельдмаршала Хафтара потерпели военное поражение, но они заблокировали нефтяной экспорт из Ливии, лишив ПНС финансовых средств. Дело в том, что ливийские нефтяные терминалы находятся на территории Киренаики, а Национальная нефтяная компания (ННК), единственный легальный экспортер ливийской нефти, размещается в Триполи. Одновременно экспансия вооруженных сил ПНС, в составе которых сражаются немало боевиков исламистских экстремистских группировок, на восточные территории Ливии вызвала мощное сопротивление со стороны ливийских племен²³⁰.

Необходимо отметить, что в ливийской гражданской войне Турция вступила в противостояние с ОАЭ, но при этом действовала в координации и союзе с Катаром. 17 августа 2020 г. состоялся совместный визит министров обороны Турции и Катара в Триполи. Глава турецкого военного ведомства Хулуси Акар и его катарский коллега Халед бен Мухаммед аль-Атыйя посетили ливийскую столицу, где провели переговоры с премьер-министром ПНС Фаизом Сараджем и министром внутренних дел Фатхи Бачагой. Обращает на себя внимание, что это было первое публичное появление катарской дипломатии на ливийской арене после 2011 г. Доха сыграла активную роль в свержении Муаммара Каддафи, но затем предпочитала держаться в Ливии в тени Турции. В ходе переговоров было заключено трехстороннее соглашение о помощи Катара и Турции в повышении боевых возможностей ливийской армии. Было озвучено желание турецкой стороны получить военно-морские базы в Хомсе и Мисурате и базу ВВС в Аль-

---

²³⁰ Ласкарис Ф.И. Как Халифа Хафтар использует племенной фактор в ливийской гражданской войне. URL: <http://www.iimes.ru/?p=69820> (дата обращения: 25.03.2021).

Ватыйе²³¹.

Анализируя взаимодействие Турции с аравийскими монархиями в Ливии, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, активное военно-политическое вмешательство Турции в ливийский конфликт показывает амбиции турецкого руководства по созданию собственной сферы влияния в Северной Африке. Одновременно здесь сыграло роль и желание турецкого правительства получить союзника в процессе демаркации морских границ в Восточном Средиземноморье.

Во-вторых, вмешательство Анкары в ливийский конфликт спровоцировало противостояние с ОАЭ, которое позже вылилось в прокси-войну. Здесь можно провести параллели с сирийским кризисом. В Сирии Турция и Саудовская Аравия, начав с сотрудничества, оказались позже по разные стороны конфликта. В Ливии то же самое произошло между Турцией и ОАЭ.

В-третьих, Анкаре не удалось полностью установить свое доминирование в Ливии. Военная помощь ПНС Ф. Сараджа помогла турецким союзникам отстоять Триполитанию, но страна по-прежнему осталась расколота с сохранением влияния ЛНА Халифы Хафтара в Киренаике.

Сирийский и ливийский кризисы показывают, что аравийские монархии с большим недовольством восприняли амбиции Анкары в плане экспансии и создания собственной сферы влияния на Ближнем Востоке. Они готовы противостоять этому. Этот фактор, в свою очередь, осложняет партнерство Турции с государствами ССАГПЗ (кроме Катара), а фактически препятствует ему. Соперничество за сферу влияния в Ливии с ОАЭ и Саудовской Аравией привело позже к существенному ухудшению отношений с этими государствами в политической и экономической сферах.

---

²³¹ Galay D. Turkey's Libya gambit is paying off – for now. URL: <https://www.middleeasteye.net/opinion/turkeys-libya-gambit-paying-now> (дата обращения: 25.03.2021).

2.3. Отношения Турции с федеральным правительством Ирака и властями Курдского автономного района Ирака (КАР)

Для лучшего понимания турецко-иракских отношений необходимо напомнить, что территория современного иракского государства в течение 400 лет входила в состав Османской империи. Отношения Анкары с Ираком и особенно с Иракским Курдистаном имеют своим истоком распад Османского государства. Согласно Севрскому договору 1920 г., Турции оставалась территория Анатолии²³². Развернувшаяся война за независимость Турции (1919–1922 гг.) имела народно-освободительный характер. Дополнительным фактором было то, что она рассматривалась мусульманским населением в качестве войны против неверных и была поддержана большинством турецких курдов. В результате, согласно Лозаннскому договору 1923 г., Турция утвердилась в нынешних государственных границах за исключением вилайета Хатай, присоединенного позже по результатам референдума. Эти границы были признаны турецким народом и политической элитой за исключением Мосульского вилайета (нынешний северный Ирак), ставшего спорной территорией между Турцией и Великобританией, оккупировавшей территорию Ирака. В 1926 г. Лига Наций передала Мосул Великобритании, имевшей мандат на управление Ираком, что было воспринято с большим недовольством турецким правительством. Дело в том, что большую часть населения Мосульского вилайета составляли не арабы, а курды и туркоманы. Поэтому правительство Кемаля Ататюрка рассматривало эту территорию как естественное продолжение турецкой провинции Диярбакыр²³³.

В XIX в. османское правительство для удобства управления Ираком, в

---

²³² *Иванова И.И.* Эволюция ближневосточной политики Турции в XX–XXI веках. М.: Изд-во МГИМО, 2019. С. 24.

²³³ *Иванова И.И.* Эволюция ближневосточной политики Турции в XX–XXI веках. М.: Изд-во МГИМО, 2019. С. 24.

состав которого входили Багдадский, Басрийский и Мосульский вилайеты, придерживалось системы так называемых аширатов. Дело в том, что власть османского государственного аппарата распространялась только на большие города. Она в слабой степени затрагивала курдов-горцев и кочевые и полукочевые арабские бедуинские племена. Для удобства управления этими этносами османские власти предоставили им относительную автономию в обмен на лояльность и уплату подати. Термин «ашират» происходит от арабского слова *ашира* (племя). В Багдадском вилайете проживало 14 аширатов, подразделявшихся на таифы. Крупнейшим и наиболее могущественным из них был Бану Лам. В него входило 24 таифа, из которых двое разводили верблюдов и овец, а 18 также занимались земледелием, поддерживая сеть каналов на р. Турсак. Бану Лам ежегодно уплачивали казначейству откупную сумму, раскладка которой производилась поровну между соплеменниками, жившими по левому и правому берегам Тигра. Из двух половин (по 9 таиф в каждой) состояла и конфедерация шаммар: шаммар-тога (на левобережье Тигра от Амары до Диялы) сочетали земледелие с разведением мелкого рогатого скота и верблюдов (шейхи избирались только из «чистых» бедуинов), тогда как шаммар-джарба (между Мосулом и Багдадом и на берегах Хабура) являлись исключительно скотоводами²³⁴.

В Мосульском вилайете, который подразделялся на санджаки Мосул, Киркук и Сулеймания, преимущественно оседлое население отличалось этнической неоднородностью. Здесь сосуществовали курдские (гергерийе) и арабские (амарат-анейза и руала) конфедерации. 4 из 8 таиф Шахризора входили в союз, возглавлявшийся «чистыми» бедуинами, до начала XIX в. практически неподконтрольными османам. Сильнейшее из курдских объединений, Джаф (24 таифа), делилось на 2 части – в Зохабе и Сулеймании, к 1850-м гг. оно управлялось тремя беями, которые назначались

---

²³⁴ Longrigg S.H. Four centuries of modern Iraq. London: Garnet, 2001. P. 252.

османским правительством. В Амадии и Шахризоре до конца XIX в. сохранялись полунезависимые курдские политические образования, управляемые местными феодалами²³⁵.

Опорой османской власти в Ираке были курды и туркоманы, в меньшей степени – кочевые бедуинские суннитские племена. В 1516 г. курдские беи из феодальных владений Битлис, Амадия, Ардалан и Джазира ибн Умр призвали турок для освобождения Ирака от персидской армии Сефевидов, захватившей страну. В 1622 г., когда власть в Ираке была узурпирована восставшим командиром янычар Бакром Шу Баши, воинские контингенты курдских феодалов помогали султану в подавлении восстания²³⁶. В 1623–1639 гг. Ирак был вновь захвачен вооруженными силами державы Сефевидов. В 1639 г. значительную помощь османам в отвоевании Багдада оказали курдские вооруженные отряды и ополчение кочевых бедуинов шейха Абу Риша²³⁷. Таким образом, отношения Турции с Иракским Курдистаном имеют давнюю историю. В Турецкой Республике при Кемале Ататюрке появилась так называемая «доктрина национального обета», предусматривавшая необходимость возвращения Мосула в состав Турции²³⁸.

После Второй мировой войны основной вектор турецкой внешней политики был направлен на запад, в сторону Западной Европы и США, а ближневосточное направление рассматривалось как вторичное. Ирак вновь оказался в фокусе турецкой внешней политики в период президентства Тургутта Озала (1989–1993 гг.)²³⁹. Во время ирано-иракской войны 1980–1988 гг. Турция заняла нейтральную позицию, поддерживая взаимовыгодные экономические отношения как с Ираком, так и с Ираном. Несмотря на стратегическое партнерство с США и критику некоторых аспектов иранской политики «экспорта исламской революции», Анкара не присоединилась к

---

²³⁵ Longrigg S.H. Four centuries of modern Iraq. London: Garnet, 2001. P. 252.

²³⁶ Ibid. P. 57.

²³⁷ Ibid. P. 77.

²³⁸ Fromkin D. A Peace to end all peace. N.Y.: Henry Hold and Company, 1989. P. 102–126.

²³⁹ Laciner S. Turgut Ozal period in Turkish foreign policy: Ozalism // USAK Yearbook. 2009. P. 185–203.

антииранским санкциям. Одновременно рос товарооборот с Ираком, достигший исторического максимума в 3,5 млрд долл. в 1990 г. Американский исследователь, в прошлом высокопоставленный оперативник ЦРУ Грэм Фуллер считает, что активизация внешней политики Турции на Ближнем Востоке при Президенте Озале была обусловлена приоритетом экономических интересов над политическими²⁴⁰.

В период экономических санкций, которым был подвергнут Ирак после военной операции «Буря в пустыне» в 1991 г., иракско-турецкие отношения были «поставлены на паузу». После военного разгрома в 1991 г. Ирака основным фактором, определявшим иракское направление турецкой внешней политики, стала озабоченность Анкары перспективой создания курдского государства. Изначально турецкая правящая элита была несомненным противником создания на севере Ирака курдского квазигосударства. Во многом это было обусловлено опасениями вероятного образования альянса между иракскими и турецкими курдами, угрожающего национальной безопасности Турции.

В период ирано-иракской войны 1980–1988 гг. и особенно анархии и безвластия в Иракском Курдистане в 1994–1998 гг., связанных с гражданской войной между фракциями ДПК (Демократической партии Курдистана) и ПСК (Патриотического Союза Курдистана), горный массив Кандиль на севере Ирака стал опорной базой Рабочей Партии Курдистана (РПК), признанной в Турции террористической организацией. В 1990-е гг. «курдская угроза» явилась основой для ирано-турецкого сближения²⁴¹.

Для понимания специфики отношений Турции с иракскими курдами целесообразно сделать ретроспективный экскурс в историю Иракского Курдистана. Две основных политических партии региона – ДПК и ПСК – группируются вокруг семей Барзани и Талабани. Начало национально-освободительной борьбы курдского народа Ирака связано с именем шейха

---

²⁴⁰ Fuller G. The new Turkish Republic: Turkey as a Pivotal State in Muslim World. N.Y.: United States Institute of Peace, 2008.

²⁴¹ Gunter M. Turkey and Iran face off in Kurdistan // Middle East Quarterly. 1998, March. P. 22–33.

Мустафы Барзани. Этот харизматичный представитель курдской аристократии с 1931 г. возглавлял восстания в Иракском Курдистане. В 1946 г. им была создана Демократическая партия Курдистана. После разгрома иранской армией курдской Мехабадской Республики в 1947 г. он был вынужден бежать в СССР²⁴². В 1958 г., после антимонархической революции в Ираке, Мустафа Барзани вернулся назад, провозгласив себя «солдатом Касема»²⁴³. Однако в 1962 г. пакт между ДПК и Президентом Ирака Касемом был разорван, и курды вновь перешли к методам вооруженной борьбы²⁴⁴.

Одновременно с этим постепенно углублялся раскол в курдском национальном движении. Против руководства Барзани выступило левое крыло ДПК во главе с известным курдским писателем Ибрагимом Ахмедом и его зятем Джалалом Талабани. Эти деятели выступали против засилия в Северном Ираке феодальной аристократии²⁴⁵.

После баасистского переворота 1968 г. новое правительство Ирака стало прилагать усилия для примирения с курдами. 11 марта 1970 г. было заключено историческое соглашение между правительством Ирака и лидером ДПК Мустафой Барзани. Соглашение предусматривало создание в течение пять последующих лет курдской автономии в составе провинций Эрбиль, Сулеймании и Дохук; признание курдского языка в качестве второго официального в районах компактного расселения курдов; поддержку курдской культуры и образования; закрепление за курдами Ирака мест в парламенте и правительстве страны, включая пост вице-президента²⁴⁶.

Однако вскоре боевые действия возобновились. Причинами были

---

²⁴² Жигалина О.И. Мулла Мустафа Барзани. Исторический портрет. М.: Институт востоковедения РАН, 2013. С. 56.

²⁴³ Абдель Карим Касем, первый Президент республиканского Ирака (1958–1963 гг.).

²⁴⁴ Munier G. Kurdes et Mossad: tribalisme, separatisme et business. URL: <http://www.france-irak-actualite.com/article-kurdes-et-mossad-tribalisme-separatisme-et-business-53319056.html> (дата обращения: 08.01.2022).

²⁴⁵ Kaval A. Jalal Talabani. Du militant au chef d'Etat. URL: <http://www.lescledumoyenorient.com/Jalal-Talabani-du-militant-au-chef.html> (дата обращения: 08.01.2022).

²⁴⁶ Андайк Р.Дж. Саддам Хусейн. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997. С. 386.

альянс ДПК с США и Израилем, пытавшимися ослабить Ирак, и стремление лидеров ДПК включить в состав курдской автономии провинцию Киркук. В 1974–1975 гг. в Северном Ираке происходили боевые действия. При этом вооруженным формированиям ДПК удалось нанести иракской армии ряд поражений. Однако после заключения в марте 1975 г. в Алжире ирано-иракского соглашения, нормализовавшего отношения между двумя государствами, поддержка Тегерана курдским повстанцам прекратилась. После этого партизанская война закончилась в течение двух месяцев²⁴⁷.

На фоне поражения 1975 г. произошел окончательный раскол курдского националистического движения. В Бейруте на основе левой фракции ДПК и группы марксистов-ленинцев под руководством Нечирвана Мустафы был создан Патриотический Союз Курдистана (ПСК) во главе с Джалалом Талабани, провозгласивший социалистическую ориентацию²⁴⁸.

Качественно новая обстановка в Северном Ираке возникла в 1990–1991 гг. после иракской оккупации Кувейта и первой войны в Персидском заливе, когда США и другие страны Запада вновь проявили интерес к поддержке антисаддамовской оппозиции. Тем не менее в августе 1991 г. Джалал Талабани посетил Багдад, где встретился с Саддамом Хусейном и обещал ему поддержку²⁴⁹. Ситуация изменилась после принятия Советом безопасности ООН в январе 1992 г. Резолюции о создании бесполетной зоны на севере Ирака. Пользуясь этим, вооруженные формирования курдских боевиков заняли провинции Эрбиль, Дохук и Сулейманию. Де-факто была восстановлена курдская автономия.

Однако вступление курдов в свои права вызвало обострение соперничества между различными фракциями национального движения. В 1995–1998 гг. на территории Северного Ирака проходила настоящая

---

²⁴⁷ Там же. С. 390.

²⁴⁸ *Kaval A. Jalal Talabani. Du militant au chef d'Etat.* URL: <http://www.lesclesdumoyenorient.com/Jalal-Talabani-du-militant-au-chef.html> (дата обращения: 08.01.2022).

²⁴⁹ *Kaval A. Jalal Talabani. Du militant au chef d'Etat.* URL: <http://www.lesclesdumoyenorient.com/Jalal-Talabani-du-militant-au-chef.html> (дата обращения: 08.01.2022).

гражданская война между сторонниками ДПК и ПСК²⁵⁰. В 1998 г. при посредничестве США между ДПК и ПСК было заключено мирное соглашение. Их представители обязались заседать в одном парламенте и одном правительстве. Однако де-факто курдская автономия стала «разделенным государством». Под контролем ДПК находятся провинции Эрбиль и Дохук, а под контролем ПСК – Сулеймания. Даже вооруженные формирования обеих партий до сих пор имеют разное командование и не интегрированы в единую армию или национальную гвардию²⁵¹.

В феврале 2005 г. было заключено соглашение о неформальном распределении властных полномочий между ДПК и ПСК. Согласно этому документу, лидер ПСК Джалал Талабани (скончался в 2017 г.) получал пост Президента Ирака, зарезервированный за курдами, а лидер ДПК Масуд Барзани – пост Президента Курдского автономного района (КАР). Представители клана Талабани до сих пор занимают важные позиции в ПСК. Что же касается ДПК, то она остается «семейной партией». Нынешним президентом КАР является племянник Масуда Барзани Нечирван Барзани, а правительство КАР возглавляет сын М. Барзани Масрур Барзани. Сильными позициями обладает родственник Масуда Барзани по женской линии экс-министр иностранных дел Ирака Хошияр Зебари и его клан²⁵².

Начиная с 1992 г., Анкара и Тегеран стали координировать свою политику с целью недопущения создания в Северном Ираке независимого курдского государства. Для Турции такая перспектива несла особую опасность. Курдское население Турции составляет, по разным оценкам, от 14 до 18 млн человек²⁵³. Между тем в горном районе Кандиль, находящимся под

---

²⁵⁰ Ibid.

²⁵¹ *Gunter M.* The Kurds ascending: The evolving solution to the Kurdish problem in Iraq and Turkey. N.Y.: Palgrave Mc Millan, 2014. P. 214.

²⁵² *Ismaeel B.P.* What does the last vote mean for Iraq's Kurdish region? URL: <https://www.middleeasteye.net/columns/what-does-latest-vote-mean-iraq-s-kurdish-region-1623501595> (дата обращения: 03.05.2022).

²⁵³ The Kurdish population. URL: <https://www.institutkurde.org/en/info/the-kurdish-population-1232551004> (дата обращения: 03.05.2022).

формальным контролем Курдского автономного района Ирака, были развернуты базы боевиков Рабочей Партии Курдистана (РПК). В 1993 г. было подписано совместное трехстороннее соглашение Турции, Ирака и Ирана о недопущении нелегального пересечения государственных границ. Относясь с пониманием к турецкой озабоченности деятельностью курдских боевиков, Иран в 1994 г. стал сотрудничать с Анкарой в деле борьбы с РПК. В тот год иранцы выдали правительству Турции 20 активистов РПК. В то же время они не стали выражать протест против бомбардировок турецкими ВВС тренировочных лагерей РПК вблизи иранской границы, в результате чего погибли несколько иранских граждан. В том же году турки запретили на своей территории деятельность оппозиционной иранской группировки «Моджахеддин-э-хальк». Одновременно перспектива создания независимого курдского государства на севере Ирака послужила причиной для первого серьезного ухудшения турецко-американских отношений. В 2003 г. правительство Р.Т. Эрдогана возражало против американской агрессии в Ираке и отказывалось предоставить базу ВВС «Инджирлик» для переброски американских войск²⁵⁴.

Однако в 2008–2009 гг. в турецкой политике относительно Курдского автономного района Ирака произошел сдвиг. Правительство ПСР перешло от тактики сдерживания курдского сепаратизма к стратегии вовлечения Курдского автономного района (КАР) в полномасштабное партнерство. Этот политический шаг был проявлением уже упоминавшейся ранее доктрины Ахмета Давутоглу «Ноль проблем с соседями». Руководство ПСР стало осознавать, что ангажирование иракских курдов в сеть политических, экономических и торговых связей с Турцией выгоднее вооруженной конфронтации. В то же время произошла активизация отношений и с федеральным правительством в Багдаде. В сентябре 2009 г. между Турцией и Ираком был заключен ряд важных соглашений. В марте 2011 г. премьер-

---

²⁵⁴ *Gunter M.* The Kurds ascending: The evolving solution to the Kurdish problem in Iraq and Turkey. N.Y.: Palgrave Mc Millan, 2014. P. 72–75.

министр Р.Т. Эрдоган впервые посетил с визитом Курдский автономный район, где провел переговоры с его Президентом Масудом Барзани. Во время встречи была достигнута договоренность об открытии в Эрбиле генерального консульства Турции²⁵⁵.

Одновременно активизировалось экономическое проникновение Турции в регион Иракского Курдистана. Уже в 2013 г. Турция была крупнейшим экспортером товаров в Ирак, а двусторонний товарооборот вырос с 1,8 млрд долл. в 2004 г. до 11,9 млрд долл. в 2013 г. При этом более 70% турецкой торговли с Ираком приходилось на КАР²⁵⁶. В 2014 г. более половины из 1150 иностранных компаний, работающих в Курдском автономном районе Ирака, были турецкими. В 2006 г. в КАР был принят чрезвычайно выгодный для иностранных компаний «Закон об инвестициях», предоставляющий иностранным инвесторам право 100%-го владения предприятиями, освобождение от налогов сроком на 10 лет, право на вывод за рубеж части прибылей, а в некоторых секторах – бесплатное предоставление земельных участков²⁵⁷.

Главную роль в экономическом развитии территорий, входящих в КАР, играют турецкие компании *Maakyol Grup* и *Cengiz Holding*. Эти компании в совместном партнерстве выполнили контракт на строительство международного аэропорта в Эрбиле (550 млн долл.) и взяли контракт на строительство аэропорта в Сулеймании за 300 млн долл.²⁵⁸. В 2013 г. международный аэропорт «Хавлер» в Эрбиле принял 122 тыс. пассажиров и 38 572 т грузов. При этом главным пунктом сообщения с КАР стала Турция, на которую пришлось 27% рейсов, из них 19% составляли полеты Эрбиль–

---

²⁵⁵ *Gunter M.* The Kurds ascending: The evolving solution to the Kurdish problem in Iraq and Turkey. N.Y.: Palgrave Mc Millan, 2014. P. 72–75.

²⁵⁶ *Handi N.* Turkey's evolving relations with the Kurdish Regional Government of Iraq // Turkish relations with the Middle East. Zurich: Springer International Publishing, 2017. P. 24–36.

²⁵⁷ Ibid.

²⁵⁸ Erbil International Airport. URL: http://www.erbilairport.net/ABUT01_02_02.aspx (дата обращения: 03.05.2022).

Стамбул²⁵⁹.

Консорциум в составе двух вышеупомянутых турецких компаний получил также подряды на строительстве водоочистных сооружений в Маре и Эрбиле за 40 млн долл. и автомобильной дороги Эрбиль–Алтын Копри. Базирующаяся в Анкаре компания Kuanta Construction стала главным субподрядчиком в строительстве башен контроля воздушного трафика и установки навигационного оборудования в аэропортах Эрбиля и Сулеймании. Одна из ведущих турецких строительных компаний ENKA выполнила контракты на строительство и модернизацию электростанций в Эрбиле, Сулеймании и Дохуке. Англо-турецкая компания Genel Energy протянула 30-километровый газопровод с месторождения Сумейль до Дохука, что позволило перевести электростанцию в этом городе с дизельного топлива на газ²⁶⁰.

Кроме этих инфраструктурных объектов необходимо упомянуть и о возведенных компаниями Nursoy и Тере университета в Сулеймании за 260 млн долл., а также о жилых комплексах в Эрбиле и Дохуке, зданиях гимназий, студенческих общежитий, банков, поликлиник, медицинских лабораторий. Турецкая компания Çevikler даже взяла на себя строительство штаб-квартиры правящей Демократической партии Курдистана в Эрбиле за 65 млн долл., что стало символом симбиоза экономики и политики в сотрудничестве Анкары с этим регионом Ирака²⁶¹.

Важным аспектом сотрудничества Турции с КАР стали отношения в энергетической сфере. По предварительным данным, запасы нефти на территории КАР (без учета спорной провинции Киркук) составляют 45 млрд баррелей²⁶². В случае, если эти оценки подтвердятся, Курдский автономный

---

²⁵⁹ Ibid.

²⁶⁰ *Handi N.* Turkey's evolving relations with the Kurdish Regional Government of Iraq // *Turkish relations with the Middle East*. Zurich: Springer International Publishing, 2017. P. 24–36.

²⁶¹ Turks are reconstructing Northern Iraq // *Hurriyet Daily News*. 04.04.2007. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com/default.aspx?pageid=438=turks-are-reconstructing-northern-iraq-1-2007-04-12> (дата обращения: 03.05.2022).

²⁶² *Gunter M.* The Kurds ascending: The evolving solution to the Kurdish problem in Iraq and Turkey.

район может занять 6-е место в мире по нефтяным резервам. В 2015 г. Министерство природных ресурсов КАР оценивало добычу нефти в 1 млн баррелей в сутки с перспективой увеличения до 2 млн баррелей в сутки к 2020 г.²⁶³. Однако борьба властей региона с террористической организацией «Исламское государство» (организация, запрещенная в России) скорректировала эти планы в сторону уменьшения. По данным на 2017 г., Иракский Курдистан располагал 14 нефтяными месторождениями. Добыча позволяла направлять 1,025 млн баррелей в сутки на экспорт и 200 тыс. баррелей нефти и конденсата на нефтеперерабатывающие заводы для внутреннего потребления. Помимо нефти регион располагает и серьезными запасами природного газа (200 трлн куб. футов)²⁶⁴.

Турецкая заинтересованность в развитии энергетического сотрудничества с Иракским Курдистаном объясняется двумя факторами.

Во-первых, это увеличивающееся энергопотребление в самой Турции при учете того, что эта страна не располагает собственными ресурсами углеводородов. В 2011 г. потребление нефти в Турции достигло 706 тыс. баррелей в сутки. Более 90% нефти Турция импортирует из-за границы. По данным на 2012 г., большую часть нефти (44%) Турецкая Республика импортировала из Ирака²⁶⁵. Вторым по значению экспортером стал Иран. После введения американских санкций против Ирана в 2018 г. Россия вышла на первое место по поставкам сырой нефти в Турцию.

Во-вторых, после прихода к власти ПСР турецкое правительство взяло установку на превращение страны в евразийский энергетический хаб, тем более что географическое положение Турции благоприятствует этой задаче. Ее решению способствуют стратегические нефтепроводы «Баку–Тбилиси–

N.Y.: Palgrave Mc Millan, 2014. P. 36.

²⁶³ *Handi N.* Turkey's evolving relations with the Kurdish Regional Government of Iraq // Turkish relations with the Middle East. Zurich: Springer International Publishing, 2017. P. 24–36.

²⁶⁴ Kurdistan Regional Government of Natural Resources. The road to 1 million barrels per day. URL: <http://www.mnr.krg.org/index.php/en/the-road-to-1-million-barrels> (дата обращения: 03.05.2022).

²⁶⁵ International Energy Statistics Database and Short-Term Energy Outlook // US Ministry of Energy. URL: <http://www.eia.gov/countries/analysisbrief/Turkey/turkey.pdf> (дата обращения: 03.05.2022).

Джейхан» и «Киркук–Джейхан». Значительное количество нефти из России проходит также через проливы Босфор и Дарданеллы.

В мае 2012 г. Турция и КАР подписали соглашение о строительстве двух нефтепроводов и одного газопровода, напрямую соединяющих КАР с турецкой территорией. В декабре 2013 г. было подписано еще одно соглашение о прямом экспорте нефти из КАР в Турцию в количестве 300 тыс. баррелей в сутки по нефтепроводу, стоимость строительства которого составила 350 млн долл.²⁶⁶. До 2017 г. крупнейшим оператором в ТЭК Курдского автономного района Ирака была англо-турецкая компания Genel Energy. Позже ее опередили американская Exxon Mobile и российская «Газпромнефть». Она добывала на месторождениях Так-Так и Тевке около 60–70 тыс. баррелей в сутки. При этом годовая стоимость поставок нефти этой компании составляла до 650 млн долл. в год²⁶⁷.

В ноябре 2013 г. между правительствами КАР и Турции было подписано соглашение «О продаже газа», предусматривавшее с конца 2017 г. экспорт в Турцию ежегодно 4 млрд м³ газа из КАР с перспективой довести объем экспорта до 10 млрд м³ в 2020 г.²⁶⁸. Главными газовыми месторождениями, питающими турецкий импорт, являются Миран и Бана Бави. Согласно Соглашению о разделе продукции (СРП), 75% первого месторождения и 44% второго принадлежат Genel Energy²⁶⁹.

Данные договоры были заключены без согласования с федеральным правительством в Багдаде. Столкнувшись с критикой в адрес Турции, министр энергетики Танер Йилдыз во время визита в Багдад в декабре 2013 г. выразил желание заручиться согласием багдадского правительства при заключении сделок в сфере топливно-энергетического комплекса с КАР. В то

---

²⁶⁶ *Handi N.* Turkey's evolving relations with the Kurdish Regional Government of Iraq // *Turkish relations with the Middle East.* Zurich: Springer International Publishing, 2017.

²⁶⁷ Ibid.

²⁶⁸ Kurdistan Regional Government of Natural Resources. URL: <http://www.mnr.krg.org/index.php/en/gas/gas-pipeline> (дата обращения: 08.01.2022).

²⁶⁹ Kurdistan Regional Government of Natural Resources. URL: <http://www.mnr.krg.org/index.php/en/gas/gas-pipeline> (дата обращения: 08.01.2022).

же время премьер-министр КАР Нечирван Барзани в марте 2014 г. заявил: «Автономный регион будет добиваться такого соглашения с Багдадом, согласно которому энергетический экспорт Курдского автономного района Ирака был бы прозрачным и подконтрольным»²⁷⁰. Обращает на себя внимание то, что в заявлении премьера говорится об «экспорте КАР», а не об «экспорте Ирака».

Таким образом, курдские националисты рассматривают природные богатства на территории региона как принадлежащие курдам, а не Ираку. Еще в 2006 г. министр природных ресурсов КАР Ашти Хаурами говорил о том, что «Конституция КАР предусматривает приоритет региональных законов над федеральными и в отсутствие соответствующих соглашений должна неукоснительно соблюдаться»²⁷¹.

Однако главным пунктом повестки сотрудничества Турции с КАР были все-таки не отношения в сфере энергодобычи, а фактор безопасности, учитывая хроническую нестабильность в регионах самой Турции, населенных курдами. При этом Анкара преследовала две цели: во-первых, не допустить создания на территории КАР плацдарма антитурецкой деятельности; во-вторых, организовать на основе КАР буфер безопасности, отделяющий благополучную Турцию от остальной части Ирака, находившегося в состоянии хаоса и анархии (гражданская война между суннитами и шиитами в 2006–2009 гг. и борьба против террористической группировки «Исламское государство» в 2014–2017 гг.). Необходимо отметить, что до 2015 г. ПСР стояла на позициях примирения с курдским населением страны и его полноценного интегрирования в общественную и политическую жизнь Турции. В феврале 2014 г. премьер-министр Реджеп Тайип Эрдоган отметил в своем заявлении: «Мы никогда не позволим проводить дискриминацию внутри нашего народа. Курд – это мой брат.

---

²⁷⁰ *Handi N.* Turkey's evolving relations with the Kurdish Regional Government of Iraq // Turkish relations with the Middle East. Zurich: Springer International Publishing, 2017. P. 70.

²⁷¹ *Ibid.* P. 76.

Такой же мой брат турок, как и лаз, черкес, грузин, абхаз, босниец и цыган. Все они – мои братья»²⁷².

Для того чтобы завоевать популярность у турецких курдов, лидер ПСР старался установить максимально близкие и дружественные отношения с курдской автономией за рубежом. Обращает на себя внимание то, что во время приема в Турции (регион Диярбакыр, населенный преимущественно курдами) лидера КАР Масуда Барзани 4 ноября 2013 г. Эрдоган первым из турецких политиков употребил само слово «Курдистан». До этого оно было табуировано в лексиконе турецких политических деятелей. Президента КАР сопровождал певец Шиван Первер, которому в течение 37 лет был закрыт въезд в Турцию за националистические выступления. В Диярбакыре делегацию КАР приветствовала депутат турецкого парламента этническая курдиянка Лейла Зана, пробывшая 10 лет (1994–2004 гг.) в тюрьме за сотрудничество с РПК²⁷³.

Необходимо отметить, что Турция, стремясь к развитию отношений с Ираком, не могла рассчитывать на сближение с федеральным правительством в Багдаде, учитывая доминирование в нем шиитских партий, тесно связанных с Ираном. Исходя из этого, правительство ПСР стремилось к созданию партнерских отношений не с Багдадом, а с иракскими курдами и суннитами. Многие расчеты руководства ПСР и турецкого правительства оказались опрокинуты резким обострением ситуации в регионе после появления и экспансии террористической организации «Исламское государство» (ИГ). С 2015 г. стали очевидны бесконтрольность и особая опасность этой террористической организации. Анкара предприняла ряд усилий в попытках очертить свою сферу влияния после возможного разгрома ИГ.

---

²⁷² Erdoğan: Turkey's role in the Middle East // Al-Jazeera. 12.02.2014. URL: <http://www.aljazeera.com/programs/talktojazeera/2014/02/erdogan-turkey-role-middle-east-201421282950445312.html> (дата обращения: 03.05.2022).

²⁷³ Munier G. Le Kurdistan Iraquien... a pas de loup vers independence. URL: <http://www.france-irak-actualite.com/article-le-kurdistan-irakien-a-pas-de-loup-vers-l-independance-121428848.html> (дата обращения: 03.05.2022).

В соответствии с неоосманской доктриной в состав территорий, отторгнутых от Турции по Севрскому договору 1920 г. после Первой Мировой войны, входят не только северная Сирия с важным экономическим центром Алеппо, но и населенные суннитами территории Ирака, прежде всего, Мосул, ставший к 2015 г. столицей «Исламского государства»²⁷⁴. Определенные претензии на эти города содержит и доктрина «Национального обета», сформулированная еще Ататюрком²⁷⁵. Одновременно Анкара попыталась сдержать растущее военно-политическое влияние Ирана в Ираке, связанное с массивной иранской помощью Багдаду в борьбе с джихадистами.

Укрепление турецких связей с КАР шло преимущественно по линии Демократической партии Курдистана и клана Барзани. Связи Турции с ПСК носили фрагментарный характер. В регионе Сулеймании, контролируемом ПСК, до сих пор преобладает политическое и экономическое влияние Ирана. Таким образом, Турция не имеет всеобъемлющей поддержки среди всех сил курдистанского политического спектра, что существенно снижает возможности Анкары по превращению КАР в клиентское государство Турции. Ведь в случае ухода ДПК в оппозицию турецкое влияние в регионе существенно ослабнет.

Насколько успешным в описываемый период было сотрудничество Турции с КАР, настолько напряженными и проблемными становились турецкие отношения с федеральным правительством в Багдаде. Турецкие официальные лица формально заявляли о своей поддержке независимости, территориальной целостности и суверенитета Ирака. На официальном сайте Министерства иностранных дел Турции отмечается: «Восстановление стабильности и безопасности в Ираке принципиально необходимо для

---

²⁷⁴ *Danforth N.* Turkey's new maps are reclaiming the Ottoman Empire. URL: <https://foreignpolicy.com/2016/10/23/turkeys-religious-nationalists-want-ottoman-borders-iraq-erdogan> (дата обращения: 03.05.2022).

²⁷⁵ *Аватков В.* Национальный вопрос в Турции. URL: http://mgimotc.ucoz.ru/stuff/politicheskaja_sistema_turcii/politicheskaja_sistema/nacionalnyj_vopros_v_turcii/4-1-0-32 (дата обращения: 03.05.2022).

Турции. В этом отношении Турция ожидает развития в Ираке федеральной и демократической системы на базе справедливого разделения власти, доходов и инклюзивной политики, как это записано в иракской Конституции. Это необходимо для того, чтобы реализовать суверенитет и единство внутри иракских границ и уничтожить террористические организации, угрожающие Турции. Турция всеми силами поддерживает территориальную целостность и политическое единство Ирака. Турция считает, что каждое решение, касающееся будущего Ирака, должно приниматься на основе консенсуса всех групп и слоев иракского общества через диалог и примирение. Необходимо избегать действий, направленных на подрыв Конституции и верховенства Закона. Руководствуясь этими подходами, Турция противостояла незаконному референдуму 25 сентября 2017 г., предпринятому в КАР. После референдума в интересах сохранения суверенитета, территориальной целостности и политического единства Ирака Турция действовала в тесной кооперации с багдадскими властями²⁷⁶.

10 июля 2008 г. был создан Совет стратегического сотрудничества между Турцией и Ираком на высшем уровне, который должен был стать постоянно действующим механизмом консультаций и переговоров между сторонами. Первая встреча Совета состоялась в Багдаде 15 октября 2009 г., в результате чего были подписаны 48 меморандумов и протоколов о намерениях. Второе заседание прошло в Анкаре 25–26 декабря 2014 г. Третье заседание прошло в Багдаде 7 января 2017 г. во время официального визита в Ирак премьер-министра Турции Бинали Йылдырыма. Оно закончилось принятием Совместного заявления, в котором стороны обязались уважать суверенитет и территориальную целостность друг друга и сотрудничать в борьбе против терроризма²⁷⁷.

После разгрома в конце 2017 г. террористической организации

---

²⁷⁶ Relations between Turkiye and Iraq. URL: <https://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-iraq.en.info> (дата обращения: 10.01.2022).

²⁷⁷ Relations between Turkiye and Iraq. URL: <https://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-iraq.en.info> (дата обращения: 10.01.2022).

«Исламское государство» остро встал вопрос о восстановлении северных провинций Ирака, разрушенных войной. В ходе проведенной в Кувейте в феврале 2018 г. конференции по восстановлению Ирака турецкое правительство предложило выделить кредитную линию в размере 5 млрд долл. и экономическую помощь в размере 50 млн долл. на восстановление районов, пострадавших от войны²⁷⁸.

Рос и товарооборот между двумя государствами. Его объем очень значителен, но оценки этого объема различаются в разных источниках. Так, если верить данным посла Турции в Ираке Фатиха Йылдыза, «объем турецко-иракского товарооборота в 2020 г. превысил 20 млрд долл. Если быть точными, он составил 20,666 млрд долл. Ирак занимает четвертое место среди импортеров турецких товаров. В то же время он является пятым по объему экспортером товарной продукции в Турцию»²⁷⁹. В то же время, согласно информации МИД Турции, товарооборот между двумя странами достигал в 2020 г. отметки 17,33 млрд долл. Ирак по итогам 2020 г. стал крупнейшим экспортным рынком Турции (9,13 млрд долл.)²⁸⁰.

Тем не менее политические отношения между двумя государствами и отношения в сфере безопасности носили крайне напряженный характер. Представляется, что это было вызвано несколькими факторами. Прежде всего, несмотря на официальные заявления, Анкара не рассматривала Ирак в качестве полностью суверенного и независимого государства. В условиях военно-политических конфликтов в самом Ираке (конфликт между суннитами и шиитами, между федеральным правительством в Багдаде и курдской автономией и т.д.) турецкое руководство пыталось создать в этом государстве подконтрольные регионы, делая ставку на ДПК в КАР, иракских туркоманов и некоторых суннитских политиков в провинции Найнава.

---

²⁷⁸ Ibid.

²⁷⁹ Yıldız F. Ticaret Türkiye-Iraq. URL: https://twitter.com/FATIHILDIZ_MFA/status/1358507462253510664 (дата обращения: 10.01.2022).

²⁸⁰ Relations between Türkiye and Iraq. URL: <https://www.mfa.gov.tr/relations-between-turkey-and-iraq.en.info> (дата обращения: 10.01.2022).

Авторы доклада, помещенного на сайте Нидерландского Института международных отношений, отмечают: «Глубокие турецкие отношения с влиятельными суннитским политиками (такими как семья Нуджайфи в Мосуле, а затем с Мухаммедом аль-Хальбуси и Хамисом аль-Ханджаром), а также с группами иракских туркоманов (базирующимися в Найнаве и Киркуке) усиливают напряженность в “треугольнике” между Анкарой, Багдадом и Тегераном. Любые попытки Турции установить зону мягкого влияния по направлению к Мосулу и на суннитско-туркоманских землях равнин Найнавы представляют угрозу для базирования в стратегически важном регионе Синджар мощных и поддерживаемых Ираном шиитских вооруженных формирований»²⁸¹.

Беспокойство турецкого руководства вызывало усиление позиций Ирана в Ираке, особенно после создания «зонтичной» структуры вооруженных формирований «Аль-Хашд аш-Шааби» в 2014 г., большая часть которых находится под влиянием Ирана. В Анкаре не хотели, чтобы зона иранского влияния распространилась до турецкой границы.

В ноябре 2015 г. Анкара заявила о своем военном присутствии в Ираке²⁸². Турецкие войска в составе 2 батальонов и 25 танков были развернуты в поселке Башика в провинции Найнава в 30 км к северо-востоку от позиций ИГ. При этом премьер-министр Турции Ахмет Давутоглу заявил о том, что турецкие подразделения развернуты по просьбе иракского правительства и будут заниматься обучением местных милиций, сражающихся против «Исламского государства».

В то же время Анкара согласовала свои действия с правительством КАР, несмотря на то что Эрбиль не имел право заключать договоры о

---

²⁸¹ Turkish interventions in near abroad. The case of the Kurdistan Region of Iraq // Clingendael Netherland's Institute of International relations. 03.2022. URL: www.clingendael.org/sites/default/files/2022-03/Policy_brief_Turkish_interventions_Kurdistan_region_of_Iraq_0.pdf (дата обращения: 10.01.2022).

²⁸² Butler, D. Turks keeping troops in Iraqi camp, Baghdad turns to UN // Reuters. 12.12.2015. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSKBN0TU1GG> (дата обращения: 10.01.2022).

военном сотрудничестве в обход федеральных властей Багдада. 6 декабря 2015 г. Р.Т. Эрдоган обратился к иракским властям с письмом, в котором указывал на то, что «правительства, обеспокоенные сотрудничеством Турции и Ирака, не должны достичь своих целей»²⁸³. Намек делался на Иран и Россию. Одновременно Турция активизировала сотрудничество с некоторыми суннитскими политическими силами Ирака, боровшимися против «Исламского государства», но одновременно и не симпатизировавшими иранскому влиянию. Речь идет, прежде всего, о Мосульском клане и патронируемой им Исламской партии Ирака, представленной братьями Усамой и Адилем ан-Нуджайфи. Первый в 2010–2014 гг. был спикером иракского парламента, второй – мэром Мосула. Выходцем из Исламской партии был и бывший вице-президент Ирака Тарик аль-Хашими, который осенью 2011 г. эмигрировал в Турцию после ложных обвинений в терроризме²⁸⁴. Необходимо отметить, что Исламская партия Ирака изначально была местным ответвлением движения «Братья-мусульмане».

В начале октября 2016 г. после начала военных действий антитеррористической коалиции в Мосуле турецкое правительство объявило о вводе дополнительно 2 тыс. турецких военнослужащих в Ирак для участия в операции по освобождению этого города. При этом Р.Т. Эрдоган заявил о том, что после освобождения Мосула «только коренные жители – арабы-сунниты, туркоманы и курды-сунниты – будут там проживать»²⁸⁵. Между тем

---

²⁸³ *Nazemroaya M.D.* Turkish-ISIL oil trade. Did the Turkish military enter Mosul to protect the oil trade? URL: <https://www.globalresearch.ca/turkish-isil-oil-trade-did-the-turkish-military-enter-mosul-to-protect-its-oil-trade/5496773> (дата обращения: 10.01.2022).

²⁸⁴ *Veselov A.* Iraq: crisis after crisis or stable instability. URL: <http://www.strategic-culture.org/news/2013/01/30/iraq-crisis-after-crisis-or-stable-instability.html> (дата обращения: 10.01.2022).

²⁸⁵ 15.10.2016. حرب الموصل بدأت دبلوماسيا بين العراق وتركيا باستدعاء سفيرى البلدين. // رأي اليوم. [Война за Мосул между Ираком и Турцией началась дипломатически после того, как два государства отозвали своих послов] (на араб.яз.) // Рай аль-йаум. 15.10.2016]. URL: <http://www.raialyoum.com/?p=535783> (дата обращения: 10.01.2022); *Bora B.* Analysis: What is Turkey trying to achieve in Iraq? URL: <https://www.aljazeera.com/news/2016/10/analysis-turkey-achieve-iraq-161013032856045.html> (дата обращения: 10.01.2022).

иракский премьер-министр Хайдер аль-Абади выступил против односторонних шагов Турции, охарактеризовав их как нарушение международного права и агрессию против суверенного государства. В ответ на это Президент Турции выступил с резкими выпадами по адресу багдадского политика. Он, в частности, заявил, как бы риторически обращаясь к нему: «Вы мне не ровня, Вы не обладаете тем же весом, что и я, и не находитесь на одном со мной уровне. В Ираке никто не обращает внимания на Вашу болтовню»²⁸⁶.

Иракская политика Эрдогана преследовала несколько целей: во-первых, организацию в провинции Найнава суннитской автономии, зависимой от Турции, для противостояния влиянию Ирана; во-вторых, уничтожение баз РПК в районе Синджар. Однако продолжения она не получила. Доминирование вооруженных формирований «Аль-Хашд аш-Шааби» в провинции Найнава после освобождения Мосула сделало военное присутствие турок и их попытки закрепиться в этом районе не актуальными.

Несомненно, в турецком руководстве это хорошо понимали. В связи с этим правительство Турции не поддержало руководство КАР в попытках достичь независимости осенью 2017 г. Помимо отсутствия у Анкары партнерства со всеми политическими силами Ирака на это повлияли и другие факторы.

Во-первых, осознание того, что Турция является не единственным актором на севере Ирака. Категорическим противником распада иракского государства и независимости Курдистана является Исламская Республика Иран. Это в полной мере подтвердилось после проведения референдума о независимости Иракского Курдистана, когда проиранские вооруженные формирования «Аль-Хашд аш-Шааби» взяли под контроль спорную провинцию Киркук и другие курдские территории, не входившие формально в состав КАР. Одновременно противником обретения Курдским автономном районом независимости была и администрация Барака Обамы в США. Ведь

---

²⁸⁶ Там же.

распад Ирака означал бы провал американских усилий по «демократизации» и «стабилизации» этого государства.

Кроме того, правящие круги Анкары проявили беспокойство за судьбу туркоманов Ирака, тюркоязычного этноса, населяющего северные провинции страны и пользующегося поддержкой турецких националистов. В частности, туркоманы составляют значительную часть населения провинции Киркук, которую правящая элита КАР хотела включить в состав будущего независимого Курдистана. Провинция Киркук никогда не входила в состав курдской автономии. Несмотря на то что курдские националисты считают Киркук своим Иерусалимом, население провинции носит смешанный характер и состоит из курдов, арабов, туркоманов и христиан-ассирийцев.

Киркук был взят под контроль пешмерга в июле 2014 г. на фоне хаоса, наступившего в Ираке в связи с экспансией «Исламского государства». Значительную часть населения составляют туркоманы, имеющие свои взгляды на будущее Киркука. Туркоманы насчитывают 3 млн человек, или 8,5% населения Ирака. Они составляют большинство в Телль-Афаре и Туз-Хурмату, двух городах провинции²⁸⁷. После американской оккупации Ирака туркоманов стали против их воли включать в состав Иракского Курдистана. Представители этого этноса не смогли создать собственной политической силы по причине конфессионального разделения по признаку сунниты–шииты²⁸⁸. Туркоманы весьма негативно отнеслись к перспективе оказаться в составе независимого курдского государства. Высший совет туркоманов Киркука 26 сентября 2017 г. призвал багдадское правительство установить контроль над нефтяными скважинами в провинции и вести экспорт нефти только через Иракскую национальную нефтяную компанию. Началась организация туркоманских отрядов «Аль-Хашд аш-Шааби». При этом военная мобилизация туркоманов была поддержана одной из основных

---

²⁸⁷ Triana M. Managing diversity in organizations: a global perspectives. L.: Taylor and Francis, 2017. P. 168.

²⁸⁸ Кузнецов А.А. К развитию ситуации вокруг Иракского Курдистана. URL: <http://www.imes.ru/?p=38475> (дата обращения: 10.01.2022).

милиций «Хашд» – «Асаиб Ахль аль-Хакк»²⁸⁹.

И, наконец, в Турции не отказались от опасений насчет того, что курдское независимое государство при определенных условиях может стать плацдармом для курдских сепаратистов в самой Турции. При этом правительство Реджепа Тайипа Эрдогана было вынуждено учитывать общественное мнение в самой Турции. В ходе проведенного в 2009 г. социологического опроса 42,6% опрошенных, идентифицировавших себя как «турки», заявили, что признание культурных прав курдов приведет к дезинтеграции турецкого государства, 52,1% посчитали неприемлемым признание курдского языка, а 72% – курдской идентичности в Конституции²⁹⁰.

Исходя из этого, голосование на референдуме 22 сентября 2017 г. по независимости КАР получило очень жесткую оценку со стороны турецкого правительства. 25 сентября Президент Р.Т. Эрдоган в своем заявлении пригрозил ввести на территорию КАР войска «в любую ночь» и перекрыть нефтепроводы, если руководство региона не одумается и не отзовет результаты плебисцита. «Давайте посмотрим, куда течет нефть из северного Ирака. Ключик в наших руках. Когда мы перекроем трубопровод, благосостояние Курдистана закончится»²⁹¹. Таким образом, в решающий момент турецкое руководство не поддержало своих союзников в Эрбиле.

После кризиса в Курдском автономном районе, когда турецкое руководство поддержало территориальное единство Ирака, наметилось оживление контактов на межправительственном и высшем уровне. Об этом свидетельствуют визит министра иностранных дел Турции Мевлюта Чавушоглу в Багдад в ноябре 2018 г. и премьер-министра Ирака Аделя Абдель Махди в Анкару в мае 2019 г. Президент Турции Р.Т. Эрдоган

---

²⁸⁹ Там же.

²⁹⁰ *Handi N.* Turkey's evolving relations with the Kurdish Regional Government of Iraq // Turkish relations with the Middle East. Zurich: Springer International Publishing, 2017. P. 190.

²⁹¹ *Sharma S.* 'We can arrive any night': Erdoğan warns Iraqi Kurds of invasion. URL: <http://www.middleeasteye.net/news/analysis-tanks-or-no-tanks-erdogan-faces-pressure-home-over-kurd-vote-1789358209> (дата обращения: 04.04.2021).

подтвердил на встрече неизменность турецкой позиции в отношении территориальной целостности Ирака. Со своей стороны, иракский премьер не стал затрагивать вопрос о турецких военных базах на севере Ирака, бомбардировках и рейдах турецкого спецназа в Кандиле. Он заявил: «Некоторые события иногда приводят к тому, что вызывают неестественные решения»²⁹².

Авторы доклада РИСИ «Турция и арабский мир: проблемы взаимодействия» справедливо отмечают: «С одной стороны, Турция заинтересована в том, чтобы у власти в Багдаде находилось правительство достаточно сильное, чтобы подавлять курдский сепаратизм. С другой стороны, она хотела бы видеть Ирак достаточно слабым, чтобы при удобном случае вернуть под свою юрисдикцию Мосул, отторгнутый от Османской империи после Первой мировой войны. Правда, это чисто гипотетический сценарий, возможный только в случае распада Ирака как государства. Кроме того, слабому партнеру легче навязать свой подход в вопросах разделения вод Евфрата и Тигра, усиления влияния суннитской уммы и защиты прав этнических туркоманов»²⁹³.

В заключение рассмотрения отношений современной Турции с Ираком и КАР хотелось бы привести ряд прогнозов дальнейшего развития ситуации, учитывая хроническую напряженность в этом регионе Ближнего Востока. Реально у Турции с учетом необходимости стабилизации обстановки на южных рубежах и предотвращения распространения нестабильности и хаоса на свою территорию есть два сценария действий. Первый заключается в создании в Ираке своей сферы влияния, своего рода «тюркосферы» в курдских и суннитских районах. Этот вариант подразумевает военное присутствие Турции в этих регионах и масштабную финансовую помощь

---

²⁹² Dışişleri Bakanı Mevlüt Çavuşoğlu Irak'ta. URL: <https://www.trthaber.com/haber/gundem/disisleri-bakani-mevlut-cavusoglu-irakta-388732> (дата обращения: 04.04.2021).

²⁹³ Турция и арабский мир: проблемы взаимодействия // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 6 (57). С. 15.

протурецким политическим силам. Однако это чревато конфронтацией с Ираном и федеральным правительством в Багдаде. Кроме того, превращение КАР в клиентское государство Турции представляется сомнительным, так как экономическое влияние Турции в этом регионе уравнивается политическим влиянием США и Израиля. Второй вариант заключается в том, чтобы, безоговорочно признав территориальную целостность и суверенитет Ирака, использовать КАР как площадку для расширения своего сотрудничества с Ираком как федеральным государством, установив с ним отношения равноправного и взаимовыгодного партнерства.

Рассматриваемый период развития отношений Турции с арабскими государствами Персидского залива (2011–2016 гг.) характеризовался расхождением внешнеполитических подходов Турецкой Республики, с одной стороны, и Саудовской Аравии, и ОАЭ, с другой, по сирийскому и ливийскому кризису. В то же время наблюдалось все большее сближение с Катаром, в частности, по ливийскому вопросу. Это не могло не повлиять на динамику взаимодействия Турции с государствами ССАГПЗ.

В этот период руководство ПСР и правительство в Анкаре презентовали руководимое ими государство – Турецкую Республику – в качестве ролевой модели для стран арабского мира. Решающую роль здесь играло то, что Турции удалось удачно совместить ислам и демократию, а также добиться в первое десятилетие правления ПСР значительных экономических успехов. Программой-максимум турецкой политической элиты стало создание на Ближнем Востоке своей сферы влияния с приходом к власти в арабских столицах движения «Братья-мусульмане».

Отчасти это осуществилось мирным путем (победа в 2012 г. на парламентских выборах партии «Ан-Нахда» в Тунисе и ПСС в Египте). Но ни в одной из арабских стран им не удалось удержать власть. В начальный период «арабской весны» Турция стала ситуационным союзником аравийских монархий, также стремившихся к свержению законной власти в Сирии. Однако позже выявились серьезные расхождения в интересах и

устремлениях Турецкой Республики и ряда государств ССАГПЗ. В Сирии Турция в альянсе с Катаром, с одной стороны, и КСА, с другой, поддержали разные оппозиционные группировки.

В то же время ОАЭ и Саудовская Аравия оказали помощь перевороту Абдель Фаттаха ас-Сисси в АРЕ в 2013 г. и поддержали ЛНА Халифы Хафтара в Ливии (силы контрреволюции). Это стало фактором серьезных расхождений Турции с КСА и ОАЭ, а затем и серьезного ухудшения отношений с ними.

Что касается Ирака, то здесь турецкая внешняя политика представляется достаточно амбивалентной. Поддерживая на словах суверенитет и территориальную целостность этого арабского государства, турецкое руководство пыталось создать здесь свою зону влияния среди курдов, суннитов и туркоманов. Такая стратегия привела к сотрудничеству и сближению с властями Иракского Курдистана, но не способствовала установлению доверительных отношений с федеральным правительством в Багдаде.

ГЛАВА 3. ТРАНСФОРМАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ ТУРЦИИ С ГОСУДАРСТВАМИ ССАГПЗ В РЕГИОНАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ (2017–2021 ГГ.)

3.1. Отношения с Саудовской Аравией и ОАЭ: от сотрудничества к соперничеству

Начиная с 2016 г., отношения Турции с такими государствами ССАГПЗ, как Саудовская Аравия и ОАЭ, подверглись серьезной трансформации. Сотрудничество уступило место соперничеству и даже конфронтации, что привело к значительному ухудшению отношений.

Можно выделить несколько факторов, вызвавших эту тенденцию: во-первых, геополитическое соперничество Анкары с Абу-Даби и Эр-Риядом за влияние в арабском мире (Сирия, Ливия), о чем говорилось в предыдущей главе; во-вторых, саудовско-катарский конфликт, в котором Турция однозначно заняла сторону своего стратегического партнера – Катара; в-третьих, предполагаемая поддержка руководством ОАЭ неудавшейся попытки переворота в Турецкой Республике в июле 2016 г.; в-четвертых, «Дело Хашогги», приведшее в конце 2018 г. к дипломатическому скандалу между Турцией и КСА.

Временный союз между КСА и Катаром, сложившийся в период активной фазы свержения правительства Каддафи в Ливии и первого этапа гражданской войны в Сирии, сменился открытым недоверием, а затем конфронтацией и разрывом. Это было связано с тем, что в ходе «арабских революций» Эр-Рияд занял консервативно-охранительную позицию поддержки диктаторских режимов. В противовес этому Доха стремилась привести к власти в ряде арабских государств движение «Братья-мусульмане». В Саудовской Аравии и ОАЭ это движение стали рассматривать как экзистенциальную угрозу. Власти аравийских монархий опасались, что «братья» после прихода к власти в Египте будут стремиться к

свержению монархических режимов в Эр-Рияде и Абу-Даби и установлению там «исламской демократии».

5 марта 2014 г. Саудовская Аравия, Объединенные Арабские Эмираты и Бахрейн отозвали своих послов из Дохи. Этот дипломатический демарш сопровождался рядом требований к Катару, главными из которых были прекращение поддержки «Братьев-мусульман» и непредоставление политического убежища диссидентам-исламистам (зачастую экстремистской направленности) из арабских стран, особенно из государств Залива²⁹⁴. В 2014 г. конфликт удалось приглушить благодаря посредничеству США и обещаниям эмира Тамима удовлетворить требования партнеров по Совету сотрудничества арабских государств Персидского Залива. Эти обещания так и остались нереализованными. Однако мартовский кризис 2014 г. показал наличие серьезных расхождений в рамках ССАГПЗ. Противоречия между членами этого объединения, созданного в 1981 г. с целью экономической интеграции и противостояния иранской экспансии, оказались слишком глубокими. Дальнейшие события фактически поставили эту международную организацию на грань раскола.

Новый раунд катарско-саудовского конфликта начался в мае 2017 г. Во второй половине мая телеканалы «Аль-Арабия» и «Скай ньюз Арабия» начали информационную кампанию против правящей семьи Катара. При этом были продемонстрированы записи разговоров (их подлинность пока неясна) бывшего эмира Хамада бен Халифы, отрекшегося от престола в 2013 г., с бывшим лидером Ливии Муаммаром Каддафи и бывшим Президентом Йемена Али Абдаллой Салехом²⁹⁵. Согласно данной информации, эмир Хамад в 2008 г. жаловался Каддафи на Саудовскую Аравию и говорил о своем намерении оторвать от этой монархии, в которой

---

²⁹⁴ *al-Ibrahim F.* Riyadh and Doha: a fierce but low profile battle. URL: <http://english.al-akhbar.com/content/riyadh-and-doha-fierce-low-profile-battle> (дата обращения: 25.05.2021).

²⁹⁵ *Кузнецов А.А.* Разногласия между государствами Совета сотрудничества арабских государств Персидского Залива как фактор изменения политической ситуации в регионе Ближнего Востока // Международная аналитика № 2 (20) 2017. С. 74.

тогда правил король Абдалла бен Абдель Азиз, богатую нефтью провинцию Шаркийя. В то же время во время разговора с Президентом А.А. Салехом он убеждал последнего совершать диверсии в саудовском тылу и добиваться возвращения провинций Асир, Наджран и Джиззан.

Одновременно эти телеканалы распространяли информацию и о том, что министр иностранных дел Катара Мухаммед бен Абдель Рахман аль-Тани во время своего последнего визита в Ирак будто бы вел тайные переговоры с командующим спецназом «Кудс» КСИР генералом Касемом Сулеймани. Все это побудило саудовскую правительственную газету «Оказ» назвать эмиров Катара «врагами саудовской нации»²⁹⁶.

5 июня четыре арабских государства – Египет, Объединенные Арабские Эмираты (ОАЭ), Саудовская Аравия и Бахрейн – одновременно объявили о разрыве дипломатических отношений с Катаром. Они обвинили эмират в поддержке террористических организаций, в частности, «Аль-Каиды» и «Исламского государства». Саудовская Аравия опубликовала официальное заявление, в котором было отмечено, что королевство разрывает дипломатические отношения с Катаром, а также прекращает сухопутные, морские и воздушные транспортные связи с ним с целью защитить себя от террора²⁹⁷. Фактически это означало блокаду Катара, так как многие необходимые продукты питания завозятся в эмират из Саудовской Аравии.

В то же время Египет объявил, что он разрывает отношения с Катаром из-за поддержки, которые этот эмират оказывает террористическим организациям, таким как «Братья-мусульмане». Египтяне также сообщили, что прекращают все морские и воздушные связи с Катаром. ОАЭ обвинили Катар в подрыве стабильности в ближневосточном регионе и потребовали от

---

²⁹⁶ 24.05.2017. *قطر تواجه ثاني أخطر أزمة في تاريخها. صحيفة // رأي اليوم*. [Атван А. Катар переживает второй самый опасный кризис в своей истории (на араб.яз.) // Рай аль-йаум. 24.05.2017]. URL: <http://www.raialyoum.com/?p=680527> (дата обращения: 25.05.2021).

²⁹⁷ Saudi Arabia, UAE, Egypt, Bahrain cut ties to Qatar. URL: www.aljazeera.com/news/2017/6/5/saudi-arabia-uae-egypt-bahrain-cut-ties-to-qatar (дата обращения: 25.05.2021).

катарских дипломатов покинуть свою территорию в течение 48 часов. Позже к этим мерам присоединился и Бахрейн.

Необходимо отметить, что все попытки внешнеполитического посредничества в урегулировании кризиса между Катаром и «четверкой» арабских государств, которые предпринимались Государственным секретарем США Рексом Тиллерсоном, комиссаром Евросоюза по международным делам Федерикой Могерини и министром иностранных дел Кувейта Сабахом аль-Халедом ас-Сабахом, вплоть до конца июля не дали никаких результатов. Одновременно правительство Катара отвергло предъявленные Саудовской Аравией, ОАЭ, Египтом и Бахрейном 13 требований, включающих в себя обязательства прекращения помощи движению «Братьев-мусульман»; выдворения из Катара проживающих там в эмиграции оппозиционеров из стран Персидского Залива и Египта; закрытие телекомпании «Аль-Джазира»; закрытие научно-исследовательских и экспертных центров на территории Катара, участвовавших в подготовке «арабской весны»; ограничение внешнеполитического и военного сотрудничества с Ираном и Турцией²⁹⁸. Правительство Катара отказалось выполнять данные требования, справедливо посчитав их ущемлением национального суверенитета своей страны.

Примечательно, что одним из условий, выдвинутых арабской «четверкой» Катару, было закрытие на территории эмирата турецкой военной базы и прекращение сотрудничества с Турцией в области обороны и безопасности. 10 июня 2017 г. Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган в разговоре с министром иностранных дел Бахрейна назвал блокаду Катара «антигуманной» и выразил надежду на то, что кризис в отношениях между Катаром и «четверкой» исчерпает себя к концу священного для мусульман месяца Рамадан²⁹⁹.

---

²⁹⁸ Saudi Arabia, UAE, Egypt, Bahrain cut ties to Qatar. URL: www.aljazeera.com/news/2017/6/5/saudi-arabia-uae-egypt-bahrain-cut-ties-to-qatar (дата обращения: 25.05.2021).

²⁹⁹ عبد الباري عطوان. هل تَدخُلُ ترامب فعلاً لمنع التدخّل العسكري لإسقاط النظام في قطر؟ // رأي اليوم. 21.09.2017 [Атван А. Действительно ли Трамп вступился, чтобы не допустить военное вторжение и свержение режима в

Тогда же министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу на совместной пресс-конференции с бахрейнским коллегой заявил, что Турция приложит все усилия к мирному разрешению конфликта и не допустит изоляции Катара³⁰⁰. В заявлении МИД Турции указывалось на то, что блокада Катара противоречит «требованиям гуманизма и исламским ценностям». Требование закрыть турецкую военную базу на территории Катара Президент Реджеп Тайип Эрдоган назвал «противоречащим нормам международного права». Более того, Турция увеличила свой контингент, дислоцированный на данной военной базе³⁰¹. Число турецких военных в Катаре возросло со 150 до 3000 (уровень бригады)³⁰².

Эмир Катара Тамим бен Хамад аль-Тани в своем обращении к нации 21 июля 2017 г. выразил благодарность Турции, которая «выполнила все свои обязательства по Соглашению о сотрудничестве и удовлетворила первоочередные нужды народа Катара»³⁰³. Турецкий военный эксперт, полковник в отставке Метин Гурджан писал: «Для Эрдогана выживание правящего режима в Катаре и личная судьба эмира аль-Тани, который оказал турецкому лидеру наиболее сильную поддержку во время неудавшегося путча в 2016 г., являются экзистенциально важными»³⁰⁴.

Что касается неудачной попытки переворота, то в Анкаре были убеждены, что она финансировалась одной из монархий ССАГПЗ (конкретно – Объединенными Арабскими Эмиратами). 10 июня 2017 г. Президент Реджеп Тайип Эрдоган на форуме правящей партии ПСР заявил: «Мы знаем, кому в Персидском заливе пришлось по душе попытка переворота»³⁰⁵.

Катаре? (на араб. яз.) // Рай аль-йаум. 21.09.2017]. URL: <http://www.raialyoum.com/?p=747192> (дата обращения: 25.05.2021).

³⁰⁰ Turkey urges Gulf states to end Qatar crisis before end of Ramadan // News DW. 10.06.2017.

³⁰¹ Cafiero G. How Turkey fits into the Qatar puzzle // Al Monitor: The Pulse of the Middle East [официальный сайт]. URL: <https://www.al-monitor.com> (дата обращения: 25.05.2021).

³⁰² Ibid.

³⁰³ Gürçan M. Turkey flexing military muscle in Qatar // Al Monitor: The Pulse of the Middle East. 24.07.2017. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2017/07/turkey-qatar-military-deployment-signals-hard-power-policy.html> (дата обращения: 04.04.2021).

³⁰⁴ Ibid.

³⁰⁵ We know very well who was pleased in the Gulf with the coup attempt [Выступление Эрдогана

В начале августа 2016 г. в ряде арабских СМИ начала муссироваться информация о возможной причастности Эмиратов к попытке государственного переворота в Турции 15–16 июля 2016 г. Интернет-портал Middle East Eye со ссылкой на источники турецких спецслужб сообщил о том, что руководство этой монархии частично финансировало путч в Турции, выделив на это 3 млрд долл.³⁰⁶. Кроме того, эмиссар ОАЭ осуществлял связь между находящимся в США проповедником Фетхуллахом Гюленом и турецкими военными. Этим посредником, по информации издания, был не кто иной как видный палестинский политик Мухаммед Дахлан, проживающий в настоящее время в Арабских Эмиратах³⁰⁷. Информация о вовлеченности ОАЭ в заговор против Президента Эрдогана, в принципе, выглядит вполне логичной, учитывая абсолютно враждебное отношение монархов ОАЭ к движению «Братья-мусульмане».

Впрочем, после провала переворота правительство ОАЭ поспешило реабилитироваться перед турками. В Дубайском международном аэропорте были арестованы два турецких генерала, служивших в составе сил ISAF в Афганистане, подозреваемые правительством Турции в причастности к заговору: генерал-майор Мехмет Джахит Бакыр, командующий турецким контингентом в Афганистане, и бригадный генерал Шенер Топуч, командующий Тренировочным военным центром в Кабуле. Этот жест доброй воли явно был нацелен на то, чтобы вернуть расположение Анкары³⁰⁸.

Достаточно интересной является информация о вовлеченности в эти события Мухаммеда Дахлана, проживающего в настоящее время в Дубае и владеющего там строительной компанией. Мухаммед Дахлан является видным палестинским политиком, находящимся в изгнании. В конце 1980-

---

10.06.2017] // YouTube [сайт] (дата обращения: 04.04.2021).

³⁰⁶ *Hearst D.* UAE funnelled money to Turkish coup plotters // Middle East Eye édition française. 29.07.2016. URL: <https://www.middleeasteye.net/fr/news/exclusive-uae-funnelled-money-turkish-coup-plotters-21441671> (дата обращения: 04.04.2021).

³⁰⁷ *Cengiz S.* Turkish-Saudi Relations. Cooperation and Competition in the Middle East. Berlin: Gerlach, 2021. P. 48–50.

³⁰⁸ *Ibid.*

х гг. в Тунисе он был близок к Ясиру Арафату, а с 1995 г. возглавил Особые силы безопасности ПНА в секторе Газа. Под его командованием находилось около 20 тыс. человек. Впрочем, в тот период он подозревался своими соратниками в слишком тесных отношениях с американскими и израильскими спецслужбами. Откровенно враждебными были его отношения с исламистским движением ХАМАС, победившим на парламентских выборах в 2006 г. В январе–феврале 2007 г. силы Дахлана оказались вовлеченными в гражданскую войну против ХАМАС в секторе Газа. В результате проигравший Дахлан вынужден был покинуть Газу. В то время он добивался поста министра внутренних дел ПНА, но столкнулся с неприятием со стороны Махмуда Аббаса и других руководителей партии ФАТХ. В 2011 г. М. Дахлан был обвинен руководством автономии в причастности к гибели Ясира Арафата (предполагаемое отравление) и вынужден был эмигрировать в Дубай. Он также имеет резиденции в Европе, где располагает гражданством Сербии и Черногории³⁰⁹.

В последнее время международная активность М. Дахлана резко возросла. Он стал достаточно близок к руководству Египта и даже, по некоторым данным, выполнял деликатные поручения Президента Абдель Фаттаха аль-Сисси в Ливии. 15 марта 2016 г. этот палестинский деятель участвовал в Конгрессе сирийской оппозиции в Каире. Многие эксперты считают, что М. Дахлан является советником наследного принца Абу-Даби и фактического руководителя ОАЭ Мухаммеда бен Заида³¹⁰.

Невозможно в рамках данной работы уверенно подтвердить или опровергнуть информацию о причастности ОАЭ к попытке государственного переворота в Турции, но существенное ухудшение двусторонних отношений является неопровержимым фактом. Усиленная поддержка Анкарой «Братьев-мусульман» на Ближнем Востоке привела к тому, что в Абу-Даби, а затем и в Эр-Рияде Турцию стали воспринимать как угрозу политическим интересам этих

---

³⁰⁹ *Cengiz S. Turkish-Saudi Relations. Cooperation and Competition in the Middle East. Berlin: Gerlach, 2021. P. 48–50.*

³¹⁰ *Ibid.*

монархий. С начала 2000-х гг. правящие элиты КСА и ОАЭ рассматривают «Братьев-мусульман» в качестве подрывной организации, стремящейся к свержению монархических режимов в государствах Персидского залива. Достаточно сказать, что министр внутренних дел ОАЭ Заки Хальфан, отвечая на вопрос телекомпании «Аль-Арабийя» о том, кто более всего опасен для стран залива: Иран, Израиль или «Братья-мусульмане», – без раздумий указал на последних³¹¹.

Первое ухудшение отношений между Турцией и ОАЭ произошло в июле 2013 г. после государственного переворота в Египте. Руководство ОАЭ в то время оказало энергичную поддержку фельдмаршалу Абдель Фаттаху аль-Сисси, свергнувшего режим «Ихванов». Турция снизила уровень дипломатических отношений с ОАЭ, отзывав оттуда своего посла. В 2016 г. посла вернули, но после поддержки Турцией Катара летом 2017 г. своего посла из Анкары отзывали уже Эмираты³¹². 2016–2017 гг. стали периодом обмена обвинений и словесных пикировок между руководителями Турции и ОАЭ. 24 декабря 2017 г. государственный министр ОАЭ по иностранным делам Анвар Гаргаш написал в Твиттере о том, что ни Анкара, ни Тегеран, несмотря на все свои амбиции, не будут руководить арабским миром. Шеф дипломатии ОАЭ акцентировал необходимость укрепления арабского единства вокруг оси Эр-Рияд–Каир. Он также призвал арабов к сплоченности, отринув для этого свои сектантские и партийные различия³¹³.

20 декабря 2017 г. состоялся обмен выпадами между Президентом Турции Реджепом Тайипом Эрдоганом и министром иностранных дел ОАЭ принцем Абдаллой бен Заидом аль-Нахайном. Абдалла бен Заид

---

³¹¹ *Obeid H.* European Muslim groups angered by inclusion in UAE's terror list. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/12/uae-terrorist-list-european-islamist-groups.html#ixzz3LPnOs4cO> (дата обращения: 04.04.2021); Un alliance entre Emirats Arabes Unis et Israel contre Qatar. URL: <http://www.observatoire-qatar.com/politique/item/262-une-alliance-entre-les-emirats-arabes-unis-et-israel-contre-le-qatar> (дата обращения: 04.04.2021).

³¹² *Кузнецов А.А.* О вмешательстве ОАЭ в турецкие и палестинские дела. URL: <http://www.iimes.ru/?p=29589&print=1> (дата обращения: 22.04.2021).

³¹³ 27.12.2017. قرقاش: العالم العربي لن تقوده أنقرة أو طهران. صحيفة // رأي اليوم. [Гаргаш: Арабский мир не встанет на колени перед Анкарой или Тегераном (на араб. яз.) // Рай аль-йаум. 27.12.2017. URL: <http://www.raialyoum.com/?p=802847> (дата обращения: 22.04.2021).

опубликовал в Твиттере пост, в котором обвинил Фахреддин-пашу, командующего турецкими войсками в Мекке в годы Первой мировой войны (он оборонял Мекку от англичан) в преступлениях против мирного арабского населения, мародерстве и краже реликвий пророка Мухаммеда. «Это предки Эрдогана и их отношения с арабами и мусульманами», – отметил Абдалла бен Заид³¹⁴. Президент Эрдоган ответил министру иностранных дел ОАЭ в довольно резкой манере. Он написал: «Когда мои предки защищали священную Мекку, где были твои, бесстыдник? Некоторые безнравственные люди опускаются все ниже и ниже и обвиняют наших предков в воровстве. Что испортило этого человека? Его испортила нефть, испортили огромные деньги, которые у него есть»³¹⁵. Очередным поводом для политических разногласий между Турцией и ОАЭ осенью 2017 г. стало то, что ОАЭ и Саудовская Аравия не протестовали против признания администрацией американского Президента Дональда Трампа Иерусалима столицей Израиля. Тем самым, по мнению турецкого правительства, эти аравийские монархии предали палестинское дело³¹⁶.

Новый раунд обострения отношений Турции с Саудовской Аравией в октябре 2018 г. был связан с «Делом Хашогги». Джамаль Хашогги являлся представителем аристократической арабской семьи из Медины, второго по значению священного города Ислама. Его дед был личным врачом основателя саудовского королевства Абдель Азиза аль-Сауда, дядя Аднан Хашогги – известным торговцем оружием международного уровня, помогавшим в заключении первых контрактов на поставки американского вооружения для армии КСА и бравшим за это значительные комиссионные. В 1980-е гг. молодой журналист Д. Хашогги освещал антисоветский джихад в Афганистане. Он был знаком со всеми лидерами моджахедов, в том числе с

---

³¹⁴ *Solmaz M.* Why Saudi Arabia and UAE are targeting Turkey. URL: <http://www.middleeasteye.net/columns/why-uae-hostile-turkey-1184696487> (дата обращения: 22.04.2021).

³¹⁵ *Ibid.*

³¹⁶ *Başkan B.* Turkey and the UAE: A strange crisis. URL: <https://www.mei.edu/publications/turkey-and-uae-strange-crisis> (дата обращения: 22.04.2021).

небезызвестным Усамой бен Ладеном, в то время одного из руководителей «Бригад Абдаллы Аззама», формирований арабских джихадистов в Афганистане. В этом, впрочем, нет ничего удивительного, так как оба принадлежали к довольно узкому кругу саудовской элиты, где все друг друга знали.

Между тем отец Усамы возглавлял крупнейшую строительную компанию KSA Ben Laden Construction, выполнявшую правительственные заказы. Д. Хашогги продолжал поддерживать тесные связи с Усамой бен Ладеном и после того, как последний был внесен в американский список международных террористов, посещал его в 1990-е гг. в Судане и Афганистане. В 2003 г. Д. Хашогги был назначен главным редактором одной из ведущих саудовских газет «Аль-Ватан», но пробыл на этом посту всего несколько месяцев. Причиной была публикация в газете материалов о коррупции в KSA и социальных проблемах саудовского общества³¹⁷. Другому журналисту это бы грозило большими проблемами, но Хашогги выручила дружба с многолетним руководителем Управления общей разведки (УОР) Саудовской Аравии принцем Турки аль-Фейсалом, а также то, что он был любимцем кронпринца и будущего короля Абдаллы. В последующие годы Хашогги продолжал оставаться одним из ведущих журналистов KSA. Одновременно он стал вести колонку в газете *Washington Post*, по несколько месяцев в году жил в США, где купил дом. Последние 2 года (2016–2018) он проводил время между Америкой и Турцией, где жила его невеста Хадидже Чингиз³¹⁸.

После прихода к власти короля Сальмана бен Абдель Азиза Хашогги попытался стать своим человеком в его окружении. В 2015 г. в *Washington Post* была опубликована его статья «Доктрина Сальмана», в которой

---

³¹⁷ Кузнецов А.А. О влиянии дела Хашогги на отношения KSA с Турцией и странами ССАГПЗ. Ч. 1. URL: <http://www.iimes.ru/?p=48913> (дата обращения: 22.04.2021).

³¹⁸ Кузнецов А.А. О влиянии дела Хашогги на отношения KSA с Турцией и странами ССАГПЗ. Ч. 1. URL: <http://www.iimes.ru/?p=48913> (дата обращения: 22.04.2021).

журналист поддержал саудовскую военную операцию в Йемене и хвалил короля за переход от оборонительной к наступательной внешней политике³¹⁹. Одновременно Хашогги продвигал тезис о враждебной и агрессивной политике Тегерана по отношению к КСА. Однако затем журналист перешел в оппозицию к правящему режиму.

Представляется, что причиной тому были несколько факторов: во-первых, Джамаль Хашогги не вписался в окружение нового фактического правителя королевства принца Мухаммеда бен Сальмана; во-вторых, он был сторонником идеологии и практики движения «Братья-мусульмане» (чего сам никогда не скрывал); исходя из этого, он осудил конфронтацию с Катаром, развязанную Эр-Риядом в 2017 г. и наметившееся сближение КСА с Израилем; в-третьих, со временем Хашогги понял, что реформы Мухаммеда бен Сальмана, которые он вначале приветствовал, направлены не на коренное изменение ситуации в королевстве, а на укрепление его собственных позиций в борьбе за власть³²⁰.

Относительно загадочного исчезновения Хашогги в генконсульстве в Стамбуле существуют несколько версий. Саудовский блоггер, пишущий в Твиттере под псевдонимом Моджтахед (его личность не удалось идентифицировать ни саудовским властям, ни оппозиционерам) писал о том, что Д. Хашогги был похищен, вывезен в Саудовскую Аравию и в настоящее время жив. Другую версию приводит главный редактор газеты «Рай аль-йаум» Абдельбари Атван. По его мнению, изначально саудиты не собирались ликвидировать Хашогги. Убить журналиста было бы гораздо проще, подсыпав яд в одном из стамбульских кафе. План состоял в том, чтобы похитить его и вывезти в КСА. Для этой цели в Эр-Рияд прибыли 15 оперативников саудовских спецслужб. Однако врач, призванный нейтрализовать журналиста, допустил передозировку наркотика, в результате

---

³¹⁹ *Khashoggi J. The Salman Doctrine // Washington Post. 22.03.2015.*

³²⁰ *Щегловин Ю.Б. О некоторых нюансах дела саудовского журналиста Д. Хашогги // Сайт Института Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=49176> (дата обращения: 22.04.2021).*

чего у Хашогги произошла остановка сердца. События пошли не по сценарию. В результате было принято решение расчленить его тело. Возможно, его останки были вывезены на одном из двух самолетов, на которых саудовские разведчики вылетели из Стамбула: один – в Каир, другой – в Дубай³²¹.

Учитывая, что преступление было совершено на турецкой территории, можно было спрогнозировать предельно жесткую позицию Анкары в «Деле Хашогги». Турецкое правительство допускало систематические утечки информации, свидетельствующие о прямой причастности саудовских спецслужб к убийству Хашогги. Так, сведения о возможном расчленении тела Хашогги пришли из турецких источников. Одновременно в турецкие СМИ просочились сведения о разговоре между генеральным консулом КСА и одним из разведчиков. Саудовский дипломат, якобы, предостерегал от совершения каких-либо действий в отношении Джамалья Хашогги на территории дипломатической миссии, угрожая большими неприятностями, на что получил ответ в очень грубой форме. С другой стороны, турецкие власти не предпринимали каких-либо шагов в отношении саудовских дипмиссий³²².

В Турцию с посреднической миссией был направлен губернатор Мекки принц Халед аль-Фейсал. По сообщению портала «Аль-Монитор», он предложил турецким властям компенсацию в размере 5 млрд долл. за лояльное расследование «Дела Хашогги»³²³. Однако для турецкого руководства главным здесь являлся не финансовый аспект, а попытка, используя возможные осложнения в американо-саудовских отношениях, восстановить пошатнувшееся партнерство Анкары с США. В этой связи Реджеп Тайип Эрдоган сделал американцам ряд авансов, главным из которых стало

---

³²¹ Щегловин Ю.Б. О турецко-саудовских отношениях на фоне дела Хашогги // Сайт Института Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=49285> (дата обращения: 22.04.2021).

³²² Там же.

³²³ Щегловин Ю.Б. О турецко-саудовских отношениях на фоне дела Хашогги // Сайт Института Ближнего Востока. URL: <http://www.iimes.ru/?p=49285> (дата обращения: 22.04.2021).

освобождение 13 октября американского пастора Эндрю Брансона, обвиненного ранее в связях с организацией Фетхуллага Гюлена.

Используя то, что Саудовская Аравия «не оправдала доверия» в глазах Вашингтона, турецкое руководство вновь захотело стать привилегированным партнером США в регионе. По информации газеты «Аль-Араб», издающейся в Лондоне, попытки Анкары примириться с Вашингтоном и вернуться к прежнему уровню отношений начались уже в августе 2018 г. При этом турецким посредником и лоббистом в столице США выступал эмир Кувейта Сабах аль-Ахмед аль-Джабер ас-Сабах³²⁴.

Ухудшение отношений с Саудовской Аравией и ОАЭ имело негативные последствия для турецкой экономики. Курс на реализацию программы неоосманизма и создание турецкой сферы влияния на Арабском Востоке привел к тому, что у турецкого руководства возникла напряженность в отношениях с Сирией, Египтом, Израилем, Ираком, Саудовской Аравией и ОАЭ. Данные процессы привели также к потере турецким бизнесом прибыльных и перспективных рынков. Директор египетского Центра стратегических исследований «Аль-Ахрам» Карам Саид отмечал по этому поводу следующее: «Турция уже потеряла такие арабские рынки, как Саудовская Аравия, Сирия, Ливия и Йемен. У Анкары есть серьезные экономические и политические противоречия с США и Европейским Союзом. Египет остается для Турции рынком с огромным перспективным потенциалом»³²⁵.

Статистика свидетельствует о снижении темпов торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества Турции с Саудовской Аравией и ОАЭ в 2016–2021 гг. Между тем эти два государства в «заливном» регионе являются основными торгово-экономическими партнерами Турецкой

---

³²⁴ Intel: Why Turkey is leaking Khashoggi details to the media. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2018/10/intel-why-turkey-leaks-khashoggi-saudi-arabia.html#ixzz5UO889mje> (дата обращения: 22.04.2021).

³²⁵ Elleithy A. Why Turkey is wooing Egypt. URL: <https://www.al-monitor.com/originals/2021/04/why-turkey-wooing-egypt#ixzz6r5TxwjUP> (дата обращения: 22.01.2021).

Республики. И объяснить данный процесс можно политическими причинами. Пик турецкого экспорта в КСА пришелся на 2015 г., когда он составил 5 млрд долл. К 2020 г. он сократился до 2,3 млрд долл. Экспорт в ОАЭ пережил свой пик в 2017 г., составив 9,2 млрд долл., а к 2020 г. уменьшился до 2,1 млрд долл. Последнее было особенно болезненно, так как Объединенные Арабские Эмираты были до этого третьим по значению торговым партнером Турции после Германии и Великобритании. Снижение темпов торгово-экономического сотрудничества с этой страной совпало с экономическим кризисом в Турции, начавшимся в 2018 г. При этом турецкий экспорт в ОАЭ сократился на 66%, а импорт – на 32%³²⁶.

Что касается саудовских прямых инвестиций, то они не претерпели значительных изменений, несмотря на ухудшение двусторонних политических отношений. В 2019 г. они составили 100 млн долл. В 2021 г. было зафиксировано уменьшение саудовских инвестиций в Турцию на 8%, но это произошло, скорее всего, под влиянием эпидемии коронавируса. Гораздо болезненнее для турецкой экономики стало снижение прямых инвестиций из ОАЭ на 88%³²⁷.

Однако позднее наблюдалось значительное ухудшение торгово-экономических отношений с КСА. Еще в мае 2019 г. наследный принц Мухаммед бен Сальман пообещал рассмотреть возможность наказать Турцию снижением торговли и инвестиций за недружественную позицию этого государства, занятого в связи с «Делом Хашогги»³²⁸. В октябре 2020 г. влиятельная Торгово-промышленная палата КСА рекомендовала саудовским предпринимателям сократить до минимума экономические отношения с Турцией как с «недружественным государством». В результате объем

---

³²⁶ *Mammadov R., Petersen K.* Turkey – Gulf and Libya impact of growing economic divide. URL: <https://www.mei.edu/publications/turkey-gulf-and-libya-economic-impact-growing-geopolitical-divide> (дата обращения: 22.01.2021).

³²⁷ Ibid.

³²⁸ *Mammadov R., Petersen K.* Turkey – Gulf and Libya impact of growing economic divide. URL: <https://www.mei.edu/publications/turkey-gulf-and-libya-economic-impact-growing-geopolitical-divide> (дата обращения: 22.01.2021).

турецкого экспорта в Саудовскую Аравию упал на 92%. В 2019–2020 гг. экспорт турецких товаров в королевство сократился с 3,1 до 2,3 млрд долл. В январе 2021 г., по данным Турецкого союза экспортеров, товарооборот составил 16 млн долл. по сравнению с 221 млн долл. в январе 2020 г.³²⁹.

Значительное влияние на ухудшение отношений Турецкой Республики с КСА и ОАЭ оказал иранский фактор. Главным стратегическим соперником Саудовской Аравии и ОАЭ в регионе Ближнего Востока является Иран. Саудовская политическая элита обвинила тегеранское руководство в стремлении к региональной гегемонии. При этом в Эр-Рияде считают, что Иран «окружает» Саудовскую Аравию, используя своих «прокси» – шиитские вооруженные формирования: «Хизбаллу» – в Ливане, «Аль-Хашд аш-Шааби» – в Ираке, «Ансар Аллах» (хуситы) – в Йемене. В Сирии в период гражданской войны 2011–2018 гг. наблюдался значительный приток шиитских добровольцев из Ирака, Афганистана, Пакистана. Они воевали под руководством иранских инструкторов и офицеров Корпуса стражей исламской революции (КСИР). Многие из них после войны задержались на сирийской территории³³⁰. Одновременно на регулярной основе в сирийском конфликте принимали участие бойцы движения «Хизбалла». В Эр-Рияде проявляли сильную обеспокоенность по этому поводу.

В отличие от Эр-Рияда, отношения которого с Ираном ухудшались на протяжении последних 15 лет, Катар проводил политику сотрудничества с Тегераном по ряду экономических и политических вопросов, учитывая, что обе страны делят одно и то же месторождение природного газа – «Северный купол». Катарское руководство, несмотря на расхождения с Тегераном по сирийскому вопросу, неоднократно призывало к диалогу стран ССАГПЗ с Ираном и установлению с ним добрососедских отношений. Причины желания Дохи поддерживать нормальные отношения с Тегераном лежат как в

---

³²⁹ *Soylu R.* Exports from Turkey to Saudi Arabia plummet by 92 percent amid unofficial boycott // Middle East Eye. 04.02.2021. URL: <https://www.middleeasteye.net/news/turkey-saudi-arabia-exports-shrink-unofficial-boycott> (дата обращения: 22.01.2021).

³³⁰ *Schneider T.* The Fatemiyoun Division. Afghan fighters in the Syrian civil war. Washington: Middle East Institute, Policy Paper, 2018.

экономической, так и в политической плоскости³³¹. Как известно, экономическое благополучие Катара базируется на экспорте сжиженного природного газа (СПГ). При этом иранцы и катарцы фактически разрабатывают одно и то же газовое месторождение на шельфе Персидского залива (в иранской версии – Южный Парс, в катарской – Северный Купол). Таким образом, любое обострение отношений с Ираном неблагоприятно скажется на катарской экономике. Кроме того, правящая семья Катара, опасаясь «саудовского гегемонизма», рассматривает Иран в качестве одного из гарантов своей безопасности в будущем.

14 сентября 2016 г. эмир Катара Тамим бен Хамад аль-Тани провел телефонный разговор с Президентом Ирана Хасаном Роухани, в котором призвал к установлению в регионе Персидского залива новой системы международных отношений, основанной на добрососедстве и уважительном диалоге, и предложил себя в качестве посредника в преодолении противоречий между Ираном и странами ССАГПЗ, начиная с Саудовской Аравии³³².

Телекомпания «Аль-Джазира» подробно и очень благожелательно комментировала Президентские выборы, прошедшие в мае 2017 г. в ИРИ. Более того, Катар оказался единственным государством ССАГПЗ, пославшим своих наблюдателей на эти выборы. МИД Ирана выдал 39 виз катарским наблюдателям и журналистам, прибывшим в страну в выборный период. Эмир Тамим одним из первых поздравил Хасана Роухани с победой на выборах и подчеркнул в своем письме, что он считает хорошие катарско-иранские отношения важным фактором стабильности в регионе Персидского залива и приложит все силы к улучшению и расширению этих связей. Эмир Тамим бен Хамад, в частности, сказал, что «Иран представляет собой

---

³³¹ Кузнецов А.А. Разногласия между государствами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива как фактор изменения политической ситуации в регионе Ближнего Востока // Международная аналитика № 2 (20) 2017. С. 74.

³³² Кузнецов А.А. О новых дипломатических инициативах эмира Катара. URL: <https://www.imes.ru/?p=29938> (дата обращения: 22.01.2021).

значительную исламскую и региональную державу, и было бы неразумно вступать с ней в конфронтацию»³³³. Он уточнил, что «Иран является большой стабилизирующей силой в регионе»³³⁴. Со своей стороны, Турция, являясь союзником Катара, также проводила по отношению к Ирану нюансированную политику, стараясь сотрудничать с ИРИ в ряде сфер и не допускать конфронтации.

Главной причиной установления государствами ССАГПЗ партнерских и дружественных отношений после прихода к власти ПСР в 2002 г. было стремление создать геополитический противовес Ирану в регионе Ближнего Востока. Однако элиты аравийских монархий не подразумевали при этом, что Турецкая Республика будет доминировать в регионе. Анкара же, по крайней мере с начала «арабской весны», стремилась к такой гегемонии в суннитской части арабского мира и проявляла стремление к договоренностям с шиитским Ираном.

Турецко-иранские отношения, несмотря на существенные разногласия между этими региональными державами, характеризуются положительной динамикой. Существуют фундаментальные ограничения на то, чтобы они перешли в стадию стратегического партнерства. В качестве препятствий здесь выступает геополитическое соперничество на Арабском Востоке (главным образом, в Сирии и Ираке), взаимное недоверие и подозрения, культурные и религиозные различия (шиизм – в Иране, суннизм – в Турции, и т.д.). Тем не менее на протяжении последних 20 лет оба государства стремились к неуклонному развитию политического и экономического взаимодействия. Для Турции это было важно по двум причинам: во-первых, стремление обеспечить безопасность своей восточной границы; во-вторых, намерение освоить перспективный иранский рынок. Для ИРИ партнерские отношения с Турцией были средством преодоления политической и

---

³³³ 26.05.2017. 26.05.2017. «كلمة السر» في الخلاف الخليجي المتفاقم، كيف؟ // رأي اليوم. [Атван А. Иран: секретное слово в распрях в Заливе – как? (на араб. яз.) // Рай аль-йаум. 26.05.2017]. URL: <http://www.raialyoum.com/?p=681583> (дата обращения: 22.01.2021).

³³⁴ Там же.

экономической изоляции, являющейся результатом западных санкций и конфронтации с США.

Блокада Катара, объявленная арабской «четверкой» в июне 2017 г., создала качественно новую расстановку сил в регионе Персидского залива. С самого начала кризиса Турция и Иран оказали мощную поддержку катарскому режиму. Иран открыл свои порты и аэропорты для доставки продовольствия в эмират, так как сухопутная саудовско-катарская граница оказалась блокирована. Все это привело некоторых экспертов и исследователей к выводу о возможности создания на Ближнем Востоке трехстороннего блока в составе Ирана, Катара и Турции, направленного против Саудовской Аравии и Израиля. Об этом, в частности, писал руководитель Центра изучения Ближнего Востока в Бейруте Сами Мубайед³³⁵.

При этом подразумевалось, что ударной силой этого блока станут проиранские «прокси»-группы и движение «Братья-мусульмане». Данные предположения были актуальны в 2018–2020 гг. После дипломатического примирения между Саудовской Аравией и Катаром в январе 2021 г. и постепенной нормализации отношений Турции с КСА и ОАЭ необходимость в таком альянсе отпала. Этот прогноз не осуществился, так как вряд ли создание такого альянса входило в намерения Катара. Катарская элита слишком привязана к США, и свои расчеты на смягчение ущерба от блокады и минимизации внешнеполитических и военных угроз со стороны КСА Доха связывала с американской помощью. На территории Катара расположена крупнейшая в регионе американская военная база Эль-Удейд с 10 тыс. военнослужащих и американское Центральное командование (Centcom). Исходя из этого, какие-либо политические потрясения в эмирате были бы крайне нежелательны для американцев. Лоббистами интересов Катара в

---

³³⁵ *Moubayed S.* Qatar, Saudi Arabia. Open crack in united front against Iran. URL: <http://www.atimes.com/article/qatar-saudi-arabia-open-crack-united-front-iran> (дата обращения: 22.01.2021).

американской администрации выступили госсекретарь Рекс Тиллерсон и министр обороны Джеймс Мэтис. А после встречи эмира Катара Тамима бен Хамада с Президентом США Дональдом Трампом 21 сентября 2017 г. стало ясно, что Вашингтон не допустит каких-либо враждебных действий соседей против Катара³³⁶.

Между тем турецкое руководство не оставляло попыток в альянсе с Ираном и Катаром ослабить позиции и влияние КСА в арабском и исламском мире. Об этом свидетельствует, в частности, Исламский саммит в Куала-Лумпуре, прошедший 19–21 декабря 2019 г. Наиболее значительными участниками конференции стали Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган, премьер-министр Пакистана Имран Хан, эмир Катара Тамим бен Хамад аль-Тани и Президент Индонезии Джоко Видодо. В саммите также приняла участие представительная иранская делегация. Премьер-министр Малайзии Махатхир Мохаммад заявил о том, что это мероприятие должно стать первым шагом на пути к поиску путей излечения исламского мира от многочисленных болезней.

На конференции были обсуждены проблемы беженцев в исламском мире, вопрос продовольственной безопасности, проблемы национальной и культурной идентичности и исламофобии в современном мире. Другими вопросами, затронутыми на конференции, стали безопасность, технологии, торговля и растущая роль Интернета в современном мире. В то же время представители Саудовской Аравии не были приглашены на данный форум³³⁷. Напомним, что Саудовская Аравия с конца 1970-х гг. претендовала на роль морального и политического лидера суннитской уммы. В 1981 г. король Саудовской Аравии принял титул «хранителя двух святынь» (священной Мекки и благородной Медины). Финансовое благополучие КСА,

---

³³⁶ عبد الباري عطوان. هل تُدخّل ترامب فعلاً لمنع التدخّل العسكري لإسقاط النظام في قطر؟ // رأي اليوم. 21.09.2017 [Атван А. Действительно ли Трамп вступился, чтобы не допустить военное вторжение и свержение режима в Катаре? (на араб. яз.) // Рай аль-йаум. 21.09.2017]. URL: <http://www.raialyoum.com/?p=747192> (дата обращения: 22.01.2021).

³³⁷ Saqib Sheikh. Muslim world faces potential geopolitical shift. URL: <https://www.asiatimes.com/2019/12/opinion/muslim-world-faces-potential-geopolitical-shift> (дата обращения: 22.01.2021).

обусловленное потоками нефтяных доходов, позволило Эр-Рияду как оказывать экономическую помощь целому ряду мусульманских государств, так и вести пропаганду ваххабизма. С этого времени Саудовская Аравия считалась и негласным лидером в рамках Организации «Исламская Конференция» (в настоящее время – «Организация Исламского Сотрудничества», ОИС). Однако события последнего 5-летия вызвали серьезное разочарование политикой Саудовской Аравии у мусульманских политиков и представителей духовенства.

По мнению катарского журналиста Джабера аль-Харамии, саммит в Малайзии должен был заложить основы нового исламского альянса, который способен разработать совместные проекты, включая введение общей валюты. Он писал: «Эта амбициозная инициатива находится в соответствии с чаяниями участвующих в ней государств. Внимание исламского блока будет фокусироваться на развитии, эффективном управлении и оборонной промышленности, и здесь может пригодиться опыт Катара»³³⁸. Малайзийский эксперт Сакиб Шейх считал, что «образование совместного исламского альянса Малайзии, Пакистана и Турции представляет собой геополитический сдвиг такого же масштаба, как и появление “шиитского полумесяца” в начале 2000-х гг.»³³⁹. По нашему мнению, говорить об образовании этого альянса было преждевременно. Турция, Малайзия и Пакистан имеют различные интересы в глобальной системе международных отношений, располагаясь в трех различных регионах – Ближнего Востока, Южной и Юго-Восточной Азии. Единственно, что могло бы объединить их усилия, так это противостояние саудовской гегемонии в исламском мире. Однако Пакистан, например, будучи зависимой от КСА державой и получая оттуда экономическую помощь, не был заинтересован в ухудшении

---

³³⁸ *Cafiero G., Al-Jaber Kh.* Kuala Lumpur summit: A challenge to Saudi leadership? URL: <https://www.mei.edu/publications/kuala-lumpur-summit-challenge-saudi-leadership> (дата обращения: 22.01.2021).

³³⁹ *Saqib Sheikh.* Muslim world faces potential geopolitical shift. URL: <https://www.asiatimes.com/2019/12/opinion/muslim-world-faces-potential-geopolitical-shift> (дата обращения: 22.01.2021).

двусторонних отношений с Эр-Риядом.

Говоря о турецко-иранском внешнеполитическом взаимодействии, нельзя не упомянуть о трехстороннем механизме по запуску мирного процесса в Сирии, созданном в 2017 г. совместно Россией, Турцией и Ираном. Несмотря на то что в процессе гражданской войны Турция, с одной стороны, и РФ и Иран, с другой, поддерживали разные стороны конфликта, турецкое правительство нашло смелость начать миротворческий процесс в САР, что благотворно сказалось на ходе конфликта и снизило уровень насилия в этой арабской стране.

Ситуация в регионе вновь качественно изменилась в начале 2021 г. Это было связано с трансформацией ближневосточной политики США после прихода к власти демократической администрации Байдена и саудовско-катарского примирения в январе 2021 г. Новая американская администрация демонстрировала тогда настрой на диалог с Ираном, решение иранской ядерной проблемы (ИЯП). В этой связи был снижен уровень стратегического партнерства Вашингтона с Саудовской Аравией. Это выразилось в замораживании сделки на покупку КСА и ОАЭ американского оружия на сумму 36,4 млрд долл. и исключение йеменского движения «Ансар Аллах» из списка террористических организаций³⁴⁰.

Зафиксированное на саммите ССАГПЗ в саудовском г. Аль-Уля 5 января 2021 г. примирение между КСА и Катаром, несомненно, явилось одним из наиболее значимых событий в политической жизни Ближнего Востока за последние годы. Примирение включало в себя несколько пунктов: во-первых, окончание наземной, морской и воздушной блокады Катара со стороны Саудовской Аравии; во-вторых, отмена ответных ограничительных мер Катара на транзит из КСА; в-третьих, прекращение пропагандистской войны в СМИ³⁴¹. При этом наблюдатели указывают на смягчение до того

---

³⁴⁰ *Strobel W.* Biden re-examining US arm sales to Saudi Arabia, UAE. URL: <https://www.wsj.com/articles/biden-freezes-u-s-arm-sales-to-saudi-arabia-uae-11611773191> (дата обращения: 04.04.2021).

³⁴¹ Full transcript of Al-Ula GCC Summit Declaration: Bolstering Gulf unity. URL: <https://English.alarabiya.net/News/gulf/2021/01/06/Full-transcript-of-AlUla-GCC-Summit-Declaration->

жесткой позиции телекомпании «Аль-Джазира» по отношению к КСА и Египту (здесь наблюдается почти примирительный тон). В то же время пропагандистская война против ОАЭ продолжилась.

Интересно, что на саммите в Саудовской Аравии принял участие зять и советник Президента США Д. Трампа по вопросам Ближнего Востока Джаред Кушнер. При этом удивление вызывает тот факт, что администрация Трампа, практически не обращавшая внимание на этот конфликт в течение 3 лет и пустившая его на самотек, вдруг озаботилась саудовско-катарскими противоречиями, когда Трампу осталось занимать президентский пост менее 2 месяцев. В связи с этим главный редактор газеты «Рай аль-йум» Абдельбари Атван предположил, что истинной причиной заботы Вашингтона об аравийском единстве являлось намерение Трампа под занавес своего президентства нанести совместный с Израилем удар по Ирану³⁴².

Касаясь израильского фактора, необходимо затронуть также турецкую реакцию на «Соглашения Авраама» – договоренности о признании Израиля небольшой группой арабских государств, заключенные при посредничестве США в августе–сентябре 2020 г. Два арабских государства Персидского залива – Бахрейн и ОАЭ – присоединились к этому процессу. Турция, находившаяся к тому времени в напряженных отношениях с Израилем и позиционировавшая себя в качестве защитника интересов палестинского народа, осудила в заявлении МИД данные шаги правительств аравийских монархий. В заявлении, в частности, говорилось: «Односторонняя попытка ОАЭ подорвать мирную арабскую инициативу, выдвинутую Лигой Арабских Государств по инициативе Саудовской Аравии в 2002 г. и поддержанную “Организацией Исламского Сотрудничества”, вызывает крайнюю озабоченность. Попытки представить трехстороннюю инициативу [США, Израиля и ОАЭ] как поддержку палестинского дела абсолютно

Bolstering-Gulf-unity (дата обращения: 04.04.2021).

³⁴² اليوم رأي // السعودية في الخليجية المصالحة لقمة الحقيقية الأهداف تلخص أن يمكن ملاحظات ثلاث. عطان الباري عبد 06.01.2021 [Атван А. Три наблюдения могут показать реальные цели саммита в Саудовской Аравии по примирению в Персидском заливе (на араб. яз.) // Рай аль-йаум. 06.01.2021]. URL: <https://www.raialyoum.com/index.php> (дата обращения: 04.04.2021).

неубедительны. Используя план США, который не имеет никакой ценности, обречен на провал и служит инструментом продвижения скрытой американской повестки, ОАЭ игнорируют волю палестинского народа»³⁴³.

Российский исследователь А.В. Гофман оценивает Соглашения Авраама как дополнительный раздражитель в отношениях между Турцией и ОАЭ³⁴⁴.

Катарско-саудовское примирение заметно сказалось на интересах Турции в регионе Персидского залива. Во-первых, после окончания блокады нужда Дохи в турецком союзнике сильно уменьшилась. Стало ясно, что Катар больше не будет спасать турецкую экономику своими займами, как он это делал дважды во время экономических кризисов 2018–2020 гг. Во-вторых, катарское руководство пошло на определенные уступки аравийской коалиции в части, касающейся поддержки «Братьев-мусульман». На повестку дня турецкой внешней политики вышло улаживание конфликтов с Саудовской Аравией и ОАЭ для возвращения выгодных рынков и преодоления относительной политической изоляции, в которую попала Турецкая Республика в регионе.

В 2021–2023 гг. обозначился тренд на нормализацию отношений Турции с ОАЭ и Саудовской Аравией. 24 ноября 2021 г. наследный принц Абу-Даби и фактически руководитель ОАЭ Мухаммед бен Заид аль-Нахайян (с мая 2022 г. – Президент ОАЭ) посетил Анкару с официальным визитом, в ходе которого обсуждались вопросы развития двусторонних политических и экономических отношений, сирийский и ливийский кризисы, палестинская проблема. Визиту предшествовал телефонный разговор между Р.Т. Эрдоганом и Мухаммедом бен Заидом, состоявшийся 31 августа 2021 г. В ходе беседы, по информации британского журналиста Дэвида Херста, руководитель ОАЭ предложил турецкому Президенту кредиты и инвестиции

---

³⁴³ Press Release regarding the Joint Statement by the United States, Israel and United Arab Emirates // Turkiye Ministry of Foreign Affairs. 14.08.2020. № 173. URL: www.mfa.gov.tr/no_-173_-abd-israil-ve-bae-terafindan-aciklanan-ortak-bildiri-hk.en.mfa (дата обращения: 04.04.2021).

³⁴⁴ Гофман А.В. Мир Ближнему Востоку: изменят ли «Соглашения Авраама» историю? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/middle-east/mir-blizhnemu-vostoku-izmenyat-li-soglasheniya-avraama-istoriyu> (дата обращения: 04.04.2021).

на сумму в 10 млрд долл.³⁴⁵.

Таким образом, в отношениях между двумя государствами обозначился очевидный прорыв. С турецкой стороны основным драйвером в целях нормализации отношений послужили затяжной экономический кризис и падение курса национальной валюты. В этих условиях в Анкаре рассчитывают на то, что улучшить ситуацию в турецкой экономике могут очередные «зеленые инвестиции» из стран ССАГПЗ, подобные тем, которые имели место в 2002–2005 гг.

Что касается ОАЭ, то здесь можно назвать три основные причины миролюбивого курса в отношении Турции: во-первых, поспешная эвакуация американских войск из Афганистана показала, что США больше не являются гарантом безопасности своих союзников; во-вторых, движение «Братья-мусульмане» после поражения во всех арабских странах не представляют серьезной угрозы для безопасности ОАЭ и КСА; в-третьих, эти монархии реализуют амбициозные программы экономического развития и нуждаются не в конфронтации, а в нормальных отношениях с соседними государствами. В этот курс вписывается и примирение ОАЭ и Саудовской Аравии с Ираном³⁴⁶. Впрочем, говорить о каких-либо конкретных результатах положительных сдвигов в дипломатической сфере пока еще рано.

Внешнеполитические противоречия между Турцией, с одной стороны, и Саудовской Аравией и ОАЭ, с другой, привели к тому, что отношения Турецкой Республики с этими арабскими монархиями в течение 5 лет трансформировались из стратегического партнерства в конфронтацию. Такая ситуация является нетерпимой как для Анкары, так и для ее арабских партнеров. За период с начала «арабских революций» появилась напряженность в отношениях Турции со многими арабскими государствами,

---

³⁴⁵ *Hearst D.* MBZ is performing a U-turn that could reshape the Middle East // Middle East Eye. 15.09.2021. URL: <https://www.middleeasteye.net/opinion/uae-foreign-policy-swerve-could-reshape-middle-east> (дата обращения: 04.04.2022).

³⁴⁶ *Üstün K.* Turkey–UAE: Why MBZ’s visit could mark the start of a new era // Middle East Eye. 29.11.2021. URL: <https://www.middleeasteye.net/opinion/turkey-uae-mbz-visit-start-new-era> (дата обращения: 04.04.2022).

что существенно сузило возможности внешнеполитических действий Анкары. При этом были испорчены отношения с Сирией, Египтом, Израилем, Саудовской Аравией, ОАЭ. Единственным надежным партнером Анкары в регионе остался эмират Катар, но его возможностей недостаточно для того, чтобы держать турецкую экономику на плаву.

Одновременно дипломатическая изоляция мешает Турции отстаивать свою позицию при разграничении шельфа Восточного Средиземноморья. Для арабских монархий длительная конфронтация с Турцией также нежелательна, так как в условиях конфронтации Саудовской Аравии и ОАЭ с Ираном открывать «второй фронт» дипломатического противостояния с Турцией было бы для них достаточно накладно. Таким образом, нормализация отношений Турции с этими двумя арабскими монархиями стоит на повестке дня. Безусловная поддержка Катаром Турции в дипломатическом кризисе была вызвана геополитическими причинами. Наличие турецкой военной базы в Катаре позволяет турецкому руководству закрепиться на берегах Персидского залива. Военное присутствие Турции в этом важном регионе содействует неоосманским амбициям по доминированию на Ближнем Востоке. Однако односторонняя и безоговорочная поддержка Катара привела к существенному ухудшению отношений Турции с крупнейшей державой ССАГПЗ – Саудовской Аравией, а также с ОАЭ.

Что касается Бахрейна, то его антикатарская и антитурецкая позиция обусловлена зависимостью этой небольшой монархии от КСА. В связи с тем, что после заключения «примиренческого» соглашения на саммите ССАГПЗ в г. Аль-Уля турецкая поддержка потеряла для этого эмирата критическую значимость, правительство в Дохе уменьшило экономическую помощь Турции. В этих условиях Анкаре приходится нормализовать и заново выстраивать свои отношения с КСА и ОАЭ. Ретроспективно необходимо отметить, что Турции в противостоянии Катара с арабской «четверкой» было бы выгоднее занять позицию по образу и подобию Кувейта, то есть принять

роль посредника между враждующими сторонами.

3.2. Турецкая политика в регионе Красного моря и Африканского Рога: соперничество и партнерство с государствами ССАГПЗ

Внешиполитическое соперничество Турции с Саудовской Аравией и ОАЭ распространилось не только на Сирию и Ливию, но и на важный с геостратегической точки зрения регион Африканского Рога, являющийся в полном смысле слова «мягким подбрюшьем» Саудовской Аравии и Эмиратов. При этом, как и в Ливии, Турция выступает здесь в тандеме со своим аравийским союзником Катаром.

Особое значение для турецких интересов на Африканском континенте имеют мусульманские страны, расположенные в регионе Африканского Рога, – Сомали, Судан и примыкающая к ним Эфиопия. Последняя не считается мусульманским государством, хотя мусульмане там составляют 50% населения. Несмотря на это геополитическая и экономическая роль этого государства неуклонно повышается. Фактором, осложняющим турецкое присутствие в этих государствах, является соперничество Анкары с другими региональными исламскими державами (КСА, ОАЭ и АРЕ), которые осуществляют на Африканском континенте собственные проекты, конкурирующие с турецкими.

В качестве опорного пункта Турции на Африканском континенте была выбрана такая страна, как Сомали. Отчасти это объясняется тем, что эта страна по причине своей политической специфики к началу XXI в. не входила в сферу влияния ни одной из великих держав. В 1988–2009 гг. в Сомали шла гражданская война, закончившаяся перемирием, заключенным при посредничестве Африканского союза. При этом на начальном этапе она носила характер межплеменной и межклановой борьбы, а в 2006–2009 гг. – войны федерального правительства Сомали, поддержанного внешними силами (прежде всего, США и Эфиопией) против радикальной исламистской организации «Союз Исламских судов» (СИС). С этого времени в Сомали

размещены миротворческие силы Африканского союза (АМИСОМ).

Окончание «горячей» фазы сомалийского конфликта не принесло, однако, полной политической стабилизации. Под контролем федерального правительства в Могадишо находится около 60% территории страны. В то же время существуют значительные анклавы, не признающие контроль центрального правительства. К ним относится республика Сомалиленд на севере страны – непризнанное государство, стремящееся к международному признанию и полной независимости, и автономная территория Пунтленд на северо-востоке. Одновременно в стране до сих пор действуют радикальные исламистские группировки, тесно сотрудничающие с международной террористической организацией «Аль-Каида». Наиболее крупной из них является «Аш-Шабаб» («Молодежь»). Экстремисты продолжают регулярно совершать в Сомали террористические акты³⁴⁷.

Главной причиной неразрешенности конфликта в Сомали являются межплеменные противоречия (трайбализм), соперничества различных субэтносов сомалийского народа. Основными субэтнотами являются хавие и раханвейн в центре и на юге страны (к раханвейн также относятся сомалийцы, проживающие на территории соседней Кении), племена дир и исак, проживающие на территории современного Сомалиленда и эфиопской провинции Огаден (составляют около 20% сомалийцев), племя дарод, проживающее в Пунтленде и в Огадене (к нему относятся 30% сомалийцев). Племя хавие доминирует в столице Могадишо. Его представители составляют большинство в нынешнем федеральном правительстве Сомали. В то же время племена дир и исак занимают господствующее положение в Сомалиленде, а субэтнос дарод – в Пунтленде³⁴⁸. Борьба за ресурсы между данными субэтнотами способствует продолжению сомалийского кризиса.

Активная фаза турецко-сомалийского сотрудничества началась в 2011 г., когда турецкие фонды (в частности, Турецкое агентство по развитию

---

³⁴⁷ *Алейников С.В.* Политическая ситуация и проблемы национального примирения в Сомали. М.: Институт Ближнего Востока, 2012. С. 24.

³⁴⁸ *Алейников С.В.* Сомалийские племена. М.: Институт Ближнего Востока, 2014. С. 16–52.

(ТІКА)) выделили Сомали первую экономическую помощь. Тогда же турки оказали Сомали гуманитарную помощь для борьбы с голодом. Реджеп Тайип Эрдоган впервые посетил Сомали с официальным визитом еще в августе 2011 г., будучи премьер-министром, несмотря на предостережения его окружения по поводу недостаточной безопасности³⁴⁹.

В январе 2015 г. состоялся второй визит Р.Т. Эрдогана в Сомали. В 2018 г. товарооборот между двумя государствами составил 200 млн долл., а турецкие прямые инвестиции в Сомали – 100 млн долл. (очень значительная сумма для такой бедной страны). Объем экономической и гуманитарной помощи, оказанной за 8 лет, составил 500 млн долл. По мнению сомалийского дипломата и политолога, бывшего посла Сомали в США А. Армана, «500 млн долл., выделенных Турцией на помощь Сомали, были потрачены гораздо эффективнее, чем 55 млрд долл. помощи, поступившей в 1993–2013 гг. по линии США, Африканского и Европейского союзов»³⁵⁰. При турецком финансировании был восстановлен порт Могадишо и построен международный аэропорт. Операторами данного аэропорта в настоящее время являются турецкие компании. Единственными зарубежными авиакомпаниями, представленными в Сомали, являются Turkish Airlines и Qatar Airways³⁵¹. Также были построены сотни километров дорог, школы и мечети (естественно, на территориях, подчиняющихся правительству в Могадишо). Добрые личные отношения связывают Реджепа Тайипа Эрдогана и Президента Сомали в 2017–2022 гг. Мохаммеда Абдуллахи (Формаджо).

Турецкое правительство стремится к освоению нефтяных, газовых и горнодобывающих перспектив Сомали. При этом создаются механизмы, позволяющие как частным, так и государственным компаниям исследовать энергетические возможности этой страны. В 2016 г. были подписаны Меморандум о взаимопонимании между Турцией и Сомали о

---

³⁴⁹ *Arman A.* Erdoğan: the hero of Somalia. URL: <https://www.aljazeera.com/opinions/2015/1/21/erdogan-the-hero-of-somalia> (дата обращения: 14.05.2021).

³⁵⁰ Ibid.

³⁵¹ *Rubio P.* Somalia, Erdoğan's spearhead in East Africa. URL: <https://atalayar.com/en/content/somalia-erdogans-spearhead-east-africa> (дата обращения: 14.05.2021).

всеобъемлющем сотрудничестве в области энергетики и горнодобывающей промышленности; Меморандум о сотрудничестве в области энергетики (сосредоточен на проектах по разведке, добыче и переработке углеводородов); Меморандум о переработке, хранению, сбыту и распределению природного газа; Меморандум о нефтехимии и производных продуктов³⁵².

Возвращаясь с конференции в Берлине 20 января 2020 г., Президент Реджеп Тайип Эрдоган отметил, что правительство Сомали пригласило турецкие компании провести буровые и разведочные работы в своих водах. Турецкий Президент так прокомментировал это сомалийское предложение: «Они [сомалийцы] сказали: в наших прибрежных водах есть нефть. Вы выполняете аналогичные работы в Ливии, но вы также можете сделать это и у нас. Для нас, Турции, это очень важно»³⁵³. Наконец, 14 ноября 2020 г. появилась информация о том, что турецкое правительство заплатило часть долга Сомали перед МВФ. В результате задолженность Сомали перед этой международной финансовой организацией сократилась с 5,2 млрд долл. в 2018 г. до 3,7 млрд долл. по состоянию на конец 2020 г.³⁵⁴.

Отдельно необходимо упомянуть о военном и военно-техническом сотрудничестве между Турцией и Сомали. Турция считает Сомалийскую Национальную Армию (СНА), подчиняющуюся правительству в Могадишо, гарантом своего присутствия не только в этой стране, но и в стратегически важном регионе Африканского Рога. Поэтому Анкара продолжает оказывать ей помощь, поставляя военную технику и обучая военный персонал. Благодаря своей учебной базе и военно-техническому сотрудничеству с Сомали Анкара стремится стать реальной альтернативой в случае вывода войск Миссии Африканского союза в Сомали (АМИСОМ) и превратиться в

---

³⁵² Ibid.

³⁵³ Erdoğan says Somalia invited Turkey to explore for oil offshore. URL: <https://www.aljazeera.com/economy/2020/1/21/erdogan-says-somalia-invited-turkey-to-explore-for-oil-offshore> (дата обращения: 14.05.2021).

³⁵⁴ Turkey pays off portion of Somalia's IMF debt. URL: <https://english.alaraby.co.uk/english/News/2020/11/7/Turkey-pays-off-portion-of-Somalias-IMF-debt> (дата обращения: 14.05.2021).

доминирующую силу в формировании сомалийской армии.

Посол Турции в Могадишо Мехмет Йылмаз 4 октября 2020 г. в беседе с турецким информационным агентством «Anadolu» заявил, что военное сотрудничество между двумя государствами имеет решающее значение и что сомалийские офицеры, окончившие учебной военной центр Анкары, составят костяк вооруженных сил этой страны. Турецкий посол подчеркнул, что около трети сомалийских военнослужащих пройдут обучение в Турции, причем 2500 из них уже закончили учебу. Параллельно с учебными программами турецкое правительство в августе 2020 г. передало сомалийским военным 12 новых бронетранспортеров. Они будут использоваться сомалийским спецподразделением, тренированным турецкими инструкторами. В 2018 г. Анкара поставила в Сомали 450 штурмовых винтовок МРТ-76 для борьбы с террористами из группировки «Аш-Шабаб»³⁵⁵.

Отдельно необходимо упомянуть о турецкой военной базе, размещенной на территории Сомали. Самая большая зарубежная военная база турецких вооруженных сил Camp TURKSOM была создана в Могадишо в сентябре 2017 г. На этой базе, строительство которой обошлось в 50 млн долл. и которая занимает площадь 4 км², одновременно могут обучаться 1500 солдат. Начальник Генштаба, а ныне министр обороны Хулуси Акар заявил на церемонии открытия этого объекта: «Это самая большая тренировочная база такого рода за пределами Турции. Правительство Турции и ее армия окажут всю необходимую поддержку нашим братьям в Сомали»³⁵⁶.

Важность военного присутствия Турции в Сомали определяется стратегическим расположением этой страны в регионе Африканского Рога.

---

³⁵⁵ Быстров А.А. Турция укрепляет свои позиции в Сомали на фоне конкуренции с США. URL: <http://www.iimes.ru/?p=73567> (дата обращения: 14.05.2021); Tene A. О политике Турецкой Республики в регионе Красного моря и Африканского Рога в контексте ее соперничества с другими исламскими государствами // Исламоведение. 2021. № 1 (47). С. 55–67.

³⁵⁶ Быстров А.А. Турция укрепляет свои позиции в Сомали на фоне конкуренции с США. URL: <http://www.iimes.ru/?p=73567> (дата обращения: 14.05.2021).

Правящие круги Турции надеются, что тесный альянс с этим африканским государством и присутствие там турецкой военной базы дадут Анкаре доступ в Индийский океан и стратегически важный регион Красного моря, по которому идут основные поставки нефти в Европу. Активизация внешней политики Турции требует политического и военного присутствия в регионах Персидского залива, Северной Африки и Африканского Рога. Этому, в частности, посвящена статья Мехмета Канджы «Новая турецкая геостратегия от Дохи до Триполи: охранять территорию», опубликованная на сайте агентства «Anadolu». В ней автор пишет о важнейшей для Турции, по его мнению, геополитической линии «Катар – Северный Кипр – Ливия – Сомали»³⁵⁷. Можно констатировать, что турецкое руководство выбрало в качестве стратегического партнера в регионе наиболее бедное и нестабильное государство. При этом обеспечение геополитических интересов Турции позиционировалось как помощь африканцам в рамках «исламской солидарности».

Параллельно с укреплением присутствия в Сомали турецкое руководство на протяжении последних лет делало попытки закрепиться в Судане. В ходе визита в Судан 23–24 декабря 2017 г. Президента Эрдогана ряд его заявлений спровоцировал напряженность в регионе Красного моря. Российский исследователь А.А. Кузнецов пишет по этому поводу: «Во время посещения Судана турецкий Президент огласил план турецких инвестиций в создание морского порта на острове Суакин около Красноморского побережья этой африканской страны. В 1517 г. турецким султаном Селимом на этом островке были возведены османские казармы и штаб-квартира турецкого флота на Красном море. В результате войны 1883–1885 гг. остров достался англичанам, построившим здесь свои казармы. После строительства в 1922 г. британцами порта военное и экономическое значение Суакина резко

---

³⁵⁷ *Kancı M.* Turkey's new geostrategy. From Doha to Tripoli defending an area. URL: <https://www.aa.com.tr/en/analysis/analysis-turkey-s-new-geostrategy-from-tripoli-to-doha-defending-an-area/1682719> (дата обращения: 14.05.2021).

упало, и к 1939 г. он уже был полупустынным островом, покинутым большинством жителей»³⁵⁸.

Неслучайно турецкий лидер обвинил британских колонизаторов в уничтожении экономики Судана. Выступая в Университете Хартума, он отметил: «Они разрушили его до основания. Это в их [западников] природе. Разрушение этого места подобно сбриванию наших бород колонизаторами. Но мы восстановим и отстроим это место и, как отросшая борода, оно станет еще пышнее»³⁵⁹. Эрдоган довольно резко охарактеризовал британскую колониальную политику в Судане: «Колонизаторы всегда шли на запах нефти, как акулы идут на запах крови»³⁶⁰.

Во время данного визита Президент Эрдоган анонсировал программу возрождения Суакина, в которую турки готовы были инвестировать 650 млн долл. Она предусматривает строительство там гостиницы на 330 номеров, оформленной в виде османского караван-сарая. Гостиница предназначена для паломников с Африканского континента, направляющихся в хадж в Мекку. С острова они будут добираться в Джидду кораблем. Соглашение также предусматривало строительство в Суакине порта для ремонта турецких торговых и военных судов³⁶¹. Отметим, что заигрывания Анкары с Суданом происходили в период нахождения у власти в этой стране Президента Омара аль-Башира, возглавлявшего партию «Всеобщий Национальный Конгресс» (ВНК), близкую по идеологии движению «Братьев-мусульман». После того, как режим О. аль-Башира пал в результате массовых народных выступлений в 2019 г., к власти в Хартуме пришло новое руководство во главе с генералом Абдель Фаттахом аль-Бурханом, тесно связанное с Саудовской Аравией и

---

³⁵⁸ Кузнецов А.А. Турция включается в геополитическую игру на Красном море. URL: www.iimes.ru/?p=40548 (дата обращения: 01.11.2022).

³⁵⁹ Moubayed S. Erdoğan snares an ancient port on the Red Sea – with the funds of Qatar? URL: <https://asiatimes.com/2018/01/erdogan-snares-ancient-port-red-sea-funds-qatar> (дата обращения: 01.11.2022).

³⁶⁰ Ibid.

³⁶¹ Moubayed S. Erdoğan snares an ancient port on the Red Sea – with the funds of Qatar? URL: <https://asiatimes.com/2018/01/erdogan-snares-ancient-port-red-sea-funds-qatar> (дата обращения: 01.11.2022).

ОАЭ. После этого суданско-турецкие отношения пошли на спад.

Подобная активизация турецкой экспансии в регионах Африканского Рога и Красного моря не могла не вызвать противодействие со стороны других значительных мусульманских государств – Саудовской Аравии, ОАЭ и Египта, имеющих традиционные интересы в этой части мира и вовлеченных в происходящие там политические процессы. Необходимо отметить, что эти процессы напрямую затрагивают национальную безопасность Саудовской Аравии и Египта. Что же касается Объединенных Арабских Эмиратов, то они превратились в крупнейший транспортный хаб Ближнего Востока и ведут планомерную деятельность по скупке портовых активов в Йемене, Эритрее и Сомалиленде. За последнее десятилетие значение Африканского Рога в мировой политике и экономике значительно возросло. Американский исследователь Джон Калабрезе отмечает несколько периодов вовлеченности данного региона в мировую политику: в период «холодной войны» он был ареной активного соперничества между США и СССР; позднее, в 1990-е гг., мировые державы на время потеряли интерес к нему, но в настоящее время он вновь становится одним из ключевых мест на планете. Его востребованность объясняется геополитическим и экономическим факторами. Первый состоит в том, что контроль над Африканским Рогом позволяет доминировать над морскими путями Красного моря и Баб Эль-Мандебского пролива. Второй объясняется динамичным экономическим развитием одной из крупнейших стран Африки с населением около 100 млн человек – Эфиопии³⁶². Саудовская и эмиратская дипломатия сыграли большую посредническую роль в прекращении конфликта между Эфиопией и Эритреей и подписании мирного соглашения между двумя государствами в 2018 г. Катар также осуществлял посреднические усилия в урегулировании конфликтов в Дарфуре, Сомали,

---

³⁶² *Calabrese J.* The Bab el-Mandeb Strait: regional and the great power rivalries on the shores of the Red Sea. URL: <https://www.mei.edu/publications/bab-el-mandeb-strait-regional-and-great-power-rivalries-shores-red-sea> (дата обращения: 01.11.2022).

между Эритреей и Джибути. Основными инвесторами в экономику региона являются аравийские монархии (Саудовская Аравия, ОАЭ и Катар) и Китай. В 2000–2017 гг. страны ССАГПЗ вложили в экономику Африканского Рога (главным образом, в Эфиопию и Судан) 13 млрд долл.³⁶³.

Особенно активную деятельность развернули Объединенные Арабские Эмираты. Компания Dubai Ports (DP) World приобрела активы портов в Бербере (Сомалиленд), Джибути (порт Доралех), Ассэбе (Эритрея). Дополнительно для усиления контроля над Баб Эль-Мандебским проливом эмиратцы взяли в концессию у просаудовского правительства Йемена порт в Адене и остров Сокотра. Впрочем, в 2019 г. эмиратские компании были вытеснены из порта Джибути китайским капиталом. Китайская компания China Merchants Port (CM Port) приобрела контрольный пакет акций порта Доралех и намерена обустривать в этом небольшом африканском государстве как портовые сооружения, так и Международную торговую зону³⁶⁴.

Для нашей темы особый интерес представляет проникновение ОАЭ в Сомалиленд, так как этот де-факто независимый анклав является конкурентом и противником федерального правительства в Могадишо. Бывшее руководство Сомалиленда на протяжении нескольких лет предлагало правительствам ОАЭ и Франции приобрести бывшую военную базу СССР в Бербере. Надо отметить, что такие предложения делались Харгейсой (столица Сомалиленда) в свое время и Российской Федерации, но российское правительство отказалось от этой сомнительной сделки. Тогда данной темой заинтересовались ОАЭ и Франция. При этом правительство Франции проиграло Объединенным Арабским Эмиратам. Российский эксперт по Ближнему Востоку А.А. Быстров объясняет это тем, что руководству ОАЭ удалось коррумпировать бывшего Президента Сомалиленда Силаньо.

---

³⁶³ Ibid.

³⁶⁴ *Calabrese J.* The Bab el-Mandeb Strait: regional and the great power rivalries on the shores of the Red Sea. URL: <https://www.mei.edu/publications/bab-el-mandeb-strait-regional-and-great-power-rivalries-shores-red-sea> (дата обращения: 01.11.2022).

Последнему были предоставлены несколько миллионов долларов наличными, а также недвижимость в ОАЭ и пожизненное обслуживание в одном из престижных медицинских центров страны³⁶⁵.

А.А. Быстров отмечает: «Эта сделка, как и предполагалось изначально, вызвала отрицательную реакцию со стороны федерального правительства Сомали. Могаддишо совершенно справедливо полагает ее юридически ничтожной, так как она была проведена сепаратистами без разрешения центральных властей на ее осуществление. Главе Сомали удалось заручиться поддержкой Саудовской Аравии в рамках подачи исков в международный арбитраж. Перспектива изначально проигрышного дела (организация военной базы в противоречии международному праву) в свое время отпугнула от правительства Сомалиленда многих потенциальных покупателей. Руководство Саудовской Аравии в этой связи играет на недовольстве Президента Сомали Формаджо излишней самостоятельностью Харгейсы [столица Сомалиленда] с целью всячески затруднить своим союзникам в лице ОАЭ попытки усилить свое влияние через строительство военных баз в регионе Африканского Рога. На нынешнего Президента Сомали оказывается в рамках этой борьбы за влияние давление со многих сторон. В свое время в период его избрания ему была оказана финансовая поддержка из Катара. Это предопределило его “двурушническую” позицию в рамках нынешнего конфликта между арабской “четверкой” (КСА, ОАЭ, АРЕ и Бахрейн) и Катаром. При этом нынешний Президент Сомали хочет остаться в хороших отношениях как с Катаром, так и с тандемом Саудовская Аравия – ОАЭ»³⁶⁶.

Нежелание Формаджо четко артикулировать свою антикатарскую позицию привело к тому, что ОАЭ и КСА понизили или сократили помощь его правительству. При этом ОАЭ, в частности, работали непосредственно с

---

³⁶⁵ Быстров А.А. Сомали против Сомалиленда в схватке за базу в Бербере. URL: <http://www.iimes.ru/?p=42265> (дата обращения: 01.11.2022).

³⁶⁶ Быстров А.А. Сомали против Сомалиленда в схватке за базу в Бербере. URL: <http://www.iimes.ru/?p=42265> (дата обращения: 01.04.2022).

сомалийскими непризнанными государствами, такими как Сомалиленд, чтобы подорвать центральное правительство Сомали и даже предложили деньги сомалийским законодателям за то, чтобы они вынесли вотум недоверия нынешнему кабинету министров. Эта попытка Абу-Даби дестабилизировать ситуацию в Сомали была вовремя предотвращена Президентом Формаджо, который направил в феврале 2018 г. своих эмиссаров в Турцию, где проживает руководство сомалийской оппозиции и люди из окружения бывшего Президента Шейха Махамуда. Сторонникам Формаджо удалось достигнуть с ними компромисса по вопросу ротации ряда министров и замены их на более устраивавшие оппозицию фигуры. Таким образом, попытка Абу-Даби устроить в Сомали конституционный переворот провалилась³⁶⁷.

Необходимо отметить еще один важный момент соперничества исламских государств в регионе Африканского Рога. Он связан с конфликтом между Катаром, с одной стороны, и арабской «четверкой» (Саудовская Аравия, ОАЭ, Египет, Бахрейн), с другой. Учитывая стратегическое партнерство между Турцией и Катаром, в Эр-Рияде и Абу-Даби подразумевают, что турецкое проникновение в страны региона означает и катарскую экспансию. Соперничество между Катаром и аравийской «четверкой» на сомалийской площадке иллюстрируется одним примером. В январе–апреле 2018 г. резко обострилась борьба за власть в Сомали. 3 января 2018 г. премьер-министр Сомали Хасан Али Хайре по представлению Президента Мохаммеда Абдуллахи Формаджо уволил 3 министров своего кабинета. Ими оказались шеф внешнеполитического ведомства Юсуф Омар, руководитель МВД Абди Фараха Саид и министр торговли Хадра Ахмед Дуале. Они были заменены, соответственно, на посла Сомали в США Ахмеда Иссу Авада, руководителя крупнейшей телекоммуникационной компании Мохаммеда Абди Сабрие (ранее Президент Формаджо обвинял его в тайном

---

³⁶⁷ Быстров А.А. Что стоит за дезинформацией о строительстве российской военной базы в Сомалиленде. URL: <http://www.iimes.ru/?p=43377> (дата обращения: 01.11.2022).

финансировании исламистов из «Аш-Шабаб») и бывшего министра информации Мохаммеда Хаира Марее. При этом их отставка стала результатом жестких межклановых противоречий, сознательно стимулированных ОАЭ³⁶⁸.

По информации А.А. Быстрова, бывший министр внутренних дел Абди Саид был ставленником клана лидера оппозиции Абдирахмана Абдишакура, который был в том же году арестован в результате рейда полиции. Российский востоковед пишет: «А. Абдишакур был обвинен в получении финансовых средств от правительства и спецслужб ОАЭ для подкупа депутатов сомалийского парламента с целью свержения Президента Формаджо. Министр торговли и промышленности Хадра Ахмеда Дуале, принадлежащая к клану исак/хабир джелло, была отстранена от власти 3 января 2019 г. после того, как представители мощного клана хавийе/хабир гедир фактически выдвинули ультиматум Президенту страны Формаджо (клан дарод/марехан), премьер-министру Хасану Али Хайре (клан хавийе/мурусадэ) и их ближайшему окружению. Поводом для ультиматума послужило намерение министра торговли осуществить реструктуризацию Совета Торгово-промышленной палаты и устранить из него представителей клана хавийе/хабир гедир. В случае невыполнения своего ультиматума представители этого клана угрожали серьезным ухудшением ситуации в области безопасности в Могадишо. Этот момент подтверждает тезис о том, что многие террористические акты в столице страны, осуществляемые исламистами из “Аш-Шабаб”, так или иначе, связаны с внутренними межклановыми конфликтами. Кульминацией этого внутривластного противостояния стали переговоры бывшего активиста ваххабитского сомалийского движения “Аль-Иттихад Аль-Ислами” (данная партия тесно связана с Катаром), а ныне – главы президентской администрации Фахада Ясина Тахира с одним из лидеров оппозиции Абдикаримом Шейхом Гуледом

---

³⁶⁸ Быстров А.А. О влиянии противостояния Катара и ОАЭ на развитие внутривластной ситуации в Сомали. URL: <http://www.iimes.ru/?p=41490> (дата обращения: 01.04.2022).

в Стамбуле»³⁶⁹.

Гулед является членом группы «Ед-Дам Джадид» и лидером парламентской фракции в законодательном органе, которую возглавляет бывший сомалийский Президент Хасан Шейх Махамуд. Данная фракция также готовила законопроект о вынесении вотума недоверия действующему премьер-министру страны Х. Хайре. Однако в результате этих переговоров в Стамбуле ее лидеры отказалась от своего намерения. А.А. Быстров считает, что за действиями фракции экс-президента стояло руководство ОАЭ, намеревавшееся политическим путем заменить действующего Президента Формаджо на более удобного политика, соответствующего эмиратским интересам. Поводом для этого стало убеждение Абу-Даби в том, что Президент Формаджо находится в орбите влияния Турции и Катара и, соответственно, проводит политику, противоречащую интересам ОАЭ³⁷⁰.

На этом фоне контрастной выглядит позиция Эфиопии, старающейся сохранять дружественные отношения как с Саудовской Аравией и ОАЭ, так и с Катаром и Турцией. По мнению итальянского эксперта Джорджо Гаффиеро, премьер-министр Эфиопии Абий Ахмед (кстати, первый мусульманин, возглавляющий правительство этого государства за ее новейшую историю) «умело играл на противоречиях между внешними партнерами Эфиопии. При этом ему удалось привлечь значительную финансовую помощь и остаться нейтральным»³⁷¹. ОАЭ инвестировали в экономику Эфиопии (сельскохозяйственный, энергетический сектора и туризм) 3 млрд долл. и разместили 1 млрд долл. на депозитах в Национальном банке Эфиопии для стабилизации местной валюты. Одновременно после начала блокады Катара арабской «четверкой» летом

---

³⁶⁹ *Быстров А.А.* О влиянии противостояния Катара и ОАЭ на развитие внутривнутриполитической ситуации в Сомали. URL: <http://www.iimes.ru/?p=41490> (дата обращения: 01.04.2022).

³⁷⁰ *Быстров А.А.* О влиянии противостояния Катара и ОАЭ на развитие внутривнутриполитической ситуации в Сомали. URL: <http://www.iimes.ru/?p=41490> (дата обращения: 01.04.2022).

³⁷¹ *Gaffiero G.* Divide and survive: Ethiopia's relations with Gulf and Turkey. URL: <https://english.alaraby.co.uk/english/indepth/2020/6/25/Divide-and-survive-Ethiopia-balances-Gulf-Turkey-ties> (дата обращения: 01.04.2022).

2017 г. катарские бизнесмены проявили интерес к эфиопскому сельскохозяйственному сектору. В то же время Эфиопия занимает первое место в Африке по привлечению турецких капиталовложений: 2,5 млрд из 6 млрд долл. инвестиций, вложенных в черный континент³⁷².

Подводя итоги рассмотрению политики Турции в районе Африканского Рога и Красного моря, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, в своей внешнеполитической экспансии в данном регионе турецкое правительство опирается на Сомали – беднейшее государство региона, находящееся в кризисном состоянии. Анкара умело разыграла сомалийскую карту в то время, когда эта страна не представляла особого интереса для США и Саудовской Аравии.

Во-вторых, турецкое присутствие в Сомали непосредственно влияет на отношения Турецкой Республики с государствами ССАГПЗ. Турецкая поддержка Сомали осуществляется в координации с Катаром. В то же время основным конкурентом турок в регионе Африканского Рога выступают ОАЭ, покровительствующие сепаратистскому правительству Сомалиленда.

В-третьих, попытка Турции увеличить свою сферу влияния в этом регионе за счет Судана потерпела провал в связи со свержением режима Омара аль-Башира, идеологически и политически близкого «Братьям-мусульманам».

3.3. Взаимодействие Турции с «малыми» государствами Персидского залива (Бахрейн, Кувейт, Оман)

Отношения Турецкой Республики с королевством Бахрейн, эмиратом Кувейт и султанатом Оман не имеют такого же принципиального значения для Анкары, как взаимодействие с Катаром, Саудовской Аравией и ОАЭ. В данном параграфе мы отходим от хронологической последовательности, рассматривая сотрудничество Турции с этими странами в течение всего

---

³⁷² Ibid.

периода (2002–2021 гг.). Что касается экономики, возможности этих государств существенно уступают трем флагманам ССАГПЗ. Они не могут выступать крупными инвесторами в турецкую экономику. В политическом плане Бахрейн, Кувейт и Оман не являются региональными державами и не проводят активной самостоятельной внешней политики. Внешнеполитический курс Кувейта и Омана характеризуется нейтралитетом, а Бахрейн следует в фарватере Саудовской Аравии.

Такая ситуация обусловлена особой ролью КСА в обеспечении стабильности Бахрейна и сохранении там правящего режима. На Бахрейне суннитское меньшинство политически господствует над шиитским большинством, составляющим 70% населения. Название «Бахрейн» переводится с арабского языка как «королевство двух морей». В 1783 г. этот архипелаг, состоящий из нескольких небольших островов и принадлежавший до этого Ирану, был захвачен пиратами-суннитами, лидеры клана которых из рода аль-Халифа и стали султанами Бахрейна³⁷³.

В 1990-е гг. этой небольшой аравийской монархии удалось добиться определенных успехов в диверсификации экономики. В стране развивается цветная металлургия (производство алюминия на заводах компании Aluminium Bahrain), сталелитейная индустрия, легкая промышленность и туризм. Однако наибольшего успеха в этом небольшом островном государстве достиг банковский бизнес. Доходы от финансового сектора составляют 26% ВВП; в течение некоторого времени Бахрейн серьезно конкурировал с Малайзией за право быть финансовым центром исламского мира³⁷⁴.

Шииты Бахрейна в течение долгого времени испытывали на себе политическую и экономическую дискриминацию. Правительство Бахрейна приглашает на остров иностранных гастарбайтеров (прежде всего, из Индии,

---

³⁷³ Кузнецов А.А. Станет ли Бахрейн островом свободы? URL: <https://oko-planet.su/politik/politiklist/168994-stanet-li-bahreyn-ostrovom-svobody.html> (дата обращения: 01.04.2022).

³⁷⁴ Там же.

Пакистана и Йемена), которые составляют 54% населения острова. Для увеличения доли суннитов среди бахрейнцев династия Халифа пошла на беспрецедентный шаг: предоставила права гражданства 50 тыс. мигрантов из Пакистана, Иордании и Йемена. Даже в силовые структуры бахрейнская элита предпочитает набирать наемников из Пакистана и Иордании, нежели своих шиитских соотечественников³⁷⁵.

Борьба шиитов за политические права выразилась в создании ими политических партий и движений оппозиционной направленности. Такими партиями стали «Аль-Вифак» («Согласие») и «Фронт исламской революции» в Бахрейне. Руководитель партии «Аль-Вифак» шейх Али Сальман был депортирован правительством страны в 1995 г.³⁷⁶ Многие бахрейнцы, особенно из числа шиитской молодежи, бойкотировали выборы 2002 г. В марте 2011 г. (начало «арабской весны») на Бахрейне начались массовые протестные выступления. Руководство Саудовской Аравии расценило перспективу прихода к власти шиитов в этом королевстве как угрозу национальной безопасности КСА. Опасения были связаны с возможностью установления альянса между Бахрейном и Ираном. Исходя из этого, Саудовская Аравия и ОАЭ силами 5 тыс. военнослужащих предприняли интервенцию на Бахрейн, на некоторое время оккупировав территорию этой страны³⁷⁷. В связи с тем, что КСА является гарантом безопасности Бахрейна, правительство этого государства не может не проводить просаудовскую политику.

Отношения Турции и Бахрейна традиционно имели дружественный характер. Посольство Турецкой Республики в Манаме было открыто в 1990 г. В то же время бахрейнское посольство появилось в Анкаре только в 2008 г., значительно позднее дипломатических представительств других стран

---

³⁷⁵ Там же.

³⁷⁶ *Vali Nasr*. *The Shia Revival*. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2006. P. 235.

³⁷⁷ *Al Asaad S.* Remembering the Saudi invasion of Bahrain when the hopes for reform were quashed // *Al Mayadeen English*. URL: <https://english.almayadeen.net/articles/blog/remembering-the-saudi-invasion-of-bahrain-when-hopes-for-ref> (дата обращения: 10.05.2022).

ССАГПЗ³⁷⁸. За первые 15 лет XXI в. торгово-экономические отношения и сотрудничество в сфере туризма между странами существенно возросли. Объем двусторонней торговли вырос с 23 млн долл. в 1999 г. до 330 млн долл. в 2016 г. При этом экспорт Бахрейна в Турцию вырос с 24,4 млн до 104,4 млн долл. Турецкий экспорт в это королевство увеличился с 10,7 млн до 225,3 млн долл. В 2000 г. только 491 гражданин Бахрейна посетил Турцию, а в 2015 г. их было уже 23 400³⁷⁹.

Король Бахрейна Хамад бен Иса аль-Халифа стал первым арабским лидером, посетившим Турцию в августе 2016 г. после попытки июльского путча 2016 г. Этот шаг политической поддержки был по достоинству оценен в Анкаре. 12–13 февраля 2017 г. Президент Реджеп Тайип Эрдоган нанес ответный визит в Манаму в рамках своего турне по странам Персидского залива (Бахрейн, Саудовская Аравия, Катар). Во время визита он заявил, обращаясь к бахрейнцам: «Поддержав нас в тяжелое время, вы заняли уникальное место в наших сердцах. Турция продолжит оказывать поддержку Бахрейну в его хорошую и плохую пору. Я верю в то, что мы объединим силы для мира и стабильности нашего региона»³⁸⁰. Во время визита были подписаны меморандумы о сотрудничестве в военно-технической сфере и сфере образования, а также Соглашение об освобождении граждан двух стран от визовых сборов. К этим документам надо добавить Соглашение об обучении и тренировках военнослужащих Бахрейна в Турции, заключенное в 2012 г.³⁸¹.

В июне 2017 г. Бахрейн вместе с Саудовской Аравией, ОАЭ и Египтом

---

³⁷⁸ *Cengiz S.* Turkey–Bahrain relations getting back on track as Erdoğan set to visit Manama // AGSIW. 17.11.2022. URL: <https://agsiw.org/turkey-bahrain-relations-getting-back-on-track-as-erdogan-set-to-visit-manama> (дата обращения: 10.05.2022).

³⁷⁹ Boost for Bahraini-Turkish ties as King Hamad starts visit // Bahrain – Gulf News. URL: <https://gulfnews.com/world/gulf/bahrain/boost-for-bahraini-turkish-ties-as-king-hamad-starts-visit-1.1885125> (дата обращения: 10.05.2022).

³⁸⁰ *Kaplan E., Turgut R.* Turkey, Bahrain to work for regional stability: Erdogan. URL: <https://www.aa.com.tr/en/middle-east/turkey-bahrain-to-work-for-regional-stability-erdogan/748954> (дата обращения: 10.05.2022).

³⁸¹ *Cengiz S.* Turkey–Bahrain relations getting back on track as Erdoğan set to visit Manama // AGSIW. 17.11.2022. URL: <https://agsiw.org/turkey-bahrain-relations-getting-back-on-track-as-erdogan-set-to-visit-manama> (дата обращения: 10.05.2022).

выступил инициатором блокады Катара, стратегического партнера Турции в регионе. Несмотря на это, турецкое руководство продолжило диалог с Манамой. 15 июня 2017 г. Президент Эрдоган и король Хамад провели телефонный разговор, обсудив катарский кризис. 18 июня того же года министр иностранных дел Бахрейна Халед бен Ахмед аль-Халифа посетил Анкару, где провел переговоры не только со своим турецким коллегой, но и с главой государства³⁸².

В руководящих кругах Анкары учитывают, что внешнюю политику Бахрейна невозможно представить без учета саудовского фактора. Правительство Бахрейна полагается на КСА в обеспечении своей безопасности. Исходя из этого, королевство не может не уступать давлению Эр-Рияда при проведении внешнеполитического курса. Поэтому в отношениях Анкары с Бахрейном не было таких напряженных моментов, как в отношениях с Саудовской Аравией и ОАЭ. Гораздо более отрицательную реакцию у турецкой дипломатии вызвало присоединение Бахрейна в сентябре 2020 г. к Соглашениям Авраама. В это время королевство установило дипломатические отношения с Израилем и признало его в полном объеме. МИД Турции решительно осудил этот шаг Бахрейна, заявив, что он противоречит Арабской мирной инициативе 2002 г. и решениям Организации исламского сотрудничества. В заявлении МИД было сказано, что такое решение правительства Бахрейна «будет поощрять Израиль к незаконной деятельности в отношении Палестины и поддерживать его в решении сделать оккупацию палестинских земель постоянной»³⁸³.

Несмотря на это, Турция продолжала дипломатические контакты с Бахрейном. В ноябре 2020 г. Президент Реджеп Тайип Эрдоган направил королю Бахрейна соболезнования по случаю смерти его дяди Халифы бен Сальмана аль-Халифы – самого долговечного премьер-министра в мире,

---

³⁸² Ibid.

³⁸³ Turkey condemns Bahrain decision to establish ties with Israel // Reuters [официальный сайт]. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSKBN2622ZJ> (дата обращения: 10.05.2022).

занимавшего эту должность с 1970 г. до самой смерти³⁸⁴.

После примирения Катара с КСА и ОАЭ в Аль-Уле отношения Турции и Бахрейна заметно оживились. В марте 2021 г. послом Турции в Бахрейне была назначена Эсин Чакыл. В сентябре 2021 г. она провела беседу с королем Хамадом аль-Халифой. В ходе разговора монарх Бахрейна охарактеризовал двусторонние отношения как «отношения двух братских стран». Турецкий министр иностранных дел Мевлют Чавушоглу в январе 2022 г. посетил Бахрейн по приглашению своего коллеги Абдель Латифа аль-Заяни. Наконец, в марте 2022 г. министр финансов Турции Нуреддин Небати посетил Манаму, где провел заседание Межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству. В ходе его визита был подписан Меморандум о сотрудничестве в области стандартизации. Турция получила статус авторизованного партнера в Международном центре морских и воздушных фрахтовых перевозок Бахрейна³⁸⁵. Обобщая эту информацию, можно сказать, что турецко-бахрейнские отношения в целом носят дружественный характер и развиваются в конструктивной атмосфере.

В схожем ключе происходит и развитие отношений Турецкой Республики с Кувейтом. Геополитически Кувейт зажат между Ираком, Ираном и Саудовской Аравией. В 1990 г. это государство подверглось агрессии и оккупации со стороны баасистского режима Саддама Хусейна. В настоящее время Ирак по причине хронической внутренней нестабильности не представляет угрозы для эмирата. Однако наличие таких сильных и находящихся друг с другом в конфликте соседей, как Иран и Саудовская Аравия, является для эмирата перманентным вызовом.

После 1991 г. Кувейт осуществляет стратегию военно-политического партнерства с США. В то же время правительство этой аравийской монархии

---

³⁸⁴ *Cengiz S.* Turkey–Bahrain relations getting back on track as Erdoğan set to visit Manama // AGSIW. 17.11.2022. URL: <https://agsiw.org/turkey-bahrain-relations-getting-back-on-track-as-erdogan-set-to-visit-manama> (дата обращения: 10.05.2022).

³⁸⁵ *Cengiz S.* Turkey–Bahrain relations getting back on track as Erdoğan set to visit Manama // AGSIW. 17.11.2022. URL: <https://agsiw.org/turkey-bahrain-relations-getting-back-on-track-as-erdogan-set-to-visit-manama> (дата обращения: 13.05.2022).

реализует многовекторную политику для обеспечения своих интересов. В отличие от КСА, Кувейт поддерживает добрососедские отношения с Ираном. Одновременно кувейтяне осуществляют военное и военно-техническое сотрудничество с Турецкой Республикой. Особенностью Кувейта является то, что этот эмират является единственным демократическим государством на Аравийском полуострове. В стране имеется дееспособный парламент, оказывающий влияние на принятие политических решений; присутствует борьба различных течений и мнений в политическом спектре.

Дипломатические отношения между Турцией и Кувейтом были установлены в 1962 г. После прихода к власти в Турции в 2002 г. Партии справедливости и развития значительно усилилось экономическое сотрудничество между двумя странами, стали интенсивнее дипломатические и политические контакты. Приток в Турцию туристов из Кувейта увеличился. Так, в 2019 г. Турецкую Республику посетили 180 тыс. граждан Кувейта. Многие состоятельные кувейтяне покупают недвижимость в Турции³⁸⁶. Товарооборот между двумя государствами увеличился с 165 млн долл. в 2002 г. до 700 млн долл. в 2020 г.³⁸⁷. Турецкие частные компании вовлечены в сферы строительства, транспорта и передовых технологий в Кувейте. Турецкая компания Limak Co выиграла в 2015 г. тендер на строительство терминала в новом международном аэропорту Эль-Кувейта. Этот аэропорт, который будет способен принимать до 25 млн пассажиров в год, станет первым в мире сооружением такого рода, удостоенным Сертификата надежности LEED Gold. Строительство терминала обойдется в 4,34 млрд долл.³⁸⁸.

Существуют рабочие контакты между главами двух государств и на уровне руководителей внешнеполитических ведомств. Эмир Кувейта шейх

---

³⁸⁶ *Cengiz S.* Turkey and Kuwait: Strengthening ties in a fragile region // Arab News. 18.03.2017. URL: <https://www.arabnews.com/node/1070346> (дата обращения: 13.05.2022).

³⁸⁷ Ibid.

³⁸⁸ Ibid.

Сабах аль-Ахмед аль-Джабер аль-Сабах совершил свой первый визит в Турцию как глава государства в мае 2013 г. Еще до этого, находясь на посту министра иностранных дел, он прилагал большие усилия для расширения и углубления связей между странами. 20–22 марта 2017 г. по приглашению Президента Эрдогана он совершил свой второй официальный визит в Турецкую Республику. В ходе этого визита были подписаны соглашения о сотрудничестве в сферах обороны, экономики и туризма³⁸⁹.

7 октября 2020 г. Президент Турции Реджеп Тайип Эрдоган совершил рабочий визит в Кувейт. Он провел переговоры с новым эмиром Кувейта шейхом Наввафом аль-Ахмедом аль-Джабером аль-Сабахом по вопросам двустороннего сотрудничества, региональным и международным проблемам, а также выразил свое соболезнование по поводу кончины его предшественника, эмира Сабаха аль-Ахмеда аль-Джабера аль-Сабаха³⁹⁰.

На двусторонних переговорах и консультациях обсуждались сирийский кризис, иранская ядерная проблема и активность Ирана в регионе, а также катарский дипломатический кризис и вопросы борьбы против таких террористических организаций, как «Исламское государство» и «Аль-Каида». Необходимо отметить, что Кувейт является крупнейшим финансовым донором для сирийских беженцев, размещенных на юго-востоке Турции. Что касается сферы безопасности, то в январе 2017 г. был открыт Центр НАТО в Кувейте – первый Центр такого рода в ССАГПЗ. Одной из задач Центра является подготовка и повышение квалификации кувейтских военнослужащих, в чем активно задействованы инструкторы из Турции³⁹¹.

Рассмотрение позиции Турции в НАТО выходит за рамки данной работы. Все же необходимо отметить, что в последние 20 лет Турция проводит все более независимую политику и не координирует все свои

---

³⁸⁹ *Cengiz S.* Turkey and Kuwait: Strengthening ties in a fragile region // Arab News. 18.03.2017. URL: <https://www.arabnews.com/node/1070346> (дата обращения: 13.05.2022).

³⁹⁰ Turkish President visits Kuwait, Qatar // Türkiye News. URL: <http://www.hurriyetdailynews.com> (дата обращения: 13.05.2022).

³⁹¹ *Cengiz S.* Turkey and Kuwait: Strengthening ties in a fragile region // Arab News. 18.03.2017. URL: <https://www.arabnews.com/node/1070346> (дата обращения: 13.05.2022).

действия с Североатлантическим блоком. В течение последних 5 лет у Анкары существуют натянутые отношения с такими государствами НАТО, как Греция и Франция. Несмотря на это, Турецкая Республика не выходит из Североатлантического договора, членство в котором создает дополнительные политические возможности.

В целом можно констатировать, что Турция и Кувейт установили партнерские отношения, характеризующиеся положительной динамикой. Однако эти отношения не выросли до уровня стратегического партнерства, как сотрудничество Турции с Катаром. Причиной этому являются отсутствие общих геополитических интересов и идеологической близости.

Отношения Турции с султанатом Оман отмечены гораздо меньшей интенсивностью, чем взаимодействие с Бахрейном и Кувейтом. Внешнеполитический курс Омана характеризуется традиционным нейтралитетом, многовекторностью, внеблоковой политикой и нежеланием вовлекаться в региональные конфликты. Внешнеполитические подходы Омана к региональным проблемам были заложены султаном Кабусом бен Саидом (правил в 1970–2020 гг.). Оман традиционно поддерживает сотрудничество в сфере обороны и безопасности с США и Великобританией. Тем не менее эта монархия не проводит проамериканскую политику. После подписания в 1979 г. Кэмп-Дэвидского мирного договора, когда большинство арабских государств разорвали отношения с Египтом, султанат продолжал поддерживать с Каиром хорошие отношения.

Руководство Омана традиционно выступало за переговоры с Израилем, но при этом не присоединилось к Соглашениям Авраама, отложив это до справедливого решения палестинской проблемы. Оман сохранял нейтралитет во время вооруженного конфликта между Ираном и Ираком в 1980–1988 гг. Султанат не присоединился к возглавляемой США антииракской коалиции во время операции «Буря в пустыне» в 1991 г. и не поддержал американское

вторжение в Ирак в 2003 г.³⁹². Поддерживая партнерские отношения с США, руководство этой монархии развивало одновременно конструктивные связи с Ираном, не присоединяясь к санкциям против ИРИ. Во второй половине 2014 г. в Маскате проходили встречи между дипломатами Ирана и США, закончившиеся в 2015 г. переговорами по иранской ядерной проблеме в Вене³⁹³. В ходе катарского дипломатического кризиса 2017–2021 гг. оманское руководство отказалось присоединиться к блокаде Катара и заняло равноудаленную позицию в конфликте³⁹⁴.

Особая позиция Омана проявилась и в ходе конфликта в Йемене, связанного с вооруженным вмешательством Саудовской Аравии и ОАЭ. Оман отказался присоединиться к аравийской коалиции, ведущей войну в Йемене. Руководство султаната встревожено продолжающимся конфликтом в соседней стране, угрожающим безопасности самого Омана. Особую озабоченность в Маскате вызывает ситуация в соседней с Оманом провинции Махра, пограничной с оманским регионом Дофар, с населением 350 тыс. человек. Махру населяют арабские племена, родственные жителям Дофара. При режиме Али Абдаллы Салеха эта йеменская провинция была экономически очень тесно связана с Оманом при помощи приграничной торговли и контрабанды. Правительство ОАЭ пытается навязать в этой провинции, равно как и в других частях Южного Йемена, свое доминирование. При этом оно поощряет сепаратистов из «Южного Переходного Совета» (ЮПС). В Махре эмиратцы делали попытки закрепиться с помощью вооруженных формирований «Элитные силы Махри». Местное население воспринимает этих боевиков как чужаков и

---

³⁹² *Gafiero G.* Oman, stuck between Saudi Arabia and Iran. URL: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/01/oman-saudi-arabia-iran-tension-execution-nimr-mediator#ixzz410bgMTc6> (дата обращения: 13.05.2022).

³⁹³ *Щегловин Ю.Б.* О возможном преемнике султана Омана. URL: <http://www.iimes.ru/?p=22979> (дата обращения: 13.05.2022).

³⁹⁴ *Щегловин Ю.Б.* О возможном преемнике султана Омана. URL: <http://www.iimes.ru/?p=22979> (дата обращения: 13.05.2022).

пришельцев и тяготеет к соседнему Оману³⁹⁵. Данный фактор осложняет отношения Омана с КСА и ОАЭ.

Правительство Омана, не желая вовлекаться в авантюры США, Саудовской Аравии и ОАЭ в регионе, не склонно поддаваться также и турецкому влиянию. Данное обстоятельство накладывает отпечаток на двусторонние отношения. Дипломатические отношения между Турцией и Оманом были установлены в 1973 г. Тем не менее обмен визитами высокого уровня был очень редким. В 2010 г. Президент Турции Абдулла Гюль посетил султанат с официальным визитом. После этого в течение семи лет государства не проводили переговоров по политическим вопросам. В то же время торгово-экономические отношения между Маскатом и Анкарой заметно активизировались. Товарооборот двух стран увеличился с 23 млн долл. в 2003 г. до 321 млн долл. в 2012 г., достигнув беспрецедентного уровня в 592 млн долл. в 2014 г. Впрочем, в 2016 г. объем торговли резко снизился до 293 млн долл.³⁹⁶. В основе этого падения лежало мировое снижение цен на нефть, экспортером которой является Оман, что уменьшило доходы султаната. К 2020 г. турецкие строительные компании осуществляли в Омане 44 контракта общей стоимостью 5,5 млрд долл.³⁹⁷.

Оживление политических отношений с Оманом началось в 2017 г. В январе этого года делегация МИД Турции совершила поездку в Оман для возобновления консультаций по политическим вопросам, замороженным в течение десятилетия. В мае 2017 г. Маскат посетила делегация во главе с вице-премьером правительства Турции Мехметом Шимшеком, который провел в столице Омана заседание межправительственной комиссии по экономическому сотрудничеству. Особое внимание было уделено сотрудничеству в областях транспорта, сельского хозяйства,

---

³⁹⁵ *Ardemagni E.* Emiratis, Saudis, Omanis: rising competition for the Yemen's Al Mahra // Middle East Centre. URL: <http://www.lse.ac.uk> (дата обращения: 13.05.2022).

³⁹⁶ *Bakir A., Gafiero G.* Will geopolitical instability strengthen Omani-Turkish relations? // Al Sharq Strategic Research. URL: <http://www.sharqforum.org> (дата обращения: 13.05.2022).

³⁹⁷ Ibid.

здравоохранения, рыболовства, туризма, горнодобывающей промышленности и банковской сферы³⁹⁸.

28 октября 2017 г. Оман с официальным визитом посетил министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу. Его целью была подготовка визита Президента Эрдогана в это аравийское государство. Впрочем, визит так и не состоялся. Для того, чтобы подчеркнуть важность Омана для турецкой внешней политики, правительство Турции назначило послом в султанат бывшую руководительницу Департамента международных отношений Администрации Президента Айше Услуер. Вторая женщина-посол в странах ССАГПЗ приступила к выполнению своих обязанностей в августе 2018 г.³⁹⁹.

Мировой энергетический кризис 2022 г., вызванный событиями на Украине, вновь привлек интерес международных акторов к Оману. В августе 2022 г. министр энергетики и природных ресурсов Турции Фатих Денмез посетил Оман, где провел переговоры о сотрудничестве в нефтегазовом комплексе и использовании возобновляемых источников энергии. 3–4 ноября 2022 г. министр промышленности, торговли и инвестиций Омана Кайс Мухаммед аль-Юсеф совершил визит в Турцию. В Анкаре в ходе 11-го заседания межправительственной комиссии по торговому сотрудничеству он провел переговоры с министром финансов Турции Нуредином Небати, отвечающим за экономические отношения с государствами ССАГПЗ. По итогам переговоров стороны констатировали взаимное стремление развивать сотрудничество в сферах финансов, энергетики, промышленности, транспорта, сельского хозяйства, здравоохранения, туризма и культуры⁴⁰⁰.

Таким образом, отношения Турции с малыми странами Персидского залива – Бахрейном, Кувейтом и Оманом – имеют дружественный характер и

---

³⁹⁸ Ibid.

³⁹⁹ Bakir A., Gafiero G. Will geopolitical instability strengthen Omani-Turkish relations? // Al Sharq Strategic Research. URL: <http://www.sharqforum.org> (дата обращения: 13.05.2022).

⁴⁰⁰ Turkiye, Oman eye enhancing mutual trade, cooperation // Daily Sabah. 04.11.2022 URL: <https://www.dailysabah.com/business/economy/turkiye-oman-eye-enhancing-mutual-trade-cooperation> (дата обращения: 13.05.2022).

отмечаются положительной динамикой. Однако они не носят характера стратегического партнерства, как это имеет место в случае с Катаром. Данные государства ССАГПЗ не обладают самостоятельными политическими амбициями и не хотят вовлекаться в региональные кризисы. Экономическое сотрудничество Турции с этими странами также имеет свой предел. В качестве инвестора из них выступает только Кувейт. Бахрейн и Оман сами нуждаются в притоке инвестиций, что отражается и в их внешнеполитическом курсе. Например, руководство Омана в последние годы сконцентрировано на развитии порта Дукм и проекте нефтепровода из КСА. В связи с этим приоритет в экономических отношениях отдается США, КНР и Саудовской Аравии⁴⁰¹. Между тем Турция, учитывая экономические трудности последнего 5-летия, не может выступать в качестве крупного инвестора.

Подводя итоги рассматриваемому периоду развития отношений Турецкой Республики с арабскими государствами Персидского залива (2017–2021 гг.), можно констатировать значительные изменения в этом процессе. Если в начале правления партии ПСР Турция стремилась развивать равноудаленные и дружественные отношения со всеми государствами ССАГПЗ, то в 2017–2021 гг. наметилась поляризация турецкой политики по отношению к отдельным аравийским монархиям.

Во-первых, стратегическое партнерство Турции с Катаром неизменно укреплялось. Его важным компонентом стало сотрудничество в военной и политической сферах. Турция безоговорочно поддержала Доху во время катарского дипломатического кризиса 2017–2021 гг. В этот период Турецкая Республика выступила гарантом безопасности Катара, усилив свое военное присутствие в эмирате. Учитывая, что главными противниками Катара были Саудовская Аравия и ОАЭ, такое поведение Анкары не могло не привести к ухудшению отношений с этими государствами.

---

⁴⁰¹ *Gafiero G.* Why China's investment in Oman matters. URL: <https://www.alaraby.co.uk/english/comment/2017/10/17/why-chinas-investment-in-oman-matters> (дата обращения: 13.05.2022).

Во-вторых, конфликтный потенциал в отношениях Турции с Абу-Даби и Эр-Риядом стимулировался информацией о причастности ОАЭ к попытке переворота в Турции в июле 2016 г. и «Делом Хашогги» осенью 2018 г. По нашему мнению, эти события важны не сами по себе, но как повод к раскрытию накопившихся в отношениях между государствами комплекса противоречий. Эр-Рияд и Абу-Даби стали рассматривать Турцию в качестве соперника за лидерство не только в арабском, но и в исламском мире, что показал форум в Куала-Лумпуре в конце 2019 г.

В-третьих, наметилось разочарование КСА и ОАЭ в отношении позиции Турции по иранскому вопросу. Этим лидирующим в ССАГПЗ государствам не удалось привлечь Турцию к антииранской коалиции или превратить ее в мощный противовес влиянию Ирана в регионе.

В-четвертых, на развитие отношений Турции с государствами ССАГПЗ повлияло усиление турецкого влияния на Африканском Роге. Турецкое присутствие (в том числе военное) в Сомали вызвало негативную реакцию со стороны ОАЭ. Наметилось соперничество между Анкарой и Абу-Даби за влияние в этой африканской стране. В то же время развитие событий на Африканском Роге продемонстрировало единство позиций Турции и Катара.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Из партнерства Турции с арабскими государствами Персидского залива в последние десятилетия постепенно формировалось одно из самых перспективных направлений ее внешней политики. История отношений между указанными сторонами знала взлеты и падения. До прихода в 2002 г. к власти в Турции Партии справедливости и развития эти отношения не выглядели особо значимыми для Анкары. 1981–1991 гг. можно считать периодом их становления, притом обусловленного интересом сторон к экономической компоненте. Однако данная тенденция не достигала уровня, который позволил бы перевести эти отношения в новое качество. Присутствовал ряд факторов, оказывавших в данной связи тормозящее воздействие, в том числе усугубление региональной нестабильности из-за войны в Персидском заливе (1990–1991 гг.) и установление стратегического партнерства между Турцией и Израилем.

Заметная активизация сотрудничества Турции со странами Персидского залива стала наблюдаться лишь при власти ПСР. Это было обусловлено несколькими причинами: концептуальными, политическими и экономическими.

К предпосылкам концептуального плана можно отнести принятую Анкарой внешнеполитическую доктрину «Ноль проблем с соседями» и ее стремление к реализации независимого внешнеполитического курса, включая расширение сотрудничества с другими странами исламского мира. Турция стала проводить более активную внешнюю политику, ориентированную на установление тесных дружественных связей не только с непосредственными соседями, но и с более отдаленными регионами.

Политической предпосылкой было желание турецкого руководства к диверсификации внешнеполитического курса. Предполагалось уменьшить зависимость от партнерства с коллективным Западом (США, государства Европейского союза) и усилить вектор экономического и политического

сотрудничества с другими регионами. Серьезным побудительным мотивом для движения Турции навстречу арабским государствам Персидского залива стали препятствия на пути ее вступления в ЕС и нежелание европейских элит видеть Анкару в составе этого интеграционного объединения.

Доказано, что немалую роль в развитии сотрудничества Турции с арабскими монархиями играли также и экономические предпосылки. Стороны обладали взаимодополняющими экономическими структурами, что обеспечивало подходящий базис для углубления инвестиционного и торгового взаимодействия. С одной стороны, подходы стран ССАГПЗ к внешнеэкономической сфере и накопленные ими значительные золотовалютные резервы стимулировали их интерес к такой динамично развивающейся экономике, как турецкая. С другой стороны, внешняя политика Анкары, в немалой степени, определялась поиском новых рынков сбыта для турецких товаров, равно как и источников инвестиций. Это стимулировало значительное увеличение товарооборота между сторонами и приток финансов из арабских монархий в турецкую экономическую сферу («зеленые инвестиции»).

В диссертационном исследовании представлена периодизация взаимодействия (сотрудничества, а порой и соперничества) Турции с арабскими государствами – членами ССАГПЗ. На первом этапе происходило налаживание и затем интенсификация их взаимовыгодных отношений (2002–2010 гг.). Кульминацией явилось образование сторонами в 2008 г. Совета стратегического диалога на высшем уровне. Со стороны государств – участников ССАГПЗ эта инициатива демонстрировала желание приобрести в лице Турции стратегического партнера. Стороны намеревались выработать общую стратегию по вопросам военно-политического кризиса в Ираке, палестино-израильского конфликта, иранского ядерного досье. В тот период Турция поддерживала отношения взаимовыгодного сотрудничества со всеми государствами ССАГПЗ, не делая каких-либо предпочтений. На выработку

регионально-политических подходов влияли факторы общей исламской солидарности и экономического интереса.

Второй этап длился с 2011 по 2016 г. Он совпал по времени с масштабными политическими потрясениями в ряде ближневосточных стран (так называемая «арабская весна»). В отношении происходивших тогда в регионе явлений политической турбулентности Турция и аравийские монархии имели сначала достаточно близкие интересы: Анкара координировала с Эр-Риядом свою позицию в отношении сирийских событий. Однако далее в подходах сторон по данной проблеме возникли заметные расхождения, чему способствовал ряд факторов.

Во-первых, процессы «арабской весны» привели к ослаблению государств, традиционно считавшихся «центрами силы» в арабском мире – Египта, Сирии и Ирака. Это создало в регионе геополитический вакуум, который взялись заполнить Катар, Саудовская Аравия и ОАЭ, а также неарабские государства – Турция и Иран. Фактически еще до упомянутых событий названные аравийские монархии пытались играть более активную роль в региональной политике, оперируя имеющимися у них экономическими и финансовыми возможностями. Вместе с тем, процесс хаотизации и распад традиционной системы геополитического порядка на Ближнем Востоке способствовали увеличению региональной роли Турции. Развернулось соперничество Анкары с КСА и ОАЭ за влияние в Сирии и Ливии. При этом Турция стремилась утвердить в регионе собственную сферу влияния, руководствуясь геополитическими интересами.

Во-вторых, наблюдавшаяся в арабском мире турбулентность обострила чувствительность аравийских монархий в плане восприятия угроз их собственной безопасности. «Демократическая волна» народных протестов выглядела как вызов для правящих кругов КСА и ОАЭ. И хотя «арабские революции» не коснулись напрямую этих стран за исключением Бахрейна (где волнения были подавлены при силовой поддержке Саудовской Аравии), забота о выживании стала для этих режимов главной заботой. В итоге

аравийским монархиям удалось избежать потрясений благодаря контролируемым реформам и перераспределению материальных благ в пользу своего населения. Вместе с тем между государствами ССАГПЗ выявились определенные расхождения. Например, Катар, опираясь на организации и движения политического ислама, поддержал выступления с участием исламистов в ряде ближневосточных государств. В свою очередь, Саудовская Аравия и ОАЭ придерживались иной – консервативно-охранительной позиции. Правящие элиты этих стран рассматривают политический ислам и, в первую очередь, движение «Братья-мусульмане» как угрозу своей безопасности.

Третий этап, охватывающий хронологические рамки 2017–2021 гг., был отмечен для Турции серьезными политическими разногласиями с КСА и ОАЭ, а также образованием военно-политического альянса с Катаром. При этом главную роль при выработке политических решений у названных выше акторов стал играть геополитический реализм. Далее в ходе «арабской весны» Турция, наряду с Ираном, стала одним из основных региональных (неарабских) игроков, вмешивающихся в дела арабского мира и даже пытающихся установить там свое доминирование. Важным моментом в политических расхождениях с ОАЭ и КСА стал фактор Ирана – ядерная тема и опасения аравийских монархий по поводу региональной экспансии ИРИ.

КСА и ОАЭ видели в Иране существенную угрозу своим интересам и, по существу, применяли по отношению к этому государству подходы по образу и подобию «холодной войны». На первом этапе сотрудничества между Турцией и странами ССАГПЗ последние воспринимали ее как возможный противовес иранской экспансии. Между тем турецкие внешнеполитические подходы к Ирану коренным образом отличаются от саудовских и эмиратских. Хотя Анкара видит в лице Тегерана регионального конкурента, она отнюдь не рассматривает его в качестве экзистенциальной угрозы. Эти две стороны разрешают взаимные противоречия путем

компромисса, а, если это необходимо, то и сотрудничают по актуальным региональным вопросам.

Автор делает вывод о том, что конвергенция Турции с Катаром по политическим и стратегическим вопросам была более глубокой, чем с другими аравийскими монархиями. События «арабских революций» еще более сблизили два государства, так как оба поддерживали движение «Братья-мусульмане». Тем самым выявилась идеологическая близость между Турцией и Катаром. Со временем турецко-катарские отношения вышли на уровень стратегического партнерства.

Когда в 2014 г. произошел первый раунд кризиса в отношениях Катара с КСА и ОАЭ, турецкое руководство приняло сторону Дохи. Вскоре, в 2015 г., Турция и Катар создали двусторонний Совет стратегического сотрудничества на высшем уровне с регулярными встречами глав государств. Был подписан ряд соглашений о сотрудничестве в различных сферах. Кроме того, был дан старт процессу двустороннего военного сотрудничества. Тогда же Катар занял протурецкую позицию на уровне Лиги арабских государств.

После того, как в 2017 г. в отношениях между Катаром и «арабской четверкой» (КСА, ОАЭ, Бахрейн, Египет) случился новый раскол, Анкара вновь недвусмысленно приняла его сторону: турецкий парламент ратифицировал решение о создании на территории эмирата военной базы. Турецкая сторона, кроме того, организовала альтернативную логистику снабжения Катара в условиях блокады. Углубились и двусторонние экономические отношения. До 2015 г. Катар не считался главным экономическим партнером Турции среди государств Персидского залива, между тем как в 2019 г. он уже занял в их ряду первое место по объему прямых инвестиций в турецкую экономику. Финансовые трансакции 2018–2020 гг. помогли Турции пережить острый экономический кризис.

В диссертации прослеживается деградация характера отношений Турции с ОАЭ в период 2013–2017 гг. – от дружественных до откровенно враждебных. В дополнение к вышеперечисленным факторам напряженности

на состояние двусторонних связей влияла конкуренция за влияние в Ливии и на Африканском Роге. Эмираты с 2014 г. поддерживали во внутривосточном конфликте ЛНА Халифы Хафтара, тогда как Турция была на стороне ПНС Фаиза Сараджа, а также вооруженных формирований, связанных с «Братьями-мусульманами» и кланом Мисураты. Анкара усматривает для себя в Ливии существенные интересы, что связано с ее попытками закрепиться в Восточном Средиземноморье. Вместе с тем, шаги турецкого руководства в сторону создания сферы влияния в Африке натолкнулись на сопротивление Саудовской Аравии и ОАЭ. При этом в такой проблемной стране, как Сомали, Анкара встала на путь поддержки центрального правительства в Могадишо, тогда как в Абу-Даби поддержали непризнанное государство Сомалиленд. Геополитические соображения преобладают и здесь: КСА и ОАЭ негативно воспринимают любые попытки Турции закрепиться в ключевом регионе Красного моря.

В свое время Эмираты фигурировали в качестве первого экономического партнера Турции из числа государств ССАГПЗ. Но двусторонние отношения стремительно деградировали после того, как официальные лица в Анкаре обвинили ОАЭ в финансировании путча, произошедшего в Турции в июле 2016 г. На новый уровень конфликт этих двух государств вышел вследствие поддержки, оказанной Турцией Катару в субрегиональном дипломатическом кризисе 2017 г. В Абу-Даби, в свою очередь, неоднократно инкриминировали Анкаре вмешательство в дела региона. Местные СМИ развернули антитурецкую кампанию, был уменьшен приток эмиратских инвестиций в турецкую экономику и т.д. Но в то же время, учитывая все перечисленные моменты, отношения Турции и ОАЭ в целом характеризовались прагматическим подходом и разноплановым экономическим взаимодействием. Такой прагматизм может обеспечить двум странам хорошую основу для взаимовыгодного сотрудничества на будущую перспективу.

Что касается турецко-саудовских отношений, то они имеют свои уникальные черты, что было проанализировано в представленной работе. В

2017–2021 гг. Эр-Рияд не в меньшей степени, чем партнеры по ССАГПЗ, был озабочен возросшей региональной активностью Анкары и при этом занимал недружественную позицию касательно ее ближайшего союзника – Катара. Между тем, в Анкаре в указанный период дифференцировали подходы по отношению к Абу-Даби и Эр-Рияду, избегая винить последнего в региональных осложнениях. Даже после первого «катарского дипломатического кризиса» 2014 г. Анкара не прерывала координацию с Эр-Риядом. В 2015–2016 гг. турецкая дипломатия открыто высказывалась в поддержку КСА и против позиции Ирана по Сирии, Ираку и даже по Йемену.

Заметное ухудшение в отношениях двух указанных сторон случилось в 2017–2018 гг. Особенно негативную роль в этом сыграло резонансное «Дело Джамаля Хашогги». Настороженное и даже враждебное отношение Эр-Рияда к Анкаре перенеслось и на 2019 г. (ввиду попытки Турции организовать объединение мусульманских государств, альтернативное ОИС). Все это привело в тот период к существенному сокращению экономических связей. Вместе с тем, обеим сторонам опять-таки присущи прагматичные подходы в отношениях, и они реализуют свои национальные интересы, подстраивая под них соответствующую риторику. Взаимовыгодный характер турецко-саудовских экономических связей не позволил их политическим отношениям перерасти в конфронтацию. С геополитической точки зрения как КСА, так и Турция не заинтересованы в дальнейшем усилении позиций Ирана, а, следовательно, и в ослаблении друг друга.

Отношения Турции с «малыми» участниками ССАГПЗ (Бахрейн, Кувейт, Оман) не имеют принципиального значения в контексте ее региональных амбиций. Бахрейн является государством, в значительной степени, зависящим от Саудовской Аравии, и фактически не проводит независимой внешней политики. Что касается Кувейта и Омана, то эти страны не имеют региональных амбиций, придерживаются нейтрального курса и не могут стать для Турции ни опасными соперниками, ни значимыми союзниками.

Особое место занимают отношения Турции с Ираком и правительством Курдского автономного района Ирака (КАР). Руководствуясь доктриной «Ноль проблем с соседями», Турция с 2008–2009 гг. проводит политику вовлечения КАР в свои политические и экономические проекты. У Анкары с этим регионом на севере Ирака сложились партнерские и комплиментарные отношения. Основной интерес в контексте взаимодействия Анкары с Эрбилем состоит в обеспечении безопасности турецких юго-восточных границ, притом с учетом остроты и деликатности курдской проблемы. Что касается федерального правительства в Багдаде, то с ним партнерские отношения у Анкары не сложились. С геополитической точки зрения Ирак имеет принципиальное значение для обеспечения безопасности Турции. Турция выступает за территориальное единство этого государства, против угрозы курдского сепаратизма. Но, вместе с тем, Анкаре выгоден слабый Ирак, не обладающий региональными амбициями.

2021 г. ознаменовал начало качественно нового этапа в политических процессах, происходящих в регионе Персидского залива. Это связано, в первую очередь, с примирением Катара со своими аравийскими «оппонентами» и прекращением дипломатического кризиса в их сообществе. В этих условиях роль и значение Турции для катарской политики может снизиться. Во-вторых, налицо попытки руководства Анкары вернуться к доктрине «Ноль проблем с соседями». Глубокие политические изменения, имевшие место в регионе Ближнего Востока в последнее десятилетие, привели к формированию трех блоков. Первый блок – шиитской направленности с Ираном в лидирующем качестве, включает в себя также Сирию, ливанскую организацию «Хизбалла» и проиранские силы в Ираке и Йемене. Второй блок объединяет КСА, ОАЭ и АРЕ; его целями являются региональное лидерство, борьба с иранской экспансией и политическим исламом. Третий блок включает в себя Турцию и Катар.

В настоящее время внешняя политика Анкары направлена на обеспечение национальной безопасности страны и, в частности, ее военно-

политической составляющей (север Сирии и Ирака), равно как и экономической безопасности (Восточное Средиземноморье). Принципиальное значение для турецкой геополитики имеют регионы того же Восточного Средиземноморья, а также Южного Кавказа, Северной Африки, Сирии и Ирака. Что касается региона Персидского залива, то он представляет для Анкары вторичный геостратегический интерес. Исходя из этого, а также учитывая нынешние экономические трудности Турции, представляется, что руководство этой страны будет стремиться к нормализации отношений с Саудовской Аравией и ОАЭ и выходу на прежний уровень сотрудничества с ними. Этому способствуют и объективные тенденции на Ближнем Востоке. Движение «Братья-мусульмане», поддержанное в период «арабской весны» Турцией и Катаром, в дальнейшем потерпело неудачи в Египте, Сирии и Ливии, оно более не является значимым союзником для Анкары. Все это создает предпосылки для возвращения Турции к конструктивному взаимодействию со всеми заинтересованными государствами региона Персидского залива.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

a) на европейских языках

1. About the Agreement GCC–Turkey // Republic of Turkey, Ministry of Foreign Affairs. 08.07.2008.

2. Another 7 billion \$ of Qatari investments to flow into Turkey [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailysabah.com/business/2019/12/03/another-7-billion-of-qatari-investments-to-flow-into-turkey>

3. Boost for Bahraini-Turkish ties as King Hamad starts visit // Bahrain – Gulf News [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gulfnews.com/world/gulf/bahrain/boost-for-bahraini-turkish-ties-as-king-hamad-starts-visit-1.1885125> Constitution of the Republic of Turkey [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www5.tbmm.gov.tr/yayinlar/2021/TC_Anayasasi_ve_TBMM_Ic_Tuzugu_Ingilizce.pdf

4. *Davutoğlu, A.* Systemic Earthquake and the Struggle for World Order Exclusive Populism versus Inclusive Democracy / A. Davutoğlu. L.: Cambridge University Press, 2020.

5. Deloitte GCC Powers of Construction 2015. Construction – the economic Barometer of the Region [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.deloitte.com/dam/Deloitte/uk/Documents/real-estate/deloitte-uk-gcc-powers-of-construction-2015.pdf>

6. Erbil International Airport. Financial and Investment Account [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.erbilairport.net/ABUT01_02_02.aspx

7. Erdoğan: Turkey’s role in the Middle East // Al-Jazeera. 12.02.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aljazeera.com/programs/>

talktojazeera/2014/02/erdogan-turkey-role-middle-east-201421282950445312.html

8. Erdoğan says Somalia invited Turkey to explore for oil offshore [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aljazeera.com/economy/2020/1/21/erdogan-says-somalia-invited-turkey-to-explore-for-oil-offshore>

9. European International Contractors // Turkish contractors on the International Market [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.eic-federation.eu/media/uploads/newsletter/2012_01_march/tca.ms.pdf

10. Food and agriculture in Turkey [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.invest.gov.tr>

11. Full transcript of Al-Ula GCC Summit Declaration: Bolstering Gulf unity [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://English.alarabiya.net/News/gulf/2021/01/06/Full-transcript-of-AlUla-GCC-Summit-Declaration-Bolstering-Gulf-unity>

12. HSBC Global Connections MENA–Turkey. Dubai: HSBC Middle East, 2018.

13. Intel: Why Turkey is leaking Khashoggi details to the media [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2018/10/intel-why-turkey-leaks-khashoggi-saudi-arabia.html#ixzz5UO889mje>

14. International Energy Statistics Database and Short-Term Energy Outlook // US Ministry of Energy. 2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eia.gov/countries/analysisbrief/Turkey/turkey.pdf>

15. «Iran is our friend», – says Turkish Prime Minister Recep Tayyip Erdoğan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2009/oct/26/turkey-iran1>

16. Kırıkkale Natural Gas Combined Cycle Plant // Power Technology.com [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.power-technology.com/projects/kirikkale-natural-gas-combined-cycle-plant>

17. Kurdistan Regional Government of Natural Resources [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mnr.krg.org/index.php/en/gas/gas-pipeline>

18. Kurdistan Regional Government of Natural Resources. The road to 1 million barrels per day [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mnr.krg.org/index.php/en/the-road-to-1-million-barrels>

19. McKinsey and ISPAT. 03.2014 // Food and agriculture in Turkey [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.invest.gov.tr>

20. Middle East, biggest importers of the Turkish steel // Hurriyet daily news. 17.05.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hurriyetdailynews/gulf-region-middle-east-biggest-importers-of-turkish-steel>

21. Premier vows to pray in Damascus mosque soon [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hurriyetdailynews.com/premier-vows-to-pray-in-damascus-mosque-soon-29505>

22. Press Release regarding the Joint Statement by the United States, Israel and United Arab Emirates // Turkiye Ministry of Foreign Affairs. 14.08.2020. № 173 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.mfa.gov.tr/no_-173_-abd-israil-ve-bae-terafindan-aciklanan-ortak-bildiri-hk.en.mfa

23. Principles of Qatar Foreign Policy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mofa.gov.qa/en/foreign-policy/principles/principles-of-qatar%27-foreign-policy>

24. Principles of the Foreign Policy of UAE // Foreign Policy. UAE Embassy in Washington, DC [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.uae-embassy.org/discover-uae/foreign-policy>

25. Refugees in Turkey. 2016 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://reporting.unhcr.org/turkey>

26. Rouhani meets Erdoğan as regional conflicts strain Iranian Turkish ties [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2015/apr/07/rouhani-meets-erdogan-as-regional-conflicts-strain-iranian-turkish-ties>

27. Russian share of gas imports falls as Turkey turns to cheaper LNG [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailysabah.com/business/energy/russian-share-of-gas-imports-falls-as-turkey-turns-to-cheaper-lng>

28. Saudi Arabia, UAE, Egypt, Bahrain cut ties to Qatar [Электронный

ресурс]. – Режим доступа: www.aljazeera.com/news/2017/6/5/saudi-arabia-uae-egypt-bahrain-cut-ties-to-qatar

29. Sovereign Wealth Funds Keen on Turkish Markets // Reuters. 26.04.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.arabnews.com/news/449433

30. The Adana Security Agreement // Voltaire Network. 20.10.1998 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.voltairenet.org/article/208057.html>

31. The financial services sector in Turkey // ISPAT [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.invest.gov.tr/En-US/infocenter/publications/Documents/Financial.Services.Industry.pdf

32. Turkiye Grand Strategy. Istanbul: SETAV, 2021.

33. Turkey condemns Bahrain decision to establish ties with Israel // Reuters [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/idUSKBN2622ZJ>

34. Turkey pays off portion of Somalia's IMF debt [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://english.alaraby.co.uk/english/News/2020/11/7/Turkey-pays-off-portion-of-Somalias-IMF-debt>

35. Turkey provides base for 20 000 Egyptian Muslim Brotherhood supporters // The National [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.thenationalnews.com/world/turkey-provides-base-for-20-000-egyptian-muslim-brotherhood-supporters-1.1065871>

36. Turkey urges Gulf states to end Qatar crisis before end of Ramadan // News DW. 10.06.2017.

37. Turkey's Erdoğan arrives in Qatar on first post-coronavirus trip [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aljazeera.com/news/2020/07/02/turkeys-erdogan-arrives-in-qatar-on-first-post-coronavirus-trip>

38. Turkish President visits Kuwait, Qatar // Hurriyet Daily News. 07.10.2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hurriyetdailynews.com/turkish-president-visits-kuwait-qatar-158905>

39. Turkish Real Estate Market. Istanbul: Deloitte Turkey, 2014.
40. Türkiye, Oman eye enhancing mutual trade, cooperation // Daily Sabah. 04.11.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dailysabah.com/business/economy/turkiye-oman-eye-enhancing-mutual-trade-cooperation>
41. Turks are reconstructing Northern Iraq // Hurriyet Daily News. 04.04.2007 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hurriyetdailynews.com/default.aspx?pageid=438=turks-are-reconstructing-northern-iraq-1-2007-04-12>
42. Un alliance entre Emirats Arabes Unis et Israel contre Qatar [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.observatoire-qatar.com/politique/item/262-une-alliance-entre-les-emirats-arabes-unis-et-israel-contre-le-qatar>
43. World Tourist Organization. UNWTO Tourism Highlights [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.e-unwto.org/doi/pdf/10.8111/9789284416899

б) на восточных языках

44. Türkiye Cumhuriyeti ve Körfez Arap Ülkeleri İşbirliği Konseyi Üyesi Ülkeler Arasında Ekonomik İşbirliğine İlişkin Çerçeve Anlaşma [Рамочное соглашение об экономическом сотрудничестве между Турецкой Республикой и государствами – членами Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (на турец. яз.)]. Manama, 2005 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.resmigazete.gov.tr/eskiler/2009/04/20090413M1-1.htm>
45. Türkiye-KİK Ortak Eylem Planı [Совместный план действий Турции и ССАГПЗ (на турец. яз.)]. İstanbul, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.mfa.gov.tr/joint-statement-turkey-gcc-high-level-strategic-dialogue-4th-joint-ministerial-meeting_-28january-2012_-istanbul_-turkey.en.mfa
46. Darbe girişimi olduğu zaman Körfez’de kimlerin buna sevindiğini çok iyi biliyoruz [Выступление Президента Турецкой Республики Р.Т. Эрдогана

10.06.2017. (на турец. яз.).

47. Botaş ile Katar doğalgaz anlaşması imzalandı [Компания «Боташ» подписала соглашение о природном газе с Катаром (на турец. яз.)] // Anadolu Ajansı/ 20.09.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/tr/ekonomi/botas-katar-gaz-ile-lng-anlasmasi-imzaladi/914951>

48. *Davutoğlu, A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu / A. Davutoğlu [Давутоглу, А. Стратегическая глубина / А. Давутоглу (на турец. яз.)]. İstanbul: Küre, 2009.*

49. QSTec ile mutabakat zaptı imzalandı [QSTec подписала важное соглашение (на турец. яз.)] // Fernas Şirketler Grubu [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.fernas.com.tr/qstec-ile-mutabakat-zapti-imzalandi>

Литература

а) на русском языке

1. *Аватков В.А. Внешнеполитический дискурс ведущих субъектов турецкой политики (2010 – лето 2015 г.) / В.А. Аватков. М.: Изд-во МГИМО, 2015.*

2. *Аватков В.А. Национальный вопрос в Турции / В.А. Аватков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://mgimotc.ucoz.ru/stuff/politicheskaja_sistema_turcii/politicheskaja_sistema/nacionalnyj_vopros_v_turcii/4-1-0-32*

3. *Аватков В.А. Турецкая Республика. Внутренняя политика: от 2002 к 2018 / В.А. Аватков. М., 2019. 203 с.*

4. *Аватков В.А. Турецкая Республика. Внешняя политика: от 2002 к 2018 / В.А. Аватков: монография. М., 2019. 145 с.*

5. *Аватков В.А. Основные механизмы реализации внешнеполитических интересов Турции на Ближнем Востоке / В.А. Аватков, С.А. Шелестов // Международные отношения. 2018. № 2. С. 14–24.*

6. *Алейников С.В.* Политическая ситуация и проблемы национального примирения в Сомали / С.В. Алейников. М.: Институт Ближнего Востока, 2012.

7. *Алейников С.В.* Сомалийские племена / С.В. Алейников. М.: Институт Ближнего Востока, 2014.

8. *Александров С.* Ирак сегодня: на пути к стабильности или новым политическим кризисам? / С. Александров, Е. Савичева // Азия и Африка сегодня. 2020. № 10. С. 22–28.

9. *Апдайк, Р.Дж.* Саддам Хусейн / Р.Дж. Апдайк. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.

10. *Барановский В.Г., Наумкин В.В.* Ближний Восток в меняющемся глобальном контексте: ключевые тренды столетнего развития // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 3. С. 5–19.

11. *Белов В.И., Савичева Е.М.* Ближний Восток – от настоящего к будущему: вызовы меняющейся идентичности / В.И. Белов, Е.М. Савичева. М.: РУДН, 2021.

12. *Белов В.И., Савичева Е.М.* Мегатренды регионального развития и «кризисные» страны Большого Ближнего Востока / В.И. Белов, Е.М. Савичева // Вопросы истории. 2021. № 11-1. С. 220–229.

13. *Быстров А.А.* В Ливии ОАЭ усиливают поддержку ЛНА Х. Хафтара, а Турция – ПНС Ф. Сараджа / А.А. Быстров // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=66685>

14. *Быстров А.А.* О влиянии противостояния Катара и ОАЭ на развитие внутривосточной ситуации в Сомали / А.А. Быстров // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=41490>

15. *Быстров А.А.* О развитии военной и политической ситуации в Ливии / А.А. Быстров // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=52380>

16. *Быстров А.А.* О политике России в ливийском конфликте / А.А. Быстров // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=70396>

17. *Быстро, А.А.* О политике Франции, Италии и ОАЭ по ливийскому конфликту / А.А. Быстров // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=56216>

18. *Быстро, А.А.* Турция укрепляет свои позиции в Сомали на фоне конкуренции с США / А.А. Быстров // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=73567>

19. *Быстров А.А.* Сомали против Сомалиленда в схватке за базу в Бербере / А.А. Быстров // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=42265>

20. *Быстров А.А.* Что стоит за дезинформацией о строительстве российской военной базы в Сомалиленде / А.А. Быстров // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=43377>

21. *Волович А.А.* Турция и арабские революции 2011 года / А.А. Волович // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html

22. *Гаджиев А.Г.* Обострение турецко-сирийских отношений / А.Г. Гаджиев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html

23. *Гофман А.В.* Мир Ближнему Востоку: изменят ли «Соглашения Авраама» историю? / А.В. Гофман [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/columns/middle-east/mir-blizhnemu-vostoku-izmenyat-li-soglashenya-avraama-istoriyu>

24. *Долгов Б.В.* Кризис в арабском мире и политический ислам / Б.В.

Долгов // Азия и Африка сегодня. 2020. № 6. С. 14–20.

25. *Долгов Б.В.* Исламистское движение и арабский кризис в контексте современных тенденций общественного развития / Б.В. Долгов // Восток (Oriens). 2019. Вып. 2. С. 115–125.

26. *Дружиловский С.Б.* Внешнеполитические идеологемы Турции (2002–2012 гг.) / С.Б. Дружиловский, В.А. Аватков // Обозреватель – Observer: научно-аналитический журнал. 2013. № 6 (281). С. 73–88.

27. *Дыкань Д.* ОАЭ в роли инициатора возвращения Сирии в арабский мир / Д. Дыкань [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/oe-v-rol-i-nitsiatora-vozvrashcheniya-sirii-v-arabskiy-mir>

28. *Егоров А.* Взгляд из Дохи / А. Егоров // Газпром: корпоративный журнал. 2017. № 1–2. С. 30–45.

29. *Егоров И.* Турция и арабский мир: проблемы взаимодействия / И. Егоров // Проблемы национальной стратегии. 2019. № 6 (57). С. 11–51.

30. *Жигалина О.И.* Мулла Мустафа Барзани. Исторический портрет / О.И. Жигалина. М.: Институт востоковедения РАН, 2013.

31. *Звягельская И.Д., Кожанов Н.А., Свистунова И.А., Сурков Н.Ю.* Государства Ближнего Востока в поисках внешнеполитической идентичности // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 9. С. 93–103.

32. *Звягельская И.Д., Свистунова И.А., Сурков Н.Ю.* Ближний Восток в условиях «негативной определенности» // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 6. С. 94–103.

33. *Иванов С.А.* Столкновение интересов и геополитическое соперничество в регионе Красного моря / С.А. Иванов, Е.М. Савичева, В.П. Титов // Сравнительная политика. 2021. № 12 (2). С. 94–110.

34. *Иванов, И.И.* Эволюция ближневосточной политики Турции в XX–XXI вв. / И.И. Иванова. М., 2019.

35. *Киреев Н.Г.* История Турции. XX век / Н.Г. Киреев. М., 2007. 609 с.

36. *Ковалев В.И.* Глава турецкой Партии будущего Ахмет Давутоглу о будущем после коронавируса. Ч. 2 / В.И. Ковалев // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=69033>

37. *Косач Г.Г.* Сирийская оппозиция: Ахмед Джарба отвечает на вопросы «Аль-Хайят» / Г.Г. Косач // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=18105>

38. *Кузнецов А.А.* К развитию ситуации вокруг Иракского Курдистана / А.А. Кузнецов // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=38475>

39. *Кузнецов, А.А.* О влиянии дела Хашогги на отношения КСА с Турцией и странами ССАГПЗ. Ч. 1 / А.А. Кузнецов // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=48913>

40. *Кузнецов А.А.* О новых дипломатических инициативах эмира Катара / А.А. Кузнецов // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.iimes.ru/?p=29938

41. *Кузнецов А.А.* О новых тенденциях в ирано-турецких отношениях / А.А. Кузнецов // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=27851>

42. *Кузнецов А.А.* Турция включается в геополитическую игру на Красном море / А.А. Кузнецов // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.iimes.ru/?p=40548

43. *Ласкари, Ф.И.* Как Халифа Хафтар использует племенной фактор в ливийской гражданской войне / Ф.И. Ласкарис // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=69820>

44. *Ласкарис Ф.И.* Ливия: становление ливийского общества,

племенная и религиозная составляющие. Ч. 7 / Ф.И. Ласкарис // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=72388>

45. *Мелкумян Е.С.* Кувейт в 2000-е годы: внутривосточное развитие и внешняя политика / Е.С. Мелкумян. М.: Институт Ближнего Востока, 2014.

46. *Мелкумян Е.С.* Регион Залива: конфликты, компромиссы, сотрудничество / Е.С. Мелкумян. М.: ИВ РАН, 2008.

47. *Мрасси Р.* Эволюция концептуальных основ внешней политики Турецкой Республики (1923–2009). URL: <https://www.dissercat.com/content/evolyutsiya-kontseptualnykh-osnov-vneshnei-politiki-turetskoi-respubliki/read>

48. *Надеин-Раевский В.А.* Поиск новой идентичности и внешняя политика Турции / В.А. Надеин-Раевский // РСМД [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/poisk-novoy-identichnosti-i-vneshnyaya-politika-turtsii>

49. *Носков А.Ю.* Братский союз Анкары и Дохи / А.Ю. Носков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://nvo.ng.ru/realty/2017_07_07/6-955-turkey.html

50. *Рыжов И.В.* Основные проблемы региональной безопасности на Ближнем Востоке / И.В. Рыжов, М.Ю. Бородина, Е.М. Савичева // Вестник Марийского Востока [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/02-09-09a.htm>

51. *Савичева Е.М., Александров С.А.* Ирак сегодня: на пути к стабильности или к новым политическим кризисам? // Азия и Африка сегодня. 2020. № 10. С. 22–28.

52. *Свистунова И.А.* Турция в контексте «арабской весны»: региональная стратегия / И.А. Свистунова // РИСИ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://riss.ru/analytics/2431>

53. *Свистунова И.А.* Челночная дипломатия министра иностранных дел

Турции А. Давутоглу / И.А. Свистунова // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/rus/stat/2009/19-09-09a.htm>

54. *Семенов К.* Можно ли доверять Хафтару? Предательства «профессионального мятежника» / К. Семенов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.trtrussian.com/mnenie/mozhno-li-doveryat-haftaru-predatelstva-professionalnogo-myatezhnika-2849828>

55. *Стародубцев И.И.* Большая стратегия Турции. Ч. 3 / И.И. Стародубцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=74191>

56. *Стародубцев И.И.* Большая стратегия Турции. Ч. 8 / И.И. Стародубцев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=74721>

57. *Тепе А.* О политике Турецкой Республики в регионе Красного моря и Африканского Рога в контексте ее соперничества с другими исламскими государствами / А. Тепе // Исламоведение. 2021. № 1 (47). С. 55–67.

58. *Тепе А.* Эволюция отношений Турции и ОАЭ в 2002-2022 годах в контексте региональных кризисов на Ближнем Востоке // Альманах «Казачество», 2023. № 69 (4). С. 158 – 171.

59. *Шлыков П.* Ближневосточная политика Турции в контексте «арабской весны» / П. Шлыков // Перспективы [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.perspektivy.info/book/blizhnevostochnaja_politika_turcii_v_kontekste_arabskoj_vesny_2012-12-17.htm

60. *Чикризова О.С.* К вопросу о методологии изучения суннитско-шиитских взаимоотношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2015. Т. 15. № 3. С. 74–82.

61. *Шлыков В.И.* Турция на пути в Евросоюз: надежды и разочарования Анкары / П. Шлыков // Перспективы [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

https://www.perspektivy.info/oykumena/vostok/turcija_na_puti_v_jevrosojuz_nadezhdy_i_razocharovanija_ankary_2010-06-21.htm

62. *Щегловин, Ю.Б.* План Саудовской Аравии создать ближневосточный аналог НАТО терпит неудачу / Ю.Б. Щегловин // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=24418>

63. *Щегловин, Ю.Б.* О возможном преемнике султана Омана / Ю.Б. Щегловин // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=22979>

64. *Щегловин Ю.Б.* О действиях Саудовской Аравии на сирийском направлении / Ю.Б. Щегловин // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html

65. *Щегловин Ю.Б.* О некоторых нюансах дела саудовского журналиста Д. Хашогги / Ю.Б. Щегловин // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=49176&ysclid=ltwtzxxk4a4267078700>

66. *Щегловин Ю.Б.* О стратегическом сотрудничестве Турции и Катара и его влиянии на ситуацию на Ближнем Востоке и в Северной Африке / Ю.Б. Щегловин // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=65863>

67. *Щегловин Ю.Б.* Сирия на пути к гражданской войне / Ю.Б. Щегловин // Сайт Института Ближнего Востока [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.iimes.ru/rus/frame_stat.html

68. *Щегловин Ю.Б.* Что стоит за наступлением ИГИЛ в Ираке / Ю.Б. Щегловин // ИБВ. 12.06.2014 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iimes.ru/?p=21269>

б) на европейских языках

69. Al Asaad, S. Remembering the Saudi invasion of Bahrain when the hopes for reform were quashed / S. Al Asaad // Al Mayadeen English [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://english.almayadeen.net/articles/blog/remembering-the-saudi-invasion-of-bahrain-when-hopes-for-ref>.

70. Al Makhaleh, Sh. Taqa pulls out 12 b investments from Turkish energy project / Sh. Al Makhaleh // Gulf News. 26.08.2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gulfnews.com/business/sectors/general/taqa-pulls-out-12b-investment-from-turkey-power-projects-1.1224336>

71. Alirıza, B. Turkey's evolving relations with Russia and Iran / B. Alirıza, S. Flanagan // The Turkey, Russia, Iran nexus. Driving forces and strategies. N.Y.: Center for Strategic and International Studies, 2014. P. 20–24.

72. Altunışık, M.B. Turkey's Eastern Mediterranean quagmire / M.B. Altunışık [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mei.edu/publications/turkeys-eastern-mediterranean-quagmire>

73. Ardemagni, E. Emiratis, Saudis, Omanis: rising competition for the Yemen's Al Mahra / E. Ardemagni [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://blogs.lse.ac.uk/mec/2017/12/28/emiratis-omanis-saudis-the-rising-competition-for-yemens-al-mahra/>

74. Arman, A. Erdoğan: the hero of Somalia / A. Arman [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aljazeera.com/opinions/2015/1/21/erdogan-the-hero-of-somalia>

75. Al-Atiki, S. Turkey-GCC relations. Trends and outlook / S. Al-Atiki, E. Çalışkan, C. Long. Istanbul: UIP-ICP, 2016.

76. Al-Faisal, T. Saudi Foreign Policy today / T. Al-Faisal // Middle East Policy Council [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mepc.org/speeches/saudi-foreign-policy-today>

77. Al-Ibrahim, F. Riyadh and Doha: a fierce but low profile battle / F. al-Ibrahim [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://english.al->

akhbar.com/content/ riyadh-and-doha-fierce-low-profile-battle

78. *Aykan, M.B.* Turkey's policy in Northern Iraq 1991–1995 / M.B. Aykan // Middle Eastern Studies. 1996. № 4. P. 343–366.

79. *Bakir A.* Will geopolitical instability strengthen Omani-Turkish relations? / A. Bakir, G. Gafiero // Al Sharq Strategic Research [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://research.sharqforum.org/2018/10/05/will-geopolitical-instability-strengthen-omani-turkish-relations>

80. *Başkan, B.* Turkey and the UAE: A strange crisis / B. Başkan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mei.edu/publications/turkey-and-uae-strange-crisis>

81. *Ben Lamma, M.* La structure tribale dans Libye: facteur de fragmentation ou de cohésion? / M. Ben Lamma. Paris: Observatoire du monde arabo-musulman et de Sahel, 2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.frstrategie.org/web/documents/programmes/observatoire-du-monde-arabo-musulman-et-du-sahel/publications/14.pdf

82. *Blasi, F.* La stabilità nel Golfo dipende dal Bahrein / F. Blasi [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasia-rivista.org/la-stabilita-del-golfo-dipende-dal-bahrain/12115>

83. *Bhadrakumar, M.* Russia–Turkey: Making nice sans trust comes easy / M. Bhadrakumar [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.atimes.com/russia-turkey-making-nice-sans-trust-comes-easy>

84. *Bhadrakumar, M.* US to raise Kurdish force in Syria ignoring Turkish warnings / M. Bhadrakumar [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.indianpunchline.com/us-to-raise-kurdish-force-ignoring-turkey-warnings

85. *Bora, B.* Analysis: What is Turkey trying to achieve in Iraq? / B. Bora [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aljazeera.com/news/2016/10/analysis-turkey-achieve-iraq-161013032856045.html>

86. *Bora, B.* Analysis: Why is Turkey deploying troops in Qatar? / B. Bora

[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aljazeera.com/indepth/features/2017/06/analysis-turkey-deploying-troops-qatar-170607174911372.html>

87. *Bouvier, E.* Les enjeux énergétiques en Méditerranée orientale, ou la création d'une nouvelle arène géopolitique au Moyen-Orient. Partie I / E. Bouvier [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lesclesdumoyenorient.com/Les-enjeux-energetiques-en-Mediterranee-orientale-ou-la-creation-d-une-nouvelle.html>

88. *Bouvier, E.* Les enjeux énergétiques en Méditerranée orientale, ou la création d'une nouvelle arène géopolitique au Moyen-Orient. Partie II / E. Bouvier [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lesclesdumoyenorient.com/Les-enjeux-energetiques-en-Mediterranee-orientale-ou-la-creation-d-une-nouvelle-3093.html>

89. *Brown, C.S.* Turkey in the Gulf wars of 1991 and 2003 / C.S. Brown // *Turkish Studies*. 2007. № 8. P. 85–119.

90. *Bryen, S.* Russian Pantsyr systems neutralized in Libya / S. Bryen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://asiatimes.com/2020/05/russian-pantsir-systems-neutralized-in-libya>

91. *Butler, D.* Turks keeping troops in Iraqi camp, Baghdad turns to UN / D. Butler, A. Rashid // *Reuters*. 12.12.2015 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/idUSKBN0TU1GG>

92. *Calabrese J.* The Bab el-Mandeb Strait: regional and the great power rivalries on the shores of the Red Sea / J. Calabrese [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mei.edu/publications/bab-el-mandeb-strait-regional-and-great-power-rivalries-shores-red-sea>

93. *Carceles, R.* L'enlèvement du conflit libyen et le rôle croissant de la Turquie / R. Carceles [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.lesclesdumoyenorient.com/L-enlèvement-du-conflit-libyen-et-le-rôle-croissant-de-la-Turquie-1-2.html>

94. *Cengiz, S.* Turkey and Kuwait: Strengthening ties in a fragile region / S. Cengiz // *Arab News*. 18.03.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<https://www.arabnews.com/node/1070346>

95. *Cengiz, S.* Turkey–Bahrain relations getting back on track as Erdoğan set to visit Manama / S. Cengiz // AGSIW. 17.11.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://agsiw.org/turkey-bahrain-relations-getting-back-on-track-as-erdogan-set-to-visit-manama>

96. *Cengiz, S.* Turkish–Saudi Relations. Cooperation and Competition in the Middle East / S. Cengiz. Berlin: Gerlach, 2021.

97. *Cockburn, P.* Iraq crisis: how Saudi Arabia helped ISIS take over the north of the country / P. Cockburn [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.independent.co.uk/voices/comment/iraq-crisis-how-saudi-arabia-helped-isis-take-over-the-north-of-the-country-9602312.html>

98. *Cockburn, P.* Libya in crisis: Rival militias position themselves for civil war as country disintegrates / P. Cockburn [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.independent.co.uk/news/world/africa/libya-in-crisis-rival-militias-position-themselves-for-civil-war-as-country-teeters-on-brink-9399311.html>

99. *Crooke, A.* The 'great game' in Syria / A. Crooke [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/MJ22Ak01.html

100. *Denise, N.* Turkey's Kurdish client state / N. Denise [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/11/turkey-krq-client-state.html#ixzz3JGEQt2HI>

101. *Elleithy, A.* Why Turkey is wooing Egypt / A. Elleithy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.al-monitor.com/originals/2021/04/why-turkey-wooing-egypt#ixzz6r5TxwjUP>

102. *Escobar, P.* Suicide bombers of the world, unite / P. Escobar [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/NG25Ak02.html

103. *Escobar, P.* Syria's Pipelineistan war / P. Escobar [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://www.aljazeera.com/indepth/opinion/2012/08/2012851334404_24621.html

104. *Escobar, P.* The shadow war in Syria / P. Escobar [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/ML02Ak01.html

105. *Escobar, P.* Why Qatar wants to invade Syria? / P. Escobar [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/NI28Ak03.html

106. *Fromkin, D.* A Peace to end all peace / D. Fromkin. N.Y.: Henry Hold and Company, 1989.

107. *Fuller, G.* The new Turkish Republic: Turkey as a pivotal State in the Muslim world / G. Fuller. N.Y.: Bozorg Press, 2007.

108. *Fuller, G.* Turkey and the Arab Spring. Leadership in the Middle East / G. Fuller. N.Y.: Bozorg Press, 2014.

109. *Gafiero, G.* Divide and survive: Ethiopia's relations with Gulf and Turkey / G. Gafiero [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://english.alaraby.co.uk/english/indepth/2020/6/25/Divide-and-survive-Ethiopia-balances-Gulf-Turkey-ties>

110. *Gafiero, G.* How Turkey fits into the Qatar puzzle / G. Gafiero // Al Monitor: The Pulse of the Middle East. 2.07.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.al-monitor.com/originals/2017/07/turkey-military-qatar-crisis-egypt-saudi-arabia-uae.html>

111. *Gafiero, G.* Kuala Lumpur summit: A challenge to Saudi leadership? / G. Gafiero, Kh. Al-Jaber [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mei.edu/publications/kuala-lumpur-summit-challenge-saudi-leadership>

112. *Gafiero, G.* Oman, stuck between Saudi Arabia and Iran / G. Gafiero [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/01/oman-saudi-arabia-iran-tension-execution-nimr-mediator#ixzz410bgMTc6>

113. *Gafiero, G.* Why China's investment in Oman matters / G. Gafiero [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.alaraby.co.uk/english/>

comment/2017/10/17/why-chinas-investment-in-oman-matters *Galay, D.* Turkey's Libya gambit is paying off – for now / D. Galay [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.middleeasteye.net/opinion/turkeys-libya-gambit-paying-now>

114. *Gunter, M.* The Kurds ascending: The evolving solution to the Kurdish problem in Iraq and Turkey / M. Gunter. N.Y.: Palgrave Mc Millan, 2014.

115. *Gunter, M.* Turkey and Iran face off in Kurdistan / M. Gunter // Middle East Quarterly. 1998, March. P. 22–33.

116. *Gürcan, M.* Turkey flexing military muscle in Qatar / M. Gurcan // Al Monitor: The Pulse of the Middle East. 24.07.2017 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.al-monitor.com/originals/2017/07/turkey-qatar-military-deployment-signals-hard-power-policy.html>

117. *Gürcan, M.* Why Turkey and Qatar are becoming an item? / M. Gurcan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2017/03/turkey-qatar-diversifying-its-interests-risks.html#ixzz4bTuLy EAU>

118. *Handi, N.* Turkey's evolving relations with the Kurdish Regional Government of Iraq / N. Handi // Turkish relations with the Middle East. Zurich: Springer International Publishing, 2017. P. 24–36.

119. *Hanna, E.* Syria: FSA appoints new leader as it moves south / E. Hanna [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://english.al-akhbar.com/content/syria-fsa-appoints-new-leader-it-moves-south>

120. *Hinnebusch, R.* Back to enmity. Turkey-Syria relations since the Syrian Uprising / R. Hinnebusch // Orient. 2015. № 1. P. 14–23.

121. *Hearst, D.* MBZ is performing a U-turn that could reshape the Middle East / D. Hearst // Middle East Eye. 15.09.2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.middleeasteye.net/opinion/uae-foreign-policy-swerve-could-reshape-middle-east>

122. *Hearst, D.* UAE funnelled money to Turkish coup plotters / D. Hearst // Middle East Eye édition française. 29.07.2016 [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <https://www.middleeasteye.net/fr/news/exclusive-uae-funnelled-money-turkish-coup-plotters-21441671>

123. *Ismaeel, B.P.* What does the last vote mean for Iraq's Kurdish region? / B.P. Ismaeel [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.middleeasteye.net/columns/what-does-latest-vote-mean-iraq-s-kurdish-region-1623501595>

124. *Kancı, M.* Turkey's new geostrategy. From Doha to Tripoli defending an area / M. Kancı [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/en/analysis/analysis-turkey-s-new-geostrategy-from-tripoli-to-doha-defending-an-area-/1682719>

125. *Kaplan, E.* Turkey, Bahrain to work for regional stability: Erdoğan / E. Kaplan, R. Turgut [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.aa.com.tr/en/middle-east/turkey-bahrain-to-work-for-regional-stability-erdogan/748954>

126. *Kaplan, R.D.* Saudi nightmares / R.D. Kaplan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://worldview.stratfor.com/article/saudi-nightmares>

127. *Keyman, F.* A new Turkish foreign policy: towards proactive «Moral Realism» / F. Keyman // Insight Turkey [официальный сайт] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.insightturkey.com/articles/a-new-turkish-foreign-policy-towards-proactive-moral-realism>

128. *Kaval, A.* Jalal Talabani. Du militant au chef d'Etat / A. Kaval [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lesclesdumoyenorient.com/Jalal-Talabani-du-militant-au-chef.html>

129. *Kaval, A.* Les Barzanis / A. Kaval [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lesclesdumoyenorient.com/Les-Barzani.html>

130. *Kenyon, P.* Turkish leader begins Arab Spring tour / P. Kenyon [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.npr.org/2011/09/12/140407429/turkish-leader-begins-arab-spring-tour>

131. *Kraemer, R.* Diversify and expand: Turkey's drive toward natural gas security / R. Kraemer [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mei.edu/publications/diversify-and-expand-turkeys-drive-towards->

natural-gas-security

132. *Landis, J.* Syria top five Insurgent leaders / J. Landis [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.joshualandis.com/blog/biggest-powerful-militia-leaders-syria>

133. *Laçiner, S.* Turgut Özal period in Turkish foreign policy: Özalism / S. Laçiner // USAK Yearbook, 2009. P. 153–205.

134. *Liel, A.* Turkey in the Middle East: Oil, Islam and Politics / A. Liel. N.Y.: Boulder and CO, 2001.

135. *Lindgren, J.E.* Syria's «lost province». The Hatay question returns / J.E. Lindgren [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://carnegie-mec.org/diwan/54340>

136. *Longrigg, S.H.* Four centuries of modern Iraq / S.H. Longrigg. London: Garnet, 2001.

137. *Lund, A.* Abu Yahia al Hamawi, Ahraar al Sham's new leader / A. Lund [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.joshualandis.com/blog/abu-yahia-al-hamawi-ahrar-al-shams-new-leader>

138. *Mammadov, R.* Turkey – Gulf and Libya impact of growing economic divide / R. Mammadov, K. Petersen [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mei.edu/publications/turkey-gulf-and-libya-economic-impact-growing-geopolitical-divide> *Moubayed, S.* Erdoğan snares an ancient port on the Red Sea – with the funds of Qatar? / S. Moubayed [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://asiatimes.com/2018/01/erdogan-snares-ancient-port-red-sea-funds-qatar>

139. *Moubayed, S.* Qatar, Saudi Arabia. Open crack in united front against Iran / S. Moubayed [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.atimes.com/article/qatar-saudi-arabia-open-crack-united-front-iran>

140. *Munier, G.* Kurdes et Mossad: tribalisme, separatisme et business / G. Munier [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.france-irak->

actualite.com/ article-kurdes-et-mossad-tribalisme-separatisme-et-business-53319056.html

141. *Munier, G.* Le Kurdistan Iraquien... a pas de loup vers independence / G. Munier [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.france-irak-actualite.com/article-le-kurdistan-irakien-a-pas-de-loup-vers-l-independance-121428848.html>

142. *Munier, G.* Menace du Grand Kurdistan / G. Munier // *Afrique-Asie*. 2006. № 4. P. 38–45.

143. *Naba, R.* Turquie: Vers un leadership régional à base d'un Islam moderniste / R. Naba [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.renenaba.com/turquie-vers-un-leadership-regional-a-base-d%E2%80%99un-islam-moderniste>

144. *Nafi, B.* How the US betrayed Turkey in Syria / B. Nafi [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.middleeasteye.net/columns/turkey-us-alliance-not-what-it-used-be-1770769465>

145. *Nazemroaya, M.D.* Turkish-ISIL oil trade. Did the Turkish military enter Mosul to protect the oil trade? / M.D. Nazemroaya [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.globalresearch.ca/turkish-isil-oil-trade-did-the-turkish-military-enter-mosul-to-protect-its-oil-trade/5496773>

146. *Obeid, H.* European Muslim groups angered by inclusion in UAE's terror list / H. Obeid [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2014/12/uae-terrorist-list-european-islamist-groups.html#ixzz3LPnOs4cO>

147. *Özhan, T.* The Arab Spring and Turkey / T. Özhan [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://setav.org/public/HaberDetay.aspx?Dil=tr&hid=91030&q=the-arab-spring-and-turkey>

148. *Pamuk, H.* Exclusive: Turkey sticks with Iran oil after Saudi talks. 14.02.2012 / H. Pamuk [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uk.reuters.com/article/2012/10/21/turkey-turpas-loan->

idUKL5E8LL05P20121021

149. *Philips, C.* Into quagmire. Turkey's frustrated Syrian policy / C. Philips. London: Chatham House, 2012 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.chathamhouse.org/sites/default/files/public/Research/Middle%20East/1212bp_phillips.pdf

150. *Rigoulet-Roze, D.* La situation en Syrie. Deuxième partie: Qui constitue l'opposition syrienne, caractérisée par sa fragmentation? 23.04.2013 / D. Rigoulet-Roze [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lesclesdumoyenorient.com/La-situation-en-Syrie-Deuxieme.html>

151. *Roberts, D.* Qatar and the Muslim Brotherhood: Pragmatism or Preference? / D. Roberts [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.merc.org/qatar-and-muslim-brotherhood-pragmatism-or-preference>

152. *Robins, Ph.* Turkey and the Middle East / Ph. Robins. London: The Royal Institute of International Affairs, 1991.

153. *Rosenbaum, J.* Turkey and GCC. A «win-win dynamic» economists say. 13.08.2015 / J. Rosenbaum [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.aa.com.tr/economic/en/turkey-and-the-gcc-a-win-win-dynamic-economists-say/16766>

154. *Rubin, M.* Green Money, Islamist Politics in Turkey / M. Rubin // Middle East Quarterly. 2005, Winter. P. 13–23.

155. *Rubio, P.* Somalia, Erdoğan's spearhead in East Africa / P. Rubio [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://atalayar.com/en/content/somalia-erdogans-spearhead-east-africa>

156. *Saqib Sh.* Muslim world faces potential geopolitical shift / Sh. Saqib [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.asiatimes.com/2019/12/opinion/muslim-world-faces-potential-geopolitical-shift>

157. *Schneider, T.* The Fatemiyoun Division. Afghan fighters in the Syrian civil war / T. Schneider. Washington: Middle East Institute, Policy Paper, 2018.

158. *Sharma, S.* 'We can arrive any night': Erdoğan warns Iraqi Kurds of invasion / S. Sharma [Электронный ресурс]. – Режим доступа:

<http://www.middleeasteye.net/news/analysis-tanks-or-no-tanks-erdogan-faces-pressure-home-over-kurd-vote-1789358> 209

159. *Solmaz, M.* Why Saudi Arabia and UAE are targeting Turkey / M. Solmaz [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.middleeasteye.net/columns/why-uae-hostile-turkey-1184696487>

160. *Soylu, R.* Exports from Turkey to Saudi Arabia plummet by 92 percent amid unofficial boycott / R. Soylu // Middle East Eye. 04.02.2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.middleeasteye.net/news/turkey-saudi-arabia-exports-shrink-unofficial-boycott>

161. *Soylu, R.* Qatar pours 10 bln \$ Into ailing Turkish economy in currency swap deal / R. Soylu [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.middleeasteye.net/news/qatar-turkey-swap-deal-tripled-exemption-clearstream-banking-and-euroclear-bank>

162. *Strobel, W.* Biden re-examining US arm sales to Saudi Arabia, UAE / W. Strobel [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.wsj.com/articles/biden-freezes-u-s-arm-sales-to-saudi-arabia-uae-11611773191

163. *Taştekin, F.* Could Turkish involvement in Yemen free Saudi Arabia? / F. Taştekin [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.al-monitor.com/originals/2021/04/could-turkish-involvement-yemen-free-saudi-arabia#ixzz6rSaaHrvJ>

164. *Taştekin, F.* Will failed coup push Erdoğan toward Iran, Russia? / F. Taştekin [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2016/07/turkey-coup-attempt-may-push-erdogan-iran-russia.html#ixzz4F2RIF0gE>

165. *Triana, M.* Managing diversity in organizations: a global perspective / M. Triana. L.: Taylor and Francis, 2017.

166. *Tuncay, E.* Turkey the winner in Gulf Investment's Hunt / E. Tuncay // Hurriyet Daily News. 09.01.2009 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.hurriyetdailynews.com/turkey-the-winner-in-gulfs-investment-

hunt.aspx?pageID=438&n=turkey-the-winner-in-gulfs-investment-hunt=2008.09.01

167. *Üstün, K.* Turkey–UAE: Why MBZ’s visit could mark the start of a new era / К. Üstün // Middle East Eye. 29.11.2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.middleeasteye.net/opinion/turkey-uae-mbz-visit-start-new-era> *Vali, N.* The Shia Revival / N. Vali. N.Y.: W.W. Norton & Company, 2006.

168. *Veselov, A.* Iraq: crisis after crisis or stable instability / A. Veselov [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.strategic-culture.org/news/2013/01/30/iraq-crisis-after-crisis-or-stable-instability.html>

169. *Wright, R.* Iraq, Jordan see threat to elections from Iran / R. Wright, P. Baker // Washington Post. 08.12.2004.

б) на восточных языках

170. *Acet, M.* 15 Temmuz’u fonlayan körfez ülkesi / М. Асет [*Асет, М.* Кто стоял за путчем 15 июля? / М. Асет (на тур. яз.)] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.yenisafak.com/yazarlar/mehmetacet/15-temmuzu-fonlayan-korfez-ulkesi-2038-429>

171. *Dışişleri Bakanı Mevlüt Çavuşoğlu Irak’ta* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.trthaber.com/haber/gundem/disisleri-bakani-mevlut-cavusoglu-irakta-388732>

172. *Karagül, İ.* İran’la yeni doğu cephesi ve arap ittifakının çöküşü Arabistan Türkiye’ye muhtaç / İ. Karagül [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.yenisafak.com/yazarlar/ibrahim-karagul/iranla-yeni-dogu-cephesi-ve-arap-ittifakinin-cokusus-arabistan-turkiyeye-muhtac-2057875

173. *عبد الباري عطوان. هل تدخّل ترامب فعلاً لمنع التدخّل العسكري لإسقاط النظام في قطر؟* // 21.09.2017. *رأي اليوم*. [Атван, А. Действительно ли Трамп вступился, чтобы не допустить военное вторжение и свержение режима в Катаре? / А. Атван // Рай аль-йаум. 21.09.2017 (на араб. яз.)] [Электронный ресурс]. – Режим

доступа: <http://www.raialyoum.com/?p=747192>

عبد الباري عطوان. لماذا يزور كوشنير السعودية وقطر بعد اقل من أسبوع من اغتيال عالم. 174. *النذرة الإيرانية فخري زاده؟* / *А. Атван, А. Зачем Кушнер посетил Саудовскую Аравию и Катар меньше чем за неделю до убийства иранского ученого Фахри-задэ?* / *А. Атван // Рай аль-йаум. 02.12.2020 (на араб. яз.)* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.raialyoum.com/-/لماذا-يزور-كوشنير-السعودية-وقطر-بعد-اقل>

رأي اليوم // عبد الباري عطوان. إيران «كلمة السر» في الخلاف الخليجي المتفاقم، كيف؟ 175. 26.05.2017 [Атван, А. Иран: секретное слово в распрях в Заливе – как?] / *А. Атван // Рай аль-йаум. 26.05.2017 (на араб. яз.)* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.raialyoum.com/?p=681583>

عبد الباري عطوان. قطر تواجه ثاني أخطر أزمة في تاريخها. صحيفة // رأي اليوم. 176. 24.05.2017 [Атван, А. Катар переживает второй самый опасный кризис в своей истории / *А. Атван // Рай аль-йаум. 24.05.2017 (на араб. яз.)*] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.raialyoum.com/?p=680527>

عبد الباري عطوان. لماذا يقرُّك الرئيس السيسي يديه فرحًا بهذا الغزل التركيّ المتصاعد؟ 177. 10.03.2021 [Атван, А. Почему ас-Сисси потирает руки, наблюдая за усиливающимся турецкими «ухаживаниями»? / *А. Атван // Рай аль-йаум. 10.03.2021 (на араб. яз.)*] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.raialyoum.com/لماذا-يفرك-الرئيس-السيسي-يديه-فرحاً-بهذا>

عبد الباري عطوان. لماذا قرّر الأمير تميم زيارة أنقرة فجأةً واللّقاء بالرئيس أردوغان؟ // رأي 178. 14.09.2017 [Атван, А. Почему эмир Катара Тамим совершил неожиданный визит в Турцию для встречи с Президентом Эрдоганом? / *А. Атван // Рай аль-йаум. 14.09.2017 (на араб. яз.)*] [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.raialyoum.com/?p=742838>

عبد الباري عطوان. ثلاث ملاحظات يمكن أن تلخص الأهداف الحقيقية لقمة 179. 06.01.2021 [Атван, А. Три наблюдения могут показать реальные цели саммита в Саудовской Аравии по примирению в

Персидском заливе / А. Атван // Рай аль-йаум. 06.01.2021 (на араб. яз.)
[Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.raialyoum.com/index.php>
(на араб. яз.).

180. عبد الباري عطوان. تركيا وإيران تقتربان من حل سياسي للامنة السورية برعاية روسية. //
21.08.2016 رأي اليوم. [Атван, А. Турция и Иран сближаются на почве решения
сирийского кризиса под эгидой России / А. Атван // Рай аль-йаум. 21.08.2016
(на араб. яз.)] [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<https://www.raialyoum.com/تركيا-وايران-تقتربان-من-حل-سياسي-للزام/>

181. رأي اليوم. // حرب الموصل بدأت دبلوماسيا بين العراق وتركيا باستدعاء سفيرى البلدين. 15.10.2016
[Война за Мосул между Ираком и Турцией началась после того,
как два государства отозвали своих послов // Рай аль-йаум. 15.10.2016 (на
араб. яз.)] [Электронный ресурс]. – Режим доступа:
<http://www.raialyoum.com/?p=535783>

182. 27.12.2017 قرقاش: العالم العربي لن تقوده أنقرة أو طهران. صحيفة «رأي اليوم». 27.12.2017
[Гаргаш: Арабский мир не встанет на колени перед Анкарой или Тегераном]
// Рай аль-йаум. 27.12.2017 (на араб. яз.)] [Электронный ресурс]. – Режим
доступа: <http://www.raialyoum.com/?p=802847>